

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

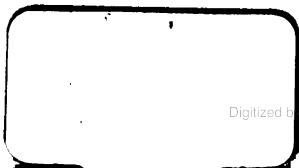
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 4170.555 (6)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

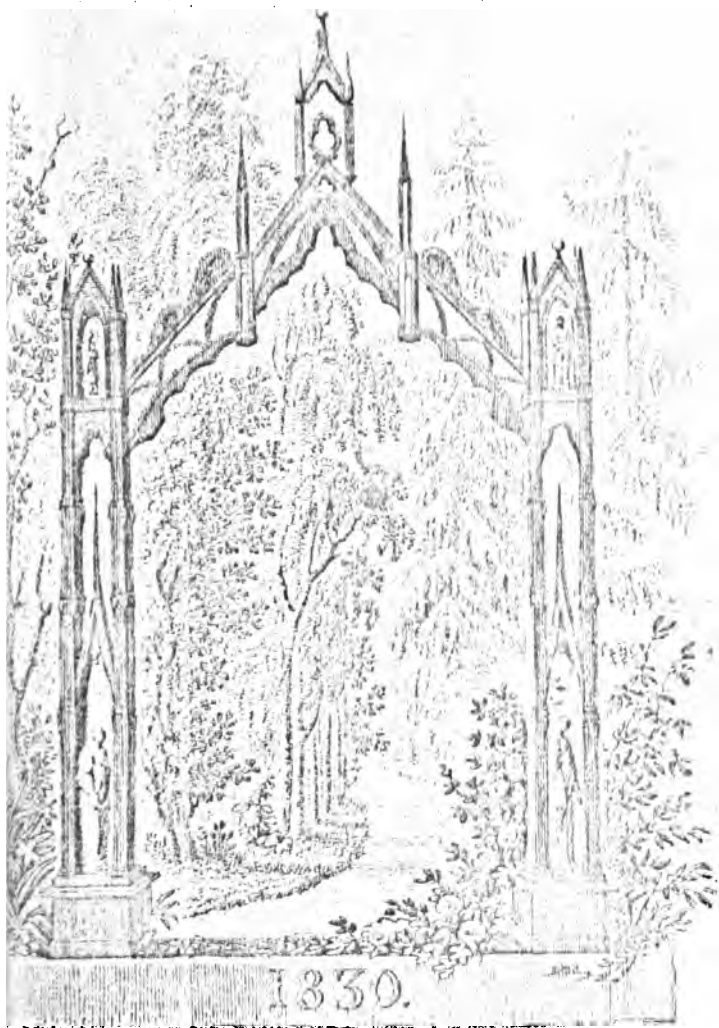

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

1830.

12. 1830.

12. 1830.

△
Slav 4170-555 (6)
✓

NDEA

СЪВЕРШЕННЫЕ

ЦВѢТЫ

НА 1850 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТ. НАРОДН. ПРОСВѢЩ.

1829.

РЗ 5201
76

Печатать **позволяется**
съ тѣмъ , чтобы по оппечатаваніи пред-
ставлены были въ Цензурный Коми-
тетъ три экземпляра. С. Петербургъ ,
20 Декабря 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

104837
'87

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Проза.

Стран.

Волконской (Княгини Зинаиды
Александровны).

Отрывки изъ душевыхъ записокъ . . . 216.

Глики (О. П.)

Вступленіе большой дѣйсвующей арміи
на позицію при с. Тарушинѣ . . . . . 158.

Крюкова.

Киргизскій набѣгъ . . . . . 115.

Пушкина (А. С.)

Отрывокъ изъ литературныхъ руко-
писей . . . . . 228.

Сенковского (О. П.)

Воръ, Арабская поѣздка . . . . . 232.

Сомова.

Обозрѣніе Россійской Словесности за
первую половину 1829 года . . . . . 3.

Книжмора (разсказъ рускаго крестьянина
на большой дорогѣ) . . . . . 182.

Поэзія:

Арз.

Эпиграмма . . . . . 97.

Баратынскаго.

Эпиграмма . . . . . 57.

Сцена изъ поэмы: *Вбра и невбріе* . . . 88.

Муза . . . . . 94.

Вяземскаго (Князя П. А.)

Слезы . . . . . 124.

Глинки (Ф. П.)

Не наша спорона . . . . . 23.

Псаломъ LXVII . . . . . 54.

Дѣла и видніе . . . . . 63.

Царь и Мудрецъ . . . . . 64.

Деларю.

Поэзія (Сонетъ) . . . . . 24.

Къ Невѣ . . . . . 48.

Ангелу-Хранителю . . . . . 61.

Слеза любви . . . . . 75.

Барона Дельвига.

Четыре возраста фантазіи . . . . . 10.

Описавной солдацѣ (русская идиомъ) . . . 25.

	Стран.
Грусть	52.
Слезы любви	53.
Руская пѣсня	64.
Малороссійская мелодія	65.
Удѣль поэма	76.
Изобрѣшеніе ваянія. (Индія)	126.

Измайлова (А. Е.)

Басни: Скопское правосудіе	46.
Обманчивая наружность	71.

Катенина.

Элегія	11.
------------------	-----

Козлова (И. И.)

Къ шѣни ея	104.
Изъ Байронова Донъ-Жуана	106.

Котляревскаго (И. И.)

Малороссійская пѣсня	68.
--------------------------------	-----

Ободовскаго.

Эрминія (сельская элегія)	21.
-------------------------------------	-----

Подолнскаго.

Противоположности	95.
Гурія	99.

Пушкина (А. С.)

Отрывокъ изъ 7 главы Е. Онегина	
Зимній вечеръ	
Эпиграмма	
Олеговъ щипъ	
2-го Ноября	
Къ * *	
26 Мая 1828	
Я васъ любилъ	
Къ Н. Н.	

Барона Розена.

Пусть любви	
Вычальный обрядъ	
Могильная роза	

Ротгева.

Въ Альбомъ К. Н. У — вой	
------------------------------------	--

Теплякова.

Сыраншкіи	
---------------------	--

Туманскаго (В. П.)

Спаси меня	3
Pensée	5

Стран.

Туманскаго (О. А.)

Родина . . . . . 78.

Хомякова.

Прощаніе съ Адрианополемъ . . . . . 3.

Шеміота.

Друзьямъ . . . . . 57.

Шишкова 2.

Эльфа . . . . . 39.

Безъ подписи сочинителей:

Элегія . . . . . 77.

* * *

Сцена изъ трагедіи Шекспира: *Ромео*и *Юлія* . . . . . 108.

ЗАМѢЧЕННЫЯ О ПЕЧАТКѢ.

Проза :

Стран.	строк.	напечатано :	читанъ :
27	16	написанал	написаныи
46	26	къ изданнымъ	къ изданнымъ
234	9	въ	въ

Поэзія :

16	24	увы исчезла	увы! исчезла
104.	4.	не тревожитъ	не тревожишь
—	4.	не хочу	не хочу

П Р О З А.

ОБОЗРѢНІЕ

Россійской Словесности

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ

1829 ГОДА.

Въ двухъ обзорѣніяхъ, составлен-
ныхъ мною за 1827 и 1828 годы, я
пытался представить читающей пу-
бликѣ, по возможности полный оп-
четъ о журналахъ и книгахъ, выхо-
дившихъ въ Россіи въ печеніе помя-
нутыхъ двухъ лѣтъ. Надѣюсь, что
читатели мои благосклонно приняли
мое намѣреніе, и великодушно изви-
нили нѣкоторыя недостатки, могшіе

**

вкрасься въ сѣи обзорнія, шѣмъ бодѣ, что объ иныхъ книгахъ я долженъ былъ писать въ то время, когда Обзорніе уже печаталось. Снизходящелюности, испрашиваемой мною у просвѣщенной публики, я не могъ и не долженъ былъ ожидать отъ журнальныхъ критиковъ, которые, по большей части, следуя внушеніямъ задышаго самолюбія, шолковали мои слова и сужденія по своему, придавали имъ такой смыслъ, какой имъ самимъ хотѣлось найти или видѣть, часто даже надѣяли меня своимъ собственнымъ умомъ, не побоявшись разориться сами.... Богъ съ ними! я давно уже забылъ ихъ критики и антикритики, собственно ко мнѣ относящіяся, и не намѣренъ плоднить о нихъ рѣчи.

Не брань и прицѣпки сихъ критиковъ, но замѣчанія людей благона-

мѣренныхъ и дву-годичный мой опытъ убѣдилъ меня въ неудобствѣ, представлять читателямъ *Сѣверныхъ Цветовъ*, въ концѣ года, обзорніе литературныхъ нашихъ пріобрѣтеній за цѣлый исходящій годъ. Повинуясь сему убѣжденію, я намѣренъ опинить составлялъ мои обзорнія только за *первую половину* текущаго года; но въ каждое изъ слѣдующихъ обзорній (если оныя будутъ) необходимо войдетъ и опченъ за вторую половину года, передъ тѣмъ минувшаго. Придерживаясь, впрочемъ, прежняго разположенія въ сихъ опченяхъ, я буду каждый новый литературный годъ начинать обзорніемъ русскихъ журналовъ, посвященныхъ особенно словесности, или въ составъ конхъ постоянно входятъ статьи, собственно-литературныя: въ полгода, безъ сомнѣнія, можно достаточно позна-

комишься съ каждымъ новымъ журналомъ, и узнаешь, чего должно или можно ожидать отъ него впередъ.

Основываясь на сихъ правилахъ, начну я и нынѣшнее мое Обзорѣніе по прежнему, журналами.

Явленіе, весьма замѣчательное въ дѣшопнскихъ нашихъ журналахъ, обратило на себя, въ началѣ 1829 года, вниманіе наблюдателей: большая часть прежнихъ журналовъ получила нѣкоторыя преобразованія. Такъ, въ С. Петербургѣ, Съюзъ Ошечеснва соединенъ съ Сѣвернымъ Архивомъ, и снова началъ издаваться еженедѣльно. Въ Москвѣ, всѣ безъ исключенія литературные журналы подверглись большому или меньшему перемѣнамъ. Можно бы подумать, что и для журналовъ есть *климатическіе* годы, что и на нихъ дѣйствуетъ вліяніе планетъ, по которому они,

какъ бы невольцо, вдругъ подчиняющіеся одинакому стремленію, или шерпящъ потрясенія и перемѣны въ эфемерномъ бытіи своемъ. Другое— правда, не новое и вовсе не унѣшишельное явленіе, злобѣцею комешой висѣло надъ нашимъ журнальнымъ міромъ въ теченіе сего полугода: это была шакъ называемая *полемика*, или просто, *журнальная брань*, доходившая въ нѣкоторыхъ журналахъ до высшей степени веприличія или неуваженія къ публикѣ. Наконецъ, что бы довершилъ характеристическій очеркъ нашихъ журналовъ сего времени, напомню, что въ изходѣ 1828 и въ первой половинѣ 1829 годовъ, предметомъ критикъ и аншикритикъ содѣлался великій трудъ Карамзина: *Исторія Государства Россійскаго*, о которой журналы наши по большей части хранили равнодушное молча-

ие какъ будто бы для того, чтобы
 послѣ разомъ высказать все неосно-
 вательныя сужденія, все кривошолки
 объ исторіи вообще, и о твореніи
 Карамзина въ особенности. Послѣ я
 онкрвенно пзясню, въ приличномъ
 мѣсѣ, мои мысли о семъ предметѣ;
 а здѣсь предложу шолько журналовѣд-
 цамъ нашимъ одинъ вопросъ (за рѣ-
 шеніе кошораго Гг. издатели жур-
 наловъ должны бѣ были назначить
 награду): по какому спрашному на-
 правленію умовъ, или по какой свое-
 правной игрѣ случая, встрѣчаются
 подобныя явленія въ журналахъ, кои,
 во многихъ другихъ отношеніяхъ, со-
 вершено противоположны другъ дру-
 гу, и даже въ мнѣніяхъ своихъ явно
 разногласны? Должно ли это при-
 писанъ какому-либо умственному по-
 вѣртію, или въ самомъ дѣлѣ обя-
 зательно дѣйствію планетъ?

Указавъ на нѣкоторыя отличительныя черты прошлагоднихъ нашихъ журналовъ, взглянемъ теперь на каждый изъ нихъ въ особенно-сти. Начнемъ съ издающихся въ Петербургѣ.

Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ, по соединеніи своемъ въ составъ одного журнала, сдѣлаея политическимъ, разнообразнымъ, и поному занимательнымъ прежде-бывшихъ обоихъ журналовъ порознь. Первою славящею поспоянно въ немъ оспалась *изличная словесность*, т. е. повѣсти, отрывки изъ романовъ и другихъ сочиненій въ прозѣ. Другая поспоянная славяща, возстановляющая снова въ *С. О.*, есть *современная политика*, т. е. обозрѣніе происшествій, о которыхъ получены офиціальныя извѣстія въ теченіе педѣли. Кроме того, въ журналѣ семь помѣщались

статьи касательно исторіи, статистики, теоріи словесности и другихъ наукъ; наконецъ критика, стихотворенія и смѣсь. Въ послѣдней иногда являлись, подъ заглавіемъ *журнальнаго ящика*, короткія замѣчанія на промахи и нецѣлосности другихъ журналовъ, замѣчанія, кои часто волновали желчь въ цѣкошорыхъ журналистахъ. Въ отношеніи къ числотѣ рускаго языка и правильности слога, *Сынъ О. и Свѣр. А.* имѣетъ неоспоримое преимущество предъ всеми другими журналами, издаваемыми въ обѣихъ епопеяхъ. Одного можно бы было пожелать отъ издательцевъ; чтобъ они съ большею строгостію выбирали стихотворенія, помѣщаемыя въ ихъ журналѣ, и чтобы не давали въ немъ мѣста длиннымъ критикамъ и антикритикамъ, когда въ оныхъ дѣло идетъ о кни-

гахъ, не имѣющихъ равной занимаемости для всѣхъ вообще чинашелей (*); итъмъ болѣе, что предметомъ сихъ кришикъ и аншикришикъ бываешь не сколько польза науки, сколько безполезныя придирки къ слогу и выраженіямъ.

Своерная итела принадлежишь лишерашурѣ только своими сшашьями о книгахъ, о театръ и итъми, конми оканчиваеешь каждый ся лешпокъ. Сін послѣдній, въ печеніе 1829 года, содеражи въ себѣ многія любопытныя подробности о происшесивіяхъ, конми сопровождалеешь подвиги славныхъ нашихъ воиновъ, въ Арменіи и за Балканами; подробности сін, изображенныя въ часиныхъ ишемахъ

(*) Напр., кришики на книги: *Дентистика* и *Діететика юношества*, и аншикришика за сію послѣднюю.

на имя издастелей, вмѣстѣ съ оффиціальными извѣщеніями; кои почти всегда печатались особыми прибавленіями къ *С. П.*, представляяющъ весьма полный очеркъ знаменитой кампаніи 1829 года, когда желанія и надежды всѣхъ ценныхъ Россіянъ едва усѣтвали за подвигами нашихъ героевъ. Другія списки сего отдѣленія *Свѣд. Пгемы* состояли изъ путешествій, нравственныхъ картинъ, переводовъ изъ сочиненій чужезычныхъ и пр. и пр. — Некоторыя сиротіе судьи журнальные упрекали издастелей сей газеты, что они не помѣщаютъ большихъ критическихъ разборовъ въ спискѣ о новыхъ книгахъ; но сіи судьи забываютъ, что въ газетѣ, не посвященной литературѣ въ особенности, такія просиранныя критики не могутъ печататься, ибо за ними не оставалось

бы мѣста для другихъ статей, составляющихъ существенную часть газеты политической, или служащихъ къ разнообразію листа, въ составъ коего должны входить всякаго рода новости. Для краткаго же библиографическаго извѣстія довольно, если въ немъ сказано нѣсколько словъ о содержаніи и достоинствѣ книгѣ, о ея слогѣ и о томъ, что въ ней хорошо или худо.

Славяникъ былъ таковъ же, какъ и въ предшествовавшемъ году. Кроме нѣсколькихъ новѣшей, довольно хорошо переведенныхъ Г. Тило, остальное въ отдѣленіи словесности сего еженедѣльника сослало изъ весьма посредственныхъ сочиненій; далѣе, подъ названіемъ *Хамлеонистки* и подъ другими заштыливо-нелыными заглавіями — изъ грубыхъ личностей, небылицъ и другихъ

подобныхъ снявъ замашекъ. Эпоть *Славянинъ* былъ самъ испиннымъ хамелеономъ: по жевалъ тупыми зубами Грамматику Греча, по рылся въ журналахъ всѣхъ прошлыхъ годовъ, чпобъ опыскавъ въ нихъ придирки къ пѣкопорымъ другимъ журналншазъ, копорые досадили ему тѣмъ, чпо ихъ книжки чппающешя; по брашилъ безъ поцады пѣхъ людей, копорымъ прежде разночалъ самыя неуѣренныя похвалы. Слогъ эпого *Славянина-хамелеона* былъ также хамелеонскій: *Славянинъ* прикидывался въ нарѣчїи своемъ попеременно по Лопаремъ, по Чувашемъ, по жителемъ Барабинской степи. Побпорю: онъ былъ испиннымъ хамелеономъ!

Новая дѣтская библіотека, издаваемая Г. Федоровымъ. Скажемъ къ слову, чпо доброе намѣреніе издателя не всегда сопровождалось хо-

рошимъ исполненіемъ. Книжки его часто очень и очень опаздывали появляемъ, и подь часъ наполнялись спашьями, написанными наскоро, безъ дальняго размышленія о томъ, что вмѣстѣ съ полезною правдивею цѣлно, онѣ должны быть разнообразны и занимательны по содержанію. Главное условіе книгъ, назначаемыхъ для чтенія дѣтьми, должно быть то, чтообъ онѣ научали, не наводя скуки.

Изъ новыхъ литературныхъ журналовъ въ Пешербургѣ издавалось два: *Дѣтскій драматическій вѣстникъ* и *Бабожка*. Первый изъ сихъ журналовъ, издававшійся по книжкѣ въ недѣлю, состоялъ изъ небольшихъ театральныхъ пьесъ для дѣтей. Выборъ и слогъ сихъ пьесъ вообще заслуживаютъ похвалу. — *Бабожка*, литературная газета, невѣдомо почему

названа *дневникомъ новостей*: справедливѣе было бы назвать ее *дневникомъ старины*, ибо въ ней весьма часто печатались итакіе анекдоты, копорые за полвѣка можно было читать во всѣхъ сборникахъ, во всѣхъ французскихъ Ана прошлаго столѣтія, время Вольера и Грима. Прибавимъ, что и слогу, копорымъ разсказаны сіи запоздалыя новости, ошзывается минувшимъ вѣкомъ: слогу сей вѣль, неправиленъ и нечистъ; изключенія весьма были рѣдки. Въ списаньяхъ, переведенныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, замѣтно еще было странное незнаніе предметовъ самыхъ обыкновенныхъ. — Издаватели новыхъ журналовъ и газетъ должны бѣ были твердо помнить, что въ наше время нельзя уже сподѣлываться одними объявленіями и общаніями: публика непременно пребудеть

рошимъ исполненіемъ. Книжки его часно очень и очень опаздывали появляемъ, и подь часъ наполнялись спашьями, написанными наскоро, безъ дальняго размышленія о шомъ, что вмѣстѣ съ полезною правеспвенною цѣлю, онѣ должны быть разнообразны и занимательны по содержанию. Главное условіе книгъ, назначаемыхъ для чтенія дѣтямъ, должно быть то, чтообъ онѣ научали, не наводя скуки.

Изъ новыхъ литературныхъ журналовъ въ Петербургѣ издавалось два: *Дѣтскій драматическій вѣстникъ* и *Бабогка*. Первый изъ сихъ журналовъ, издававшійся по книжкѣ въ недѣлю, состоялъ изъ небольшихъ театральныхъ пьесъ для дѣтей. Выборъ и слогъ сихъ пьесъ вообще заслуживаютъ похвалу. — *Бабогка*, литературная газета, невѣдомо почему

названа *дневникомъ новостей*: спра-
ведливѣе было бы назвать ее *днев-
никомъ старины*, ибо въ ней весьма
часто печатались пакіе анекдоты,
которыя за полвѣка можно было чи-
тать во всѣхъ сборникахъ, во всѣхъ
французскихъ Апа прошлаго столѣ-
тія, время Вольтера и Грима.
Прибавимъ, что и слогу, которымъ
разсказаны еи запоздалыя новости,
онизывается минувшимъ вѣкомъ: слогу
сей вяль, неправиленъ и нечистъ;
изключенія весьма были рѣдки. Въ
снатьяхъ, переведенныхъ изъ загра-
ничныхъ журналовъ, замѣтно еще
было странное незнаніе предметовъ
самыхъ обыкновенныхъ. — Издавали
новыхъ журналовъ и газетъ долж-
ны бѣ были твердо помнить, что въ
наше время нельзя уже спѣлываться
одними объявленіями и общаніями:
публика непременно пребуешь

исполненія . того , что было объ-
щано .

Къ періодическимъ изданіямъ сего
года , выходившимъ въ Пешербургъ ,
должно также отнести : *Повремен-
ное изданіе Императорской Рос-
сійской Академіи* , коего вышла одна
только 1-я часть . По первой книжкѣ
нельзя судить , каково будетъ цѣлое
изданіе ; но странно , что въ *три*
прозаическія списанья , помѣщенные
въ ней — суть переводы съ чужезем-
ныхъ языковъ . Изъ *четырехъ* стихо-
твореній , ни на одно не можно ука-
зать въ особености .

Въ литературныхъ журналахъ Мос-
ковскихъ , какъ выше сказано , стрем-
леніе къ перемѣнамъ оказалось болѣе
общимъ . Изчислимъ все сіи журналы
и при каждомъ изъ нихъ укажемъ на
перемѣны , сдѣланныя изданіями .

Московский Телеграфъ. Въместо небольшихъ отдѣльныхъ прибавленій, издатель началъ припечатывать въ концѣ книжекъ прибавленія, гораздо большія по объему и заключающія въ себѣ полныя списки касательно химіи, технологіи, сельскаго хозяйства и ш. п. Списки эти, безспорно, хороши по выбору и могутъ быть полезны; но многіе изъ чинашей *Телеграфа* жалуются о прежнихъ отдѣльныхъ прибавленіяхъ, сообщавшихъ публикѣ краткія извѣстія о новѣйшихъ изобрѣненіяхъ или усовершенствованіяхъ по части наукъ, промышленности, даже о заплатахъ свѣтской роскоши. «Такія извѣстія,» говорили помянутые чинашени *М. Т.*, «суть какъ бы публичная выспавка разныхъ издѣлій: не всякъ поидеть на фабрику, чтобы всмашириванься въ механизмъ и средства, коими

• производятся сіи издѣлія; но каждый
 • съ удовольствіемъ и даже съ пользою
 • на нихъ посмотритъ, когда они оп-
 • дѣланы на-чисто и представлены
 • глазамъ любопытствующаго пось-
 • тителя на ряду съ другими пред-
 • метами. » — Изъ переводныхъ ста-
 • тей *М. Т.* за 1829 годъ, особенно
 замѣчательны: двѣ *Лекціи Кузеня*, и
О драматической литературѣ новыхъ
народовъ, соч. Б. Экштейна; нѣко-
 торыя статьи оригинальныя также
 заслуживали вниманіе. Библиографія
М. Т. весьма полна: о всѣхъ почти
 книгахъ, выходящихъ въ Россіи, со-
 общаются въ ней скорыя и удовле-
 створительныя извѣстія. Симъ оп-
 дѣленіемъ издатель пріобрѣлъ неопъ-
 емлемое право на благодарность чи-
 тающей нашей публики. Не то дол-
 жны мы сказать о его критикахъ:
 взгляды его на исторію и на сло-

весность, какъ на теоріи, одно-
сторонни; въ доказательствахъ за-
мѣтно многословіе и не всегда точ-
ныя понятія о предметахъ, покрай-
ней мѣрѣ относительно къ времени
и мѣсту; а въ сужденіяхъ его — силь-
ное желаніе *переузить* другихъ по-
своему (*endoctriner*). Главная же его
ошибка та, что онъ несовершенно
понимаетъ потребности своихъ еди-
ноземцевъ-современниковъ, и потому
часто предлагаетъ имъ собственныя
свои мнѣнія за положительныя пе-
снны. Въ странахъ, посланныхъ
вѣками на высшую степенъ умствен-
ной образованности, это было бы
не бѣда, ибо тамъ парадоксы и про-
извольныя толки не собьютъ уже
умовъ съ надлежащей тропы; но у
насъ просвѣщеніе есть еще нѣжный
цѣпчокъ: излишнее напряженіе рас-
ширительныхъ его силъ было бы для

него не полезно, а вредно. О чемъ Нѣмцы, Англичане и Французы могутъ толковать по-своему, и шакъ сказано, ошь избытка, ошь роскоши умешвеннаго бышя, до того мы должны еще касаться съ крайнею осмотрительностію и бережливостію. Посему Карамзинъ, въ трудахъ своихъ на поприщѣ либерализма, и еще болѣе въ Пешорин Государства Россійскаго, оставилъ намъ неприкосновенный залогъ общаго уваженія.

Московскій вѣстникъ въ 1829 году сдѣлался и совершенно измѣнился въ своемъ разположеніи: вмѣсто 24 книжекъ, какъ прежде, ихъ общаго только шесть, и каждая изъ нихъ посвящена какому-либо особому отдѣленію словесности или наукъ. Три, донныѣ вышедшія книжки (*), за-

---

(*) Писано въ Августѣ 1829.

ключали въ себя: 1-я стихотворенія, 2-я прозу, 3-я пещорію (п. е. статьи историческія); въ 4-й обѣщана теорія изящныхъ искусствъ, въ 5-й критика, въ 6-й смѣсь. Книжка стихотвореній есть самая лучшая изъ трехъ появившихся; въ ней помѣщены: нѣсколько стихотвореній Пушкина (въ томъ числѣ *Утопленникъ*, прекрасная народная сказка; *Чернь* и *Отрывокъ изъ Мицкевича Валленрода*), Баратынскаго стихотвореніе: *Смерть*, и нѣсколько хорошихъ произведеній и переводовъ Гг. Шевырева, А. П. Писарева, Хомякова и М. Дмитриева. Впрочемъ, и въ этой книжкѣ есть нѣсколько стихотвореній посредственныхъ, есть даже и такія, которыхъ вовсе бы не должно было печатать вмѣстѣ съ хорошими. — Во II-й книжкѣ М. В. помѣщены двѣ оригинальныя повѣсти:

Черная немочь (*) и *Сокольницкiй садъ*. Дѣйствiе сей послѣдней повѣсти происходитъ въ Москвѣ; двое изъ дѣйствующихъ лицъ Нѣмцы по имени, ошальныя, хоня и съ русскими именами, по же Нѣмцы по уму, по чувствамъ и пошункамъ своимъ, а завязка и ходъ повѣсти какъ будто бы списаны съ какой нибудь изданной пьесы Августа Лафоншена или Клаурена. Еще бросается въ глаза страннымъ своимъ заглавiемъ: *Яга баба*, рыцарское сказанiе, переведенное изъ Фанъ-дерь-Фельда и въ подлинникѣ названное *Frude*. Переводчику показалось, что *Frude* и *Druidesse* « для Рускаго совмѣщаются » въ названiи *Яга-баба*. » Послѣ такого основательнаго доказательсва,

---

(*) Изданная послѣ особою книжкой. О ней также особо будетъ сказано въ этомъ обзорѣ.

шого и жди, что зашляпавые наши переводчики спанушь величаныъ Зевса *Перуномъ*, а Цибелу *Золотою бабой*. Небольшая спашейка: *Оно и лучше!* заслуживаетъ вниманіе чинашелей остроумными своими анекдотами и живымъ, легкимъ слогомъ; остальное въ этой часни *М. В...* *requiescat in pace.* — Въ III-й книжкѣ, назван- ной несторією, на первыхъ спрани- цахъ находимъ: *Замѣчаніе о полити- ческомъ равновѣсїи съ Европѣ*, спашью, написанную конечно съ добрымъ на- тѣреніемъ, но слабую и облачающую въ сочинителѣ весьма поверхност- ныя поніяія о политикѣ. Ее при- личше было бы помѣстити въ VI-й книжкѣ, или въ смѣсн. Спашья *О Руской дипломатикѣ*, правильнѣе мо- гла бы явиться подъ заглавіемъ: *О Руской палеографїи*, поиому что въ ней говорится шолько о почеркахъ

и правонарушеніи снаришнихъ Рускихъ
 грамонъ. Три собешвенно-иснорическія
 снаны издашеля, Г. Погодина: *Замѣчаніе о характерѣ Іоанна
 Грознаго, Объ участіи Годунова въ
 убіеніи Царевича Димитрія, и Письмо
 объ Отрешествіи*, доказывающъ слабость
 иснорической его кривки. Въ пер-
 вой изъ нихъ нѣтъ ничего новаго.
 Сочиншель хвалшся, что « сло-
 жиль произнесшвія иначе, и взгля-
 нуль на нихъ съ другой шочки; »
 но прочишавъ снаны, нельзя до-
 знаться, въ чемъ соснолять эшонъ
 особый взглядъ? Учасіе Годунова
 въ убіеніи Ц. Димитрія, издашель
 М. В. снарасшя оншвергнушь шаки-
 ми доводами, кои сами себя унишно-
 жающъ: онъ доказывашъ, напр.,
 безнодезносшь сего убійства при
 жизни Ц. Феодора. Но Феодоръ былъ
 зянь Годунова, кошораго во всемъ

слушался; Государь слабый, не только не могущій положить препишсвій чеснотлюбивымъ видамъ Борнса, но самъ долженствовавшій (какъ и случилось) угадить ему дорогу къ верховной власни; тогда какъ Димитрій былъ сынъ Царицы изъ рода Пагихъ, явныхъ враговъ и завсннпковъ Борнса, кошорыхъ первымъ спаранемъ, по воцареніи Димитрія, конечно было бы удаленіе, а можетъ быть и совершенное истребленіе Годуновыхъ. Въ спашь объ Опреньевѣ, не доищешься, что хотѣлъ доказать сочинитель: Полякъ ли былъ Лжедимитрій, Рускій ли, воспитанный въ Польшѣ? умѣлъ ли, глупъ ли онъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Историческія сомнѣнія, не рѣшенныя или оставленныя безъ всякаго слѣдствія, не только ни на что не наводятъ читателя, но, отклоняя его отъ

преданій и исторической вѣры народной, еще болѣе шумаянть для него всякия черны въ бышннса- нїяхъ. *Астово введеніе въ Исторію*, переведенное Г. Погодинымъ, служить, кажется, балластомъ эпои книжки Вѣшника. Чшо пользы въ истиннахъ (вирочемъ, все ли онѣ истинно истинны?), предложенныхъ такимъ языкомъ, котораго безъ особаго словаря нельзя перевести на языкъ общепонятный? Другая ешншья, которую также можно отнести въ разрядъ балласта, есть *Замѣчанїя на II-й томъ Истории Государства Россійскаго*, написанная Г. Арцыбшевнымъ. Въ нихъ все тѣ же привязки къ словамъ и къ обстоятельству маловажнымъ, не соснавающимъ существованнаго въ исторїи; нныя изъ сихъ привязокъ даже очень забавны. Такъ, напр., Карамзинъ говоритъ, что Будый,

воевода и пешунъ Ярославовъ, шу-
 шила надъ шучносною Польскаго Ко-
 роля Болеслава и хвалился про-
 шкнушь ему брюхо копьемъ. Г. Арцы-
 бышевъ замѣчаетъ на сіе: « Лѣпо-
 « шен дають знать, чю Будый гро-
 « зилъ прошкнушь Болеславу брюхо
 « палкою, а не ошрымъ копьемъ. »
 Велѣдъ за шѣмъ, въ выноскъ, приво-
 дитъ онъ шекетъ Лавреншьевскаго
 списка Пешпоровой лѣпокиси: « Да
 « шо ши прободемъ прѣскою черево
 « швое шолешное; » и въ доказатель-
 ство, чю *прѣска* значитъ палка,
 говоритъ: « Немцы называютъ до
 « сихъ поръ рыбу прѣску *Stoßfisch* —
 « палка рыба. » Какъ запѣшливы на-
 ши историческіе кришники, и при-
 шомъ какъ мало они знаютъ, на
 чемъ бы должны были опираться съ
 нѣкоторою досповѣрностію — имен-
 но, парчія своихъ единоземцевъ!

Вмѣсто того, чтобы осматрѣться
 вокругъ себя, они направляютъ за
 три-девять земель, и тамъ ищутъ
 доказательствъ, часто смѣшныхъ и
 несообразныхъ. То же и здѣсь случи-
 лось съ *рыбою трескою*. Въ мало-
 россійскомъ нарѣчьи, которымъ и до-
 нынѣ говорятъ въ Кіевѣ и котораго
 древнѣе слѣды часто встрѣчаются
 въ лѣтислѣсѣ Песнора, *трѣска* или
трѣска значить щену, острый об-
 ломокъ дерева: стоило ли труда за-
 этою трескою заменять въ Нѣмец-
 чину?... Но читателямъ уже доволь-
 но дали себя знать замѣчанія Г. Ар-
 цыбышева: оставимъ ихъ. — Пропу-
 стимъ безъ вниманія пѣконгорія
 спашы не-непорическія (напр., пе-
 рещеску Г. Арцыбышева съ Г. Пого-
 динимъ), и заключимъ наше размо-
 шрѣніе сей III-й книжки *М. В.* во-
 просомъ: удовлетворяють ли чита-

шеля стапыи оной собственно-историческія? Можно рѣшительно отвѣчать: нѣтъ! потому что чита-тель не можетъ изъ нихъ извлечь для себя никакой пользы, какъ напр., видѣть въ настоящемъ свѣтѣ то, что темно въ памянникахъ историческихъ, илѣ объяснень себя мѣста сомнительныя. — Я для того разирощаился о Московскомъ Вѣстникѣ, что, при нынѣшнемъ его разположеніи, меньшемъ прежняго объема и безерочномъ выходѣ книжекъ, онъ могъ бы наполниться стапьями дѣльными, имѣющими не одно временное достоинство; но на повѣрку выйдеть, что кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній 1-й части, остальное едва ли переживеть время выхода книжекъ.

Атеней. Журналъ сей, въ 1829 году, также нѣсколько измѣнился: въ концѣ

его книжекъ, отдѣльными страницами, помѣщающаго записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабриканновъ, заключавшія въ себѣ, по мѣтнѣно знапоковъ, многія полезныя сшаныи технологическія. Въ ученыхъ извѣстіяхъ и въ смѣси Ашenea, также было много любопытнаго, и журналъ сей дѣлается весьма разнообразнымъ. Жаль, что слогу липерашурной его прозы негладокъ и нечистъ, а въ переводахъ встрѣчаются грубыя ошибки прошивъ языка и непростительныя недосмотры. Сшаныи кришическія, подписанныи буквою В., онличающаи невѣрнымъ взглядомъ на теорію словесности, мѣлочными придирками кришника, и, что еще страннѣе, собшвеннымъ его неумѣньемъ писанъ по-русски. Для пользы своего журнала, издатель Ашenea долженъ бы былъ исключитъ изъ него сіи кри-

тики, а всего лучше, поручить сіе опредѣленіе кому-либо изъ литераторовъ, болѣе свѣдущихъ въ словесности и въ языкѣ Рускомъ, не столько одностороннихъ въ своихъ сужденіяхъ и не столько близорукихъ въ способѣ воззрѣнія на предметы (*).

Вѣстникъ Европы. И сей ушарфый журналъ подвергнулся перемѣнѣ; «но какой же?» спросяють читатели: той, что прежній его редакторъ сдѣлаея самъ издавателемъ сего Вѣстника. Онъ объявлялъ, что «желаетъ еще поспрудиться самъ въ качествѣ издавателя;» что движимый глубокимъ чувствомъ сообрада-

---

(*) Въ Апеневъ, впрочемъ, помѣщаются дѣльныя критическія замѣчанія Г. Зиновьева и прекрасная статья: *О Полтавѣ* (Поэмъ Пушкина) въ историческомъ отношеніи, соч. Г. Максимовичемъ, издавателемъ *Малороссійскихъ пѣсенъ*

нія къ « безпомощному состоянію на-
 шей литературы, » видя « усилія
 партій водрузить знамена свои на
 землю, которая не была воздѣлы-
 вана ихъ трудами, » види, « что
 законы словесности молчанъ при
 звукахъ журнальной полемики, » —
 онъ почувствовалъ необходимость
 того, « чтобы голосъ ихъ (реченыхъ
 законовъ) доходилъ до слуха любо-
 знашельнаго, который не улаж-
 дается звуками кимвала бряцающаго
 и мѣди звѣнящей. » И чѣмъ же Г. из-
 датель *Вѣстника Европы* преступилъ
 къ опроверженію всѣхъ сихъ золь? Онъ
 пустилъ въ свой журналъ, на раздолье,
 буквы *Ѡ, Ѡ, да Г.* эсъ-студента
 Никодима Надоумка, и сей послед-
 ній, ломая греческіе и латинскіе
 стихи въ своихъ эниграфахъ и ци-
 татахъ, пустился шуткованъ и вкось
 и вкривь о поэмахъ Пушкина и Ба-

рамынскаго, о романѣ Булгарина. Прочтешь кришники Г. эскь-спудецша Никодима Надоумка (*) — и невольно повторишь ему французскую поговорку: « Allons donc, Nicodème ! » — Впрочемъ, кромѣ переименованія редактора въ издашеля, разположенія шипы съ ижицей и спашей помянутаго Mons Nicodème, другихъ обѣщанныхъ перемѣнъ не возмоществовало въ *Вѣстникѣ Европы*, кошорый все по прежнему оспался шощь и скуденъ. Обѣ улучшеніяхъ въ эпомъ *Вѣстникѣ*, мы и мечпашь не смѣли.

Дамскій Журналь, « Les modes avant tout ! » восклицалъ издашель сего жур-

---

(*) Напрасно шощь Г. эскь-спудецшъ ошвергаетъ малешкую перемѣну буквъ въ своей подшиси, сдѣланную по аналогіи въ нѣкоторыхъ журналахъ: *Недоумокъ*, по видимому, должно быть настоящее его изданіе.

пальца въ концѣ 1828 года — и вслѣд-
ствіе того снялъ съ *Дамскаго жур-*
нала желтую обертку и началъ его
выпускать еженедѣльно, несиними
листками, въ подражаніе парижскимъ
моднымъ журналамъ. Въ отношеніи
къ словесности, *Дамскій журналъ*
нисколько не измѣнился: все та же
вялая проза самого издавателя и дур-
ные стихи доброхоишнихъ вкладчи-
ковъ. Можетъ быть, издаватель и до-
снигъ своей цѣли: за деньги вы-
даетъ онъ подписавшимся картинки
моды, а вялую прозу и дурные сти-
хи прилагаетъ даромъ, на придачу:
запѣшливый способъ угождать пре-
красному полу!

Новый журналъ на 1829 годъ въ
Москвѣ былъ одинъ: *Галашея*. Изда-
тель (Г. Ранчъ) назвалъ его *Журна-*
ломъ литературы, новостей и моды.
Литература сей *бабошки* - Галашея,

(а не *статуи*-Галатен, какъ ошибочно думали нѣкоторыя журналистки), назначенной, кажется, для шутовскаго чтенія красавиць, — соепошла въ первой половинѣ года по большей части изъ разсказовъ о разбойникахъ, убійцахъ, шпигможахъ и шпионахъ, разсказовъ, наполненныхъ подробностями страшными и отвратительными. Довольно упомянуть объ отрывкахъ изъ *Записокъ Видока*. Незнаніе языка, съ котораго списаны ея переводы, и непросищельные грѣхи противъ языка русскаго — вошь досшоненства переводовъ *Галатен* относително къ слогу. Въ этомъ смыслѣ, объ журнальнныя бабожки, Петербургская и Московская, летали дружною ченою: ни одна изъ нихъ какъ будто бы не хотѣла опередить другую. Въ нѣкоторыхъ книжкахъ *Галатен* вспрѣчались покрайней мѣрь

хорошія стихотворенія, но во многихъ № читатели и эпитимъ не были порадованы. За стихотвореніями почти постоянно слѣдовала грубая, брагичивая полемика, не приправленная даже остроуміемъ и наполненная личностями; наконецъ, описаніе моды, по-французски и по-русски, гдѣ страдало французское правописаніе и снова шерсть руской языкъ. Опилициельный характеръ сего журнальца — есть пустоша, вялость, безвкусіе и нарушение приличій. Надменные требованія издатели часто были весьма забавны: онъ, напримеръ, говорилъ, что объ его стихахъ могутъ только судить художники (*). Объ его стихахъ, кошо-

---

(*) Вялость воображенія, щепетильная жеманность чувства, недостатокъ воображенія и вкуса, часто сътливой выборъ стихотворныхъ мѣръ —

рые только смѣшать добрыхъ людей! какое до нихъ дѣло художникамъ? Увы! лучше бы онъ вовсе промолчалъ о стихахъ своихъ! — Замѣтимъ, что *художественный, художественность*, весьма часто встрѣчающіяся въ полемическихъ возгласахъ издателя Галашен. Долго не знали, въ какомъ смыслѣ принимаетъ онъ эти слова; наконецъ онъ самъ рѣшилъ сомнѣнiя и объявилъ, что *художественный и естественный*, по его понятiю — значатъ одно и то же. Поздравляемъ его съ новою синонимикой, въ силу которой мы должны ожидать,

---

вотъ характеристика стиховъ Г. издателя Галашен. Онъ выѣзжаетъ на своемъ переводѣ *Освобожденнаго Иерусалима* и снисзаетъ его за ничто святое и неприкосновенное: напрасно! Недавно еще въ одномъ журналѣ оффена была, какъ должно, «изя пародiя превосходной поэмы Тасса.

что Випкельманова: Histoire de l'art chez les anciens, появившаяся на языкъ Галашии подъ заглавіемъ *Естественной исторіи* у Древнихъ, а fleurs naturelles, въ Галашенныхъ альманахахъ модь — будущь называться *художественными цвѣтами!*

Альманахи 1829 года, кромѣ *Сѣверныхъ цвѣтовъ* и *Подсѣжника*, о коихъ говорить здѣсь не мѣсто, были слѣдующіе: 1) *Невскій альманакъ*. Прозаическихъ статей въ немъ было одиннадцать (въ томъ числѣ три повѣсти), и вообще выборъ ихъ былъ гораздо спроче, нежели въ прежнихъ годахъ сего альманаха. Читатели, конечно, съ удовольствіемъ вспомнятъ слѣдующія статьи: *Ливонія* (подъ копорсю имя автора не было подписано), *Характеристическія картины* и *Вступленіе Французскихъ войскъ въ Литву* (1812 г.), сочиненіе О. Н.

Глипки; *Станъ Димитрія Самозванца* подъ Москвою, изъ новаго романа Булгарина, и *Алавердскій праздникъ*, Григорьева. Изъ стихотвореній, особенно замѣчательны: Пячасль Мицкевичевой поэмы: *Пратоцы* (Dziady), прекрасно переложенная на рускій языкъ М. В—омъ; *Развалины* (Языкова), *На смерть двухъ дѣвиць* (Ободовскаго) и *Предвѣщаніе* (Подолнскаго). — 2) *Букетъ*, карманная книжка для любителей и любительницъ театра, издавая Г. Мадьянымъ. Книжка сія и пощю должна бытъ пріятна любителямъ театра, особливо живущимъ въ дали отъ столицъ, потому что въ ней помѣщено нѣсколько цѣлыхъ небольшихъ пьесъ, написанныхъ или переведенныхъ лучшими нашими драматическими писателями (Капещинымъ, Ки. Шаховскимъ и Хмельниц-

кимъ). Къ нимъ присовокуплены также опривки изъ драматическихъ сочиненій и проч. 3) *Карманная книжка для любителей русской старины и словесности*, изданная Г. Олинимъ. Въ сей книжкѣ всего замѣчательнѣе сказы о *Руской старинѣ*, выбранныя изъ Эверса Г. Орловымъ. Не смотря на нѣкоторыя ошибки переводчика, сказаны ея пѣвонъ шу цѣну, чпо въ маломъ объемѣ знакомятъ читателей русскихъ съ стариннымъ быномъ ихъ ошечесива. Еще замѣнимъ повѣсть: *Кумова постель*, соч. Г. Олинимъ, въ которой еси основа весьма замыслованой русской сказки.— Между стихотвореніями *Карманной книжки*, первое мѣсто должны занять опривки изъ описательной поэмы: *Карелія* (О. П. Глинки). *Правозащитный гетверостишія Вольтера*, переведенныя К. Вяземскимъ,

Куплеты изъ одного водевиля (И. И. Х.), и стихосвореніе: *Прекрасна радуга* и пр. (Г. Олина), припесни также удовольствіе многимъ читателямъ. — 4) *Съверная Звѣзда*, изданная М. Беснужевымъ - Рюминымъ. Проза сего шощаго альманаха дышала полько перепечатками *отрывковъ* изъ соч. Ф. Визина и его же *Придворною грамматикой*, давно извѣстною по рукописямъ. Но не уже ли это новоспи, конорыхъ пребуютъ у насъ отъ альманаховъ? Нищножностпи, пуштоны и безвкусеія осмальной прозы не пекуянтъ ни корошенъкая спашейка Ѡ. П. Глинки, ни другая, споль же корошенъкая спашейка, ни *Исторія булавки*, передѣланная съ француз. Г. Паличевскимъ. Прибавимъ еще, что ни издатель С. З., ни жалкій альманахъ его, ни шумливый его соприудникъ (?) Аристархъ

Завѣстный, которому руская грамоша не далась въ руки — не приобрѣли еще никакого права, выказываешь въ свѣплъ съ рѣшишельными приговорами, кому бы то ни было; не говоримъ уже о дерзкихъ намекахъ и вздорныхъ догадкахъ помянушаго Ариснарха. — Спихотвореній въ С. З. много, хорошихъ очень мало. Подписанныя Ап (копрыхъ подлинный сочинитель вовсе не назначалъ въ С. Звѣзду), *Увѣреніе*, соч. Барашинскаго и еще нѣсколько другихъ спихотвореній, могшихъ найти себѣ лучшее мѣсто, здѣсь загромождены вялыми произведеніями самого издашеля и другихъ спихотворцевъ, спхоль же мало имѣющихъ права на извѣстность. 5) *Московский альманахъ*, изд. С. П. Глинкою, состоялъ изъ 14 сшаптей въ снихахъ и прозѣ, кон все посвящены или воспоминаніямъ, пріятнымъ для Россійца,

или разсужденіямъ о предметахъ, имѣющихъ относительную важность, или изліяніямъ чувствованій самого издашеля, наполнившаго всю сію книжку почти одними своими произведеніями. 6) *Вѣнокъ Грацій*, которому самъ издашель, иѣкино А. З., приеказъ въ одной епаньѣ своей весьма пріятную игру словъ: *вѣнокъ Грацій*; 7) *Цефей* и 8) *Зимцерла* — три альманаха, изданные въ Москвѣ, и почти не уступающіе другъ другу въ ребяческомъ наборѣ стиховъ и прозы. Заглавія сихъ книжекъ весьма замысловаты; кудрявыя оберипки, форматъ въ 16 долю, вишенки, мѣлкій шрифтъ — все есть; одного только не достаетъ въ нихъ: нечего читать! Къ сему же разряду нечитаемыхъ книжекъ въ 16 долю принадлежишь и 9) *Диллижансъ*, изъ котораго путешественникъ выгя-

двѣяль только въ постоянные дворы
шракири, встрѣчавшіеся ему на
рогѣ, и вѣрно приказывалъ запи-
сывать свои наблюденія, вмѣстѣ съ
иными расходами, слугѣ, сидѣв-
ему на заляникахъ. Слогъ сей кни-
цы и безпрестанныя ошибки въ
написаніи, наводящъ читателѣй
на эту мысль.

Дѣтскіе альманахи въ 1829 году
были слѣдующіе: 1) *Дѣтскіе досуги*,
изд. П. Слѣпнымъ. Стихи, состав-
ленныя сего книжку, любопытны и
интересны для малолѣтнихъ чи-
тателѣй, и отличающіяся правиль-
нымъ и хорошимъ слогомъ. Между
стихотвореніями, есть весьма пре-
данныя, принадлежащія одному изъ
иныхъ нашихъ писателей (О.
Глинка). — 2) *Дѣтскія стихотво-
ренія Б. Федорова*. Въ сей книжкѣ
Федоровъ собралъ все стихотво-

ренія, написанныя имъ для дѣтей. Стихотворенія сіи не одинакаго достоинства; но есть между ними и весьма хорошія, по понятіямъ чинашелей того возраста, для коего они назначены. — 3) *Ученіе для малолѣтнихъ дѣтей*. Книжка сія издана съ самою благонамѣренною цѣлью, именно съ тою, чтобы развивать юныя понятія малолѣтняго дитяти, заманивать его любопытство и направлять первыя его впечатлѣнія. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ сей цѣли: всѣ предметы изложены здѣсь съ ослѣдственною простотою и ясностію. — Къ изданнымъ въ Петербургѣ и назначеннымъ для дѣтскаго ученія книжкамъ, принадлежатъ также: 4) *Черная курица*, волшебная повѣсть, соч. А. Погорельскаго. Сія повѣсть, прекрасная по созданію и разсказу своему, доста-

вила удовольствіе не только дѣтямъ, но и многимъ совершенно-лѣтнимъ читателямъ, любящимъ подь часъ переноситься въ страну воображенія, и возвращаться мысленно къ счастливейшему возрасту своей жизни. Слогъ сей повѣсти отлично хорошъ и разсказъ увлекателенъ. — Москва наградила насъ, и по часни дѣтской литературы, весьма неза-виднымъ подаркомъ. Это 5) *Дѣтскій альманахъ*, составленный какими-то несмышлеными дѣтьми, а изданный книгопродавцемъ М. Глазуновымъ. Здѣсь дѣтямъ вовсе нечему научиться, ни въ нравственности, ни въ полезныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ слогѣ, кошорый обнаруживаетъ крайнюю безграмотность сочинителей и крайнее безвкусіе издателя.

Здѣсь можно бы, къ слову, сказать нѣкоторымъ изъ Московскихъ книго-

продавцевъ-издателей, что дурнымъ выборомъ и издаваемъ печатаемыхъ ими книгъ, они ошибаются у любителей чтенія охоту читать по-русски и заводять рускія библіотеки. Известно, что такія книги служатъ симъ *нѣкоторымъ* книгопродавцамъ для *мѣнливой* торговли между собою, и что весь ихъ расчетъ основанъ на неанглійскихъ требованіяхъ провинціаловъ; но и въ этомъ они ошибаются: при нынѣшнемъ быстромъ ходѣ просвѣщенія въ Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ отъ столицъ ея областяхъ можно найти немалое число людей, съ познаніями испинно-европейскими и вкусомъ образованнымъ. Такихъ читателей не взирая вычурныя заглавія книгъ, по скорѣе наугадъ пишутъ шуточный каталогъ повоешей, гдѣ взоръ бродитъ по сошнымъ заглавіямъ, какъ по пусты-

нямъ ливійскимъ , и очень , очень рѣдко встрѣчаешь , на чемъ бы можно было отдохнуть умомъ и воображеніемъ. Пора бы . . . но я , кажешся , началъ было проповѣдывать глухимъ !

Передъ нами , надъ грудой книжицъ Московскихъ , сіяютъ произведенія лучшихъ поэзовъ нашихъ , какъ *оазисы* въ песчаной степи , и шакже манятъ взоръ и воображеніе своею красотою и свѣжестью. Изъ числа ихъ , въ 1829 году было издано нѣсколько осланичѣйшихъ. Два пома *Стихотвореній А. Пушкина* служатъ новымъ свидѣтельствомомъ , какъ разнообразенъ даръ сего поэта. Осиромный въ посланіяхъ , нѣжный и часію дышаній глубокимъ чувствомъ въ элегіяхъ ; проснодушный въ подражаніяхъ древнимъ ; возвышенный духомъ въ подражаніяхъ писателямъ восночнымъ ; шонкій , выпваюційся

своего любимца и отдаетъ Кочубея и соучастника его въ доносъ Пекру, на волю измѣнника Мазепы. Здѣсь познать открываешь намъ ужасную, раздирающую сердце картину. Кочубея пытають въ одной башнѣ гешманскаго замка . . . и въ этомъ же замкѣ, дочь Кочубея и любовница Мазепы, Марія, не зная о бѣдствіяхъ отца своего и чуждая подозрѣній, покоится сладкимъ сномъ на ложѣ пѣги. Къ ней найкомъ прокрадывается мать ея, сказывается ей обо всемъ и проситъ ея защиты отцу. Марія сперва не вѣрнитъ, думаетъ, что это сонъ; но убѣжденная въ страшную истину, бѣжитъ съ своею матерью къ мѣсту казни. . . Уже поздно! спрадалицы правды пріяли смерть отъ руки палача. Огнечаяная Марія скрывается изъ дому Мазепы. Таково содержаніе первыхъ двухъ цѣпей. Въ третей—

великій, безмерный нашъ Петръ, сей правсповенный исполнивъ минувшаго снопѣнія, являешся во всей славъ грознаго Своего мужества и геройской рѣшимости среди Полтавскаго боя. Быстропа разсказа и живость красокъ въ описаніи знаменнаго сего сраженія—удивительны, и совершенно замѣчаютъ нѣхъ недоснатки, на кои споль ревностно указывали нѣкоторые критики. Замѣнимъ еще одну мастерскую черту кисти нашего поэта-живописца: дрохлый шарецъ Палѣй, поддерживаемый двумя козаками, споннѣ подлѣ Петра; въ пылу битвы виднѣтъ онъ закланнаго своего врага, Мазену—и попухшіе глаза его сверкнули, чело покрылось гнѣвомъ, онъ какъ будто бы вдругъ помолодѣлъ опть порыва мести! Поэма кончилась быстрымъ повѣщиваніемъ бѣгства Карла и Ма-

своего любимца и отдаешь Кочубея и соучастника его въ доносъ Пекру, на волю измѣнника Мазены. Здѣсь познѣ открываешь намъ ужасную, раздирающую сердце картину. Кочубея пыпають въ одной баннѣ германскаго замка . . . и въ эномъ же замкѣ, дочь Кочубея и любовница Мазены, Марія, не зная о бѣдствіяхъ отца своего и чуждая подозрѣній, покоится сладкимъ сномъ на ложѣ пѣги. Къ ней тайкомъ пробрадается мать ея, сказывается ей обо всемъ и проситъ ея защиты отцу. Марія сперва не вѣривъ, думаетъ, что это сонъ; но убѣжденная въ истинной цѣннѣ, бѣжитъ съ своею матерью къ мѣсту казни. . . Уже поздно! спрательцы правды пріяли смерть отъ руки палача. Остаточная Марія скрывается изъ дому Мазены. Таково содержаніе первыхъ двухъ пѣней. Въ третьей—

великій, безсмертний нашъ Петръ, сей правдивный исполинъ минувшаго столѣтїя, является во всей славѣ грознаго Своего мужества и геройской рѣшимости среди Полтавскаго боя. Быстрога разсказа и живость красокъ въ описанїи знаменитаго сего сраженїя — удивительны, и совершенно замѣчаютъ нѣкоторые недочеты, на кои столь ревностно указывали нѣкоторые критики. Замѣтимъ еще одну мастерскую черту кисти нашего поэта-живописца: дряхлый старецъ Палый, поддерживаемый двумя козаками, стоитъ подлѣ Петра; въ пылу битвы видитъ онъ заклимаго своего врага, Мазепу — и потухшіе глаза его сверкнули, чело покрылось гнѣвомъ, онъ какъ будто бы вдругъ помолодѣлъ отъ порыва мести! Поэма кончена быстрымъ повѣствованїемъ бѣгства Карла и Ма-

зепы съ полей поднавскихъ, ночной встрѣчи сего послѣдняго съ Марією, которой безумныя рѣчи ясно показываютъ то плачевное состояніе, въ какое повергли ее смерть отца и кровожадная мещинельность ея любовника. Въ заключеніи или эпилогѣ, поэтъ пробѣгаетъ весь рядъ воспоминаній, какія оставили по себѣ въ пономешь Поднавскій бой, Карль XII, Мазепа и два несчастные друга, имъ замученные. Сухое изложеніе содержанія сей поэмы не даетъ понятія ни о красотахъ подробностей, ни о смѣлости и силѣ выраженія, ни о прелести ея стиховъ. Два только мѣста, по мнѣнію моему, не весьма строго соображены. Въ первомъ изъ нихъ Кочубей, подъ пышкою допрашиваемый киевляномъ Мазепы, Орликомъ: гдѣ находяшся скрытые имъ клады? отвѣчаетъ:

« Такъ, не ошиблись вы: при клада
 Въ сей жизни были миѣ опрада.
 И первый кладъ мой честь была,
 Кладъ эпонъ пышка опивла;
 Другой былъ кладъ невозвратимой —
 Честь дочери моей любимой;
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа эпонъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ: свиную мечь,
 Ее готовую Богу снесить. »

Стихи прекрасны; но были бы еще
 прекраснѣе, когда бы мы читали ихъ
 въ *пѣснѣ* или *думѣ* о Кочубей, а не
 въ поэмѣ. Въ первыхъ двухъ родахъ
 стихотвореній, поэтъ власнень самъ
 говоритъ за дѣйствующее лице; но
 въ поэмѣ онъ долженъ допустить
 только то, что сіе лице сказала
 бы въ трагедіи, или правдытѣ,
 что оно сказала бы на самомъ дѣлѣ.
 Могъ ли Кочубей, среди мученій пыш-
 ки и гошовясь ишии на казнь, —

говорить загадки или играть словами? — Второе мое замѣчаніе относенное къ обешоящельствамъ, сопровождающимъ въ поэмѣ казнь Пекры и Кочубея. Самый моментъ казни изображенъ превосходно; но палачъ, весело разгуливающийъ вокругъ плахи въ ожиданіи жертвъ своихъ, играющій шопоромъ и шумящій съ веселою чернью; но народъ, по окончаніи казни безпечно идущій къ своимъ работамъ, — суть картины, кои были бы весьма хороши въ какой-либо поэмѣ англійской, а не русской, особливо же не въ поѣ, гдѣ описывается безвинная казнь двухъ чловѣкъ, привлекихъ къ себѣ души и участіе Малороссіянъ. Смертныя казни въ Малороссіи были тогда очень рѣдки: трудно и даже невозможно было отыскать палача, столь законнаго и привычнаго къ своему дѣ-

ду, какимъ здѣсь выставляеть его нашъ поэтъ. Еще трудите себѣ вообразить веселую чернь малороссійскую, которая, будто бы, переѣзжалась съ палачемъ и послѣ разошлась равнодушно. Пекра и Кочубей были оба знанные малороссійскіе паны и пользовались любовью и уваженіемъ народа, который и донынѣ съ благоговѣніемъ о нихъ воспоминаеть, а тогда починаль мучениками за правое дѣло. — Поэтъ нашъ увлекся здѣсь живописно созданной имъ картинѣ, которая и дѣйствительно была бы оплочно хороша, если бы не нарушала правовъ мѣстныхъ и вѣроятности исторической. Но прелесть цѣлаго и такъ сказать, осязаемая теплота красокъ у Пушкина столь волшебны, что и чиннапель увлекается ими и пропускаеть сіи небольшія опущенія отъ не-

шны, почти не замѣчая: одна только холодная кришка неумолимо-взыскательна. — *Стихотворенія Барона Дельвига.* Скромность поэта налагаетъ на меня священный долгъ молчанія, которое нарушу я въ двухъ только отношеніяхъ: во первыхъ, чтобы сказать, что въ этомъ собраніи нѣкоторыя произведенія Б. Дельвига являющіяся въ первый разъ; а во вторыхъ, чтобы въ отвѣтъ одному изъ его кришковъ, высказать нѣкоторыя мои мысли о подражаніи древнимъ и о пѣняхъ русскихъ. Прежде всего замѣчу, что вообще пребыванія нашихъ кришковъ мнѣ кажутся крайне своеобразными, или даже своеобразными: Языкову, напримѣръ, дѣлаюшь упреки за то, что онъ однообразенъ, т. е. что онъ поетъ по большей части только разгульную жизнь и шумные пиры

безпечною молодости; Барона Дель-
 вига, напрошивъ, укоряють въ томъ,
 что онъ разнообразенъ, а не пишетъ
 постоянно однихъ народныхъ русскихъ
 пѣсень. Какъ угодить на такихъ кри-
 тиковъ? или, оборотя вопросъ къ
 нимъ самимъ: какъ можно свободаго
 поэта заставлятъ пѣть не то, что
 внушаетъ ему фантазія, а то, чего
 хотять онъ него прихотливые кри-
 тики? Поэтъ есть госпенримный
 хлѣбосола, который почувуетъ го-
 спей своихъ всемъ лучшимъ, что
 Богъ послалъ ему. Но вообразимъ се-
 бѣ, что къ нашему хлѣбосола напро-
 силась причудливые госпи, которые
 шумно прѣбуютъ такихъ лакомствъ
 и винъ, какихъ нѣтъ въ запасѣ у
 хозяина; вообразимъ, что госпи
 эши, досадуя, не ѣдятъ и не пьютъ
 того, чѣмъ онъ ихъ почувуетъ, и
 голодные вспаютъ изъ-за сытнаго

сплода. Кто жь будетъ въ этомъ виноватъ: хлѣбосоль ли хозяйнѣ, или причудливые госни? Я думаю, что сн послѣднѣе; надѣюсь, и чиншатели думаютъ по же. Обратимся къ подражанію древнимъ. Крипникъ, говоря объ идиаліяхъ Б. Дельвига, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: « Мож-
 « но ли подражанъ искусству древ-
 « нихъ? Подражанъ одѣжъ фермамъ
 « ихъ, но не духу и формамъ вмѣ-
 « стѣ: вотъ что возможно для со-
 « временниковъ нашихъ. Это и дѣ-
 « лаетъ Б. Дельвигъ. » Здѣсь наш кри-
 пникъ нешочно выразился, или въ
 послѣдствіи онъ совершенно опбился
 онъ того, о чемъ началъ было го-
 ворить: тамъ онъ полкуетъ о раз-
 носнн языковъ, нравовъ, вѣръ и по-
 нятій нашихъ съ древними; слѣдо-
 вательно, онъ требуетъ отъ Б.
 Дельвига не *подражанія* древнимъ, а

совершеннаго *перерожденія* въ Грека или Римлянина въковъ языческихъ. Это двѣ вещи, различныя между собою. Не живъ подъ небомъ древней Аркадіи, не въруя ни въ Сатурна, ни въ Зевса, можно выражанъ чувствва, понятія и върованіе наснуховъ аркадскихъ: это дѣлали многіе отличные поэты новѣйшіе, это дѣлаеть и В. Дельвигъ. Въ противномъ случаѣ, и. е. когда бы истребовалось оныя новѣйшихъ поэповъ вышеприведенныхъ условій, — никто бы изъ нихъ не долженъ былъ браниться даже и переводить произведеній идилликовъ греческихъ. Касательно духа древней идилліи въ стихотвореніяхъ В. Дельвига, написанныхъ въ этомъ родѣ — всякой, кто безъ предубѣжденія прочель его идилліи: *Купальницы, Друзья, Титиръ и Зоя*, — самъ рѣшитъ сей вопросъ въ пользу

нашего поэта, и не повѣрить невозможности писать въ наше время въ духѣ древнихъ, невозможности, кою кршикъ даже не объяснилъ доказательными. Находя въ идилліи: *Титиръ и Зоя* «одни слова,» и предлагая слѣдующіе вопросы: «какая жь связь во всей эпохѣ идилліи? къ чему послѣдній стихъ? гдѣ шупъ древности — даже образъ?» кршикъ показываетъ, что древній міръ и древніе идиллики ему вовсе незнакомы, и что если въ сей идилліи онъ «не находить никакого склада,» то въ эпохѣ виновать не Баронъ Дельвигъ. Вообще кршикъ весьма неводержно разночаетъ сіи выраженія: *нѣтъ склада, мало складу:* надобно имѣть сильныя права въ словесности и самостоятельный голосъ въ общемъ мнѣніи, чтобы позволять себѣ такіа рѣзкіа замѣтки, особливо

когда дѣло идетъ не о юношахъ ,
 едва вступающихъ на литературное
 поприще , и когда критикъ самъ не
 можетъ утвердительно отвѣчать за
 складъ того , что говоритъ . Преду-
 бѣжденіе критика еще явственнѣе
 изобличается въ сужденіяхъ его о
 двусишійяхъ и четверосишійяхъ , кои
 называлъ онъ *гекзаметрическими* (хотя
 у Б. Дельвига экзамены въ нихъ
 постоянно перемежаются пентаме-
 шрами) . Такъ напримеръ выраженіе :
 « спирты осмалелъ въ трунахъ вра-
 говъ , » навѣваетъ на критика *воз-
 духомъ прелестной Эмлады!* Эного ,
 кромѣ его , конечно никто не под-
 ѣвшилъ , и всякой скажетъ , что
 спирты въ непріятельскихъ трунахъ
 также могли бы навѣвать и возду-
 хомъ Каледоніи , и воздухомъ Скан-
 динавіи , и воздухомъ Киргизской сие-
 нн . О томъ , что двусишійя и чет-

вероснишия Б. Дельвига « не имѣють « никакой цѣны » для его критика, спорить я не стану: давно уже сказано, что у всякаго свой вкусъ. Замѣчу только, что двуснишия и чешвероснишия экзаменро-исшиаметприческiя весьма хороши для свободнаго выраженiя всякой ошдѣльной мысли, и что здѣсь поэзу вовсе не нужно придерживанься поныши дровнихъ: ош можешь по волѣ развивань въ нихъ и поныши своихъ современниковъ; форма или мѣра стиховъ не должны почитанься за непреложный усшавъ шого, что можешь ими выражанься. — Критикъ восхищенiя народными рускими пѣснями Б. Дельвига, досадуешь, что поэтъ сей не пишешь только эшихъ пѣсень; и, сказано ли? самъ критикъ худо понимаеть, въ чемъ состоитъ суцносшь собственно-руской народной

пѣсни. Указывая на слѣдующія пѣсни Б. Дельвига: *На яву и въ сладкомъ снѣ*, и *Дѣдушка! дѣвицы*, онъ совершенно оправдываетъ мои слова: эти пѣсни сколько же народныя рускія, сколько народныя итальянскія, нѣмецкія или шотландскія; и если бы какой иностранецъ хорошо перевелъ ихъ на свой языкъ, узнавъ о своемъ заимствованіи, то соотечественники его также могли бы назвать эти пѣсни *своими*, какъ и мы, Рускіе. Напронивъ, народныя пѣсни Б. Дельвига суть тѣ, которыя своею формою, содержаніемъ и описаніемъ, особенно и исключительно принадлежатъ рускому народу, которыя изображаютъ просной, сельскій бытъ и выражаютъ спросны или чувствованія такъ, какъ они выражаются въ пѣсняхъ, поющихя нашими поселенцами. Таковы слѣдующія: *Пѣла*,

пѣла пташечка; — Что, красотка молодая; — Ахъ, ты ночь ли, ноченька; — Голова ль моя, головушка; — Сиротинушка, дѣвушка, и стихотвореніе подь заглавіемъ: Сонъ (Мой суженый, мой ряженый). Вонъ пѣсни въ духѣ своеобразной, народной русской поэзіи, а не шѣ, которыми шакъ безощенно любуется критикъ, не подмѣнивъ разницы между пѣсней вообще и пѣсней собственно-русскою. — *Стихотворенія И. Козлова.* Поэтъ сей умѣеть извлекать вѣрные, шомные звуки изъ ощущеній спрадающей души: стихи его можно названъ унылыми нацѣвами гармоникки, не разнообразными, но выющимся вокругъ сердца и находящимся въ немъ своей оплканкѣ. Нельзя, читая еіи стихотворенія, не полюбить заочно поэта и не привязанъ къ его лирѣ: шакъ привлекательны

его пѣсни, которыя можно называть пѣснями скорби. Въ переводахъ или подражаніяхъ своихъ поэтамъ чужеземнымъ, онъ предпочтительнѣе выбираетъ эпизоды собственныхъ своихъ чувствованій, и передаетъ ихъ если не слово въ слово, то по крайней мѣрѣ такъ, что пробуждаетъ въ душѣ читателя нѣже впечатлѣнія, кои рождались въ ней отъ чтенія подлинника. Такимъ образомъ перевелъ онъ и *Сельскій Субботній вечеръ въ Шотландіи* (изъ сочиненій шотландскаго поэта-простомудра Борнса), напечатанный въ 1829 году особую книжкою, вмѣстѣ съ переводомъ другаго Борнсова стихотворенія: *На подкошенную имъ полевою маргаритку*, и посвященіемъ отъ переводчика обоимъ сихъ стихотвореній одному прекрасному существу, знавшему также по опыту страданій

жизни, но усаждавшему страданія поэта своею дружбой и участіемъ. Въ то время, когда посланіе сіе было уже готово, поэтъ узналъ, что шой, кому оно было написано, — не спало на свѣтъ, и посвянилъ еще нѣсколько прекрасныхъ стиховъ ся памяти. — *Стихотворенія Д. В. Веневитинова*, составляющія первую часть его *Сочиненій*, возобновляютъ наши свѣдованія о томъ, что сей юный талантъ увялъ среди прелестнаго своего утра, предвѣщавшаго такой день, который согрѣлъ бы и оживилъ много прекраснаго. Веневитиновъ точно *молніей прогмался въ жизни*, какъ самъ прорекъ о себѣ во вдохновенномъ своемъ предчувствіи; но въ семь молнійномъ своемъ полетѣ онъ бросилъ яркія, несомнѣвающія искры свѣта въ область бытія уменьшеннаго и въ міръ фантазій.

Изданныя нынѣ Спихотворенія его служатъ тому доказательствомъ. Даже въ нѣхъ изъ нихъ, конхъ къ сожалѣнню не успѣлъ онъ докончить или обработать, ясно ошептывающа умъ необыкновенный, сила воображенія и раннее познаніе свѣта и жизни, которые, можно сказать, разгадалъ онъ напередъ, чшобы вступитъ въ нихъ съ готовымъ запасомъ соображеній и сдѣланій, въ замѣнъ опытовъ. Промыслъ судилъ иначе и опоздалъ Веневитинова въ мѣръ лучшей, какъ бы для того, чшобы пламенной его душѣ скорѣе и легче открытъ пайну самопознанія; но намъ, отъ крапката его бытія въ здѣшней юдоли, остались сіи прекрасныя опголоски души прекрасной. — *Два семі Ангеловъ и Тайна*, два спихотворенія Барона Розена. Содержаніе повѣсти или баллады: *Два семі*

Ангеловъ, основано на преданіи народномъ. Умирающая мать поручаетъ дочь свою семи небеснымъ хранителямъ, которые чудесно спасаютъ юную сироту сію въ самую минуту казни, безвинно для нея готовившейся. Въ стихотвореніи: *Тайна*: изображена любовь двухъ юныхъ сердець, попомъ легкомысліе дѣвы и ревность юноши, слѣдствіемъ копорой было для дѣвы посмириженіе въ монахини, а для юноши — обреченіе себя на защиту Греціи, родины его милой Зинаиды: такъ называлась юная опшельница. Уже въ первыхъ *трехъ стихотвореніяхъ* своихъ (изданныхъ въ 1828 году), Баронъ Розень показалъ опыны прекраснаго таланта; сіи два новыя служашъ тому еще лучшимъ свидѣтельствомъ. Его стихотворенія отличаются созданиемъ, поэтическимъ облеченіемъ

мыслей, чистополою языка и хорошим стихосложением: последнее штъмъ замѣчательнѣе, что Б. Розень уже въ совершенныхъ лѣтахъ началъ заниматься рускимъ языкомъ, долженъ былъ бороться съ его трудностями и преодолѣть оныя весьма счастливо. — *Борскій*, соч. А. Подолнскаго. Сія повѣсть, написанная прекрасными, свободными и звучными стихами, содержаніемъ своимъ не совсѣмъ удовлетворяетъ взыскательнаго критика. Борскій влюбленъ въ одну дѣвицу, между семействомъ которой и домою отца его существуетъ родовая вражда; онъ путешествуетъ, чпобы вдали отъ Елены (такъ называлась его любезная) упокоить бурю страстнаго своего сердца. Уже по смерти отца, онъ возвращается и находитъ письмо, въ которомъ умирающій отецъ подъ клятвою запре-

щасть ему вступань въ бракъ съ Еленою. Но скоро любовь превозмогла: Борскій шановицскіи супругомъ Елены. Онъ почини не наслаждаешя новымъ своимъ счастьемъ: сперва шревоги совѣсни за пресупленіе воли опцовской, пономъ новая мучительница, ревность, отправляютъ для него все минушы жизни. Онъ дѣлаешя мраченъ, подозрительнъ, не спитъ по ночамъ, и въ одну изъ сихъ бессонныхъ ночей подслушиваетъ неясныя, но показавшіяся ему сомнительными рѣчи жены своей, которая шо же думаетъ, что онъ влюбленъ въ другую. Сншая подозрѣнія свои оправданными, Борскій убиваетъ Елену, и чрезъ короткое время узнаетъ ужасное свое заблужденіе: жена его была подвержена лунатизму! Борскій убѣгаетъ изъ дому; и уже послѣ суровой зимы, пушники нахо-

дять замерзлый и обезображенный шрупъ его на могилѣ Елены. Такая завязка слаба для поэмы: убійство, совершившееся по несчастной ошибкѣ, могло бы быть развѣ только предметомъ небольшой баллады; опъ того въ Борскомъ встрѣчаешь повноренія нѣхъ же чувствованій и положеній. Однако же сіи недоснапки выкупаются многими живыми картиннами и нѣкоторыми счастливыми мѣстами; но болѣе всего хорошимъ, поэтическимъ языкомъ и гладкимъ, некучимъ стихосложеніемъ. — *Герли козакъ, атаманъ будешь*, стихотворная повѣсть въ отрывкахъ или картинахъ. Многія изъ этихъ картинъ написаны удачно, въ счастливую минуту; но вообще повѣсть сія служить новымъ доказательствомъ, какъ трудно поэтически изображать произшествія и подробности жизни про-

запеской. Этого рода стихотворных романовъ пребудеть дарованія необыкновеннаго и разнообразнаго: иначе, романъ будеть холодець, а описанныя въ немъ подробности житейскаго быта, незанимательны и даже скучны, хотя бы онъ были разсказаны въ самыхъ гладкихъ стихахъ и самымъ естественнымъ, разговорнымъ слогомъ. За сочинителя повѣсти: *Терпи, козакъ*, говоришь по крайней мѣрѣ то, что онъ не подражалъ никому изъ современныхъ поэтовъ и пытался создать новый, оригинальный родъ стихотворнаго романа; такая попытка конечно заслуживаетъ похвалу. Скажемъ болѣе: онъ до того просперъ свою спростость къ самому себѣ, что выславлялъ вездѣ имена писателей, онъ которыхъ заимствовалъ иногда стихомъ, даже однимъ словомъ. — *Люци-*

феровъ праздникъ, романтическая карри-
 катура, стихотвореніе М. Дми-
 пріева. Вонъ этого, напримѣръ,
 нельзя назвать не-подражаніемъ. Со-
 чинитель самъ оправдывается въ
 томъ, что кромѣ мѣста дѣйствія
 нѣтъ ничего общаго между его ро-
 мантической каррикатурой и Фау-
 сномъ, высокимъ твореніемъ Гёте;
 и чинаиель по же виднть, что за
 исключеніемъ горы Брокена, именъ
 Мефистофеля и Фауена, между ними
 двумя произведеніями нѣтъ ничего
 общаго. Кому же подражалъ Г-нъ
 Дмипріевъ? Князю А. А. Шаховскому.
 И въ самомъ дѣлѣ, *Люциферовъ празд-
 никъ* сень, по формѣ и содержанію
 своему, весьма близкое подражаніе
*Меркурію на гасахъ, Девкалионову
 потоку* и другимъ подобнымъ скоро-
 стѣлкамъ драматической музы К. Ша-
 ховскаго: та же переключка разныхъ

ямень, шѣ же фантазмагорическія
 ихъ явленія, шѣ же коротенькія
 ихъ рѣчи, не согрѣшныя ни воображе-
 ніемъ, ни остроуміемъ, и такіе же
 сбивные, шероховатые стихи.— *Чека,*
Уральская повѣсть, соч. Ѳ. Алексѣ-
 сва. Содержаніе: Чека, старшина
 взбунтовавшихся Уральскихъ коза-
 ковъ, передъ началомъ разбойничь-
 ихъ своихъ подвиговъ даетъ любп-
 мой имъ козачкѣ заколдованный кни-
 жаль, на которомъ должна выпу-
 пить кровавая капля, если съ Чекою
 случится какое-либо несчастіе. Чрезъ
 нѣсколько времени эта капля скани-
 лась съ книжала, и до козачки до-
 шла вѣшь о разбитіи Чеки и о близ-
 кой его казни. Чека и вправду каз-
 нень, и съ шѣхъ поръ около могилы
 его, въ полночь • кружится мертвая
 • глава. • Содержаніе сей повѣсти
 очень скудно: ни правды историчес-

кой, ни нравовъ, ни описаній мѣстныхъ въ ней не сыщешь. Стихи, мѣстами, хороши; но *фактура* ихъ вообще напоминаетъ стихи Пушкина, въ его поэмахъ; то же проглядываетъ и въ пѣкопорохъ подробностейъ эпохи повѣсти (*). — *Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ*, соч. В. Алова. Осьмнадцати-лѣтній стихотворецъ написалъ сіи осьмнадцать картинъ, въ которыхъ замѣтны еще молодость воображенія, незрѣлость дарованія относительно къ слогу, языку и стихосложенію, и крайняя безотчетливость въ созданіи; но въ сочинителѣ видѣтъ шаланпъ, обещающій въ немъ

(*) Сія повѣсть, равно какъ и романтическая каррикатура, о коей сказано было выше, написаны въ концѣ 1828 года; но я упоминаю объ нихъ въ предыдущемъ Обозрѣніи, чтобъ меня не упрекнули за пропускъ.

будущаго поэта. Если онъ спянетъ прилежно обдумывать свои произведенія, и не спянетъ спѣшить издаваніемъ ихъ въ свѣтъ тогда, когда они еще должны покопиться и укрѣпиться въ силахъ подъ младенческою пеленою, то конечно надежды доброжелательной критики не будутъ обманушы. — *Паризина, историческая повесть Лорда Байрона, вольный переводъ Н. Карцова, и Лара, повесть въ стихахъ, соч. Лорда Байрона, перев. А. Пескова, доказывающіе, что не довольно одной смѣлости предпріянія, не довольно сказать себѣ: «я хочу переводить поэмы Байрона;» должно и оправдать сію смѣлость усѣхомъ, а для этого сперва постигнуть всю высокоость гениальнаго поэта, каковъ Байронъ, и тогда уже переводить его творенія. Но переводить не такъ, какъ у насъ*

обыкновенно переводить; не думая, будто бы, высказав на-обум мысль Байрона, мы сдѣлали свое дѣло; цѣль! должно выразить эту мысль, какъ самъ Байронъ ее выразилъ, со всею смѣлостію, ежасностію и силою подлинника; должно передать духъ поэзіи Байроновой, а не холодный ея основъ. — Общее сіе замѣчаніе можетъ быть применено также къ опривкамъ изъ поэмъ и другихъ Байроновыхъ произведеній, кои перелагалъ Г. Маркевичъ и издалъ подъ заглавіемъ *своихъ Стихотвореній, Элегій изъ Л. Байрона и Еврейскихъ мелодій*. Нѣсколько счастливыхъ стиховъ и текучее стихосложеніе не сопоставляютъ сущности того, чего мы требуемъ отъ прелазантелей Байрона.

Не будемъ говорить о *Ищемъ*, объ *Алексѣ Любославскомъ* и другихъ

подобныхъ имъ стихотворныхъ повѣсняхъ, появившихся въ первой половинѣ 1829 года: все, что бы мы ни сказали о нихъ, не пошло бы въ прокъ ихъ сочинителямъ и другимъ охотникамъ низапп рнѣмы. Скажемъ нѣсколько словъ о *Руской стихотворной Христоматіи*, изданной В. Золотовымъ; но скажемъ только для того, чтобы указать въ ней на необдуманное разположеніе стихотвореній по родамъ, и на выборъ оныхъ, сдѣланный, кажется, на поддержку: между осланными произведеніями, собираемю попадались посредственныя, даже пошлыя стихотворенія; съ именами лучшихъ нашихъ поэтовъ шли рядомъ имена малозвѣстныхъ и такія, коихъ нечѣмъ помянуть хорошимъ, и все это перемѣшано безъ разбора, какъ будто

въ лавкѣ купца, торгующаго случайными товарами.

Драматическими произведеніями сіе полугодіе было очень скудно. Пересмотримъ небольшое число ихъ. *Мессинская невеста*, трагедія Шиллера, перев. А. Рощева. Шиллеръ, конюшій на поэтическомъ своемъ поприщѣ какъ бы извѣдывалъ свои силы въ разныхъ родахъ древней и новой поэзи, въ *Мессинской невестѣ* попынчался ввести хоръ трагедіи греческой; но конечно онъ самъ увидѣлъ, что въ новой трагедіи, не основанной, подобно древней, на вѣрованіи въ судьбу неотразимую, хоръ только ослабляетъ и охлаждаетъ дѣйствіе. *Мессинская невеста* на нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ шу цѣну, что написано прекрасными стихами: Г. Рощевъ выпустилъ это изъ виду, и не вездѣ съ одинакою тщательностію пере-

давалъ стихи Шиллера; почему переводъ его, украсивъ мѣстами сіе достоинство подлинника, еще явственнѣе обнажаетъ другіе, существенныя недочеты сей прагедіи.—

Дворянскіе выборы, комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Эта комедія какъ будто бы написана двумя разными лицами. Основа ея, завязка и ходъ весьма естественны: одинъ богатый провинціальный помѣщикъ, плутъ и ябедникъ, привозитъ съ собою на дворянскіе выборы добрыхъ своихъ пріятелей, одного съ нимъ покроя, и нѣсколько человекъ *запасныхъ*, т. е. словесныхъ живописныхъ дворянскаго званія, которые по заказу должны въ залѣ собранія кричать то, къ чему они насроены своимъ *патрономъ*. Эта хитрость ему не удается, онъ осмѣянъ и выгнанъ изъ дворянскаго собранія, и *запасные*, по глу-

посети своей, лишь же голоса свои
 подають во вредъ ему. Силь рушан-
 ся его замыслы и условленная свань-
 ба одного изъ добрыхъ его пріятель-
 ей съ его племянницей, на которой
 женился пономъ молодой офицеръ,
 давно уже выбранный ей сердцемъ.—
 Вся комическія лица сей пьесы очень
 забавны и говорятъ своеюшвеннымъ
 имъ языкомъ, а *запасные* ошмѣнно
 смѣшны; но, по какому-то стран-
 ному упрямству дарованія, итъ лица,
 кои сочинитель хотѣлъ облагородить
 и выпавить съ хорошей стороны,
 говорятъ только пошляя правда и
 такимъ языкомъ, которымъ у насъ
 никакъ не говорятъ. Это подало по-
 водъ одному чиншпедю сей комедіи
 сказанъ, « что все глупцы въ ней
 « очень малы, а все умные люди —
 « очень глупы. » Впрочемъ, новостъ
 содержанія и удачно обещававшая

* *

толпа нравственных каррикатуръ, весьма громко говорящъ въ пользу этой комедіи. — *Польдеръ, Амстердамскій палацъ, романтическая мелодрама*, перев. П. Н. Арапова. Главное дѣйствующее лице — бѣглый палачъ, который отсѣкаетъ себя руку, чтобъ не опрубинь головы любовнику своей дочери — вопль что *романтическаго* нашелъ переводчикъ въ этомъ произведеніи Гр. Пиксерекура и Дюканжа, и вопль, въ короткихъ словахъ, содержаніе сей мелодрамы. Неправильный, нечистый слогъ и неудачно переданныя французскія фразы — вопль что должно сказать о трудѣ Г. переводчика.

Въ собственно-литературной нашей прозѣ, замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ первой половинѣ года былъ: *Иванъ Выжигинъ, нравственно-сатирическій романъ*, соч. О. В. Булга-

рина. Некоторые судьи литературные утверждали, что сочинение это есть первый русский оригинальный роман; это несправедливо: романы Партжанаго, написанные в одномъ родѣ съ *Выжигиннымъ*, явились гораздо прежде его. Ни кто изъ безпристрастныхъ читателей не станетъ конечно оспаривать сего права у сочинителя *Двухъ Ивановъ*, *Бурсака*, даже *Рускаго Жилблаза*, не смотря на грубость некоторыхъ картинъ и недостатки слога. Существенныя достоинства романа: воображеніе, вымысль, занимательность завязки и мѣстами вѣрный сколокъ нравовъ— не вовсе чужды романамъ Партжанаго. Другіе критики, пристрастно-спрогн, ополчались противъ *Выжигина* и упорно старались опровергнуть у него всякое достоинство. Это также несправедливо: *Выжигинъ* имѣетъ

весьма важное достоинство, как анекдотическая картина нашего времени, представленная под форму романа. Достоинство его доказуется необыкновенным его успехом; ибо *Выжигина* прочли люди всех сословий: знатный баринъ, скромный чиновникъ, провинціаль- ный помещикъ, купецъ и мѣщанинъ искали въ этомъ романѣ примѣненій, каждый по своимъ понятіямъ и со- ображеніямъ, и каждый, можетъ быть, находилъ ихъ. Only сего такое раз- личіе въ мнѣніяхъ: критиками *Вы- жигина* сдѣлались уже не журнале- ны и либераторы, а такъ сказать, вся масса его читателей: одни хва- лили, другіе корили, и всякъ цѣнилъ его сообразно съ своимъ видами и отношеніями. Самые безпристраст- ные находили, что сочинитель не долженъ былъ касаться никакого-по

закоренѣлаго недосипанка, не долженъ былъ выставляяиъ на показъ того или другаго. Не входя въ разсужденіе о томъ, что можешь бышь собственностію саншры въ порокахъ, предразсудкахъ, слабостяхъ и спрашно-стихъ какого-либо народа или сословія, ибо такое разсужденіе повело бы меня весьма далеко отъ моей цѣли, — я стану разсмашириваиъ *Выжигина*, какъ романъ, какъ произведеніе искусства. Начну съ действующихъ лицъ. Не смотря на основную цѣль сочиншсмя — написать барицну современныхъ нравовъ — Иванъ Выжигинъ, какъ герой романа, долженъ постоянно занимаиъ насъ въ повѣсти его жизни, следовательно, долженъ привлечь къ себѣ наше вниманіе, какъ лице характерное; но въ *Выжигинѣ* пороки, слабости и добрыя склонности такъ

близко граничатъ между собою, такъ рѣзко смѣняютъ другъ друга, что не видишь, доброе или дурное онъ существо, и врожденный, коренный его характеръ несколько не развертывается. Видишь челоѣка слабого, безъ правилъ, безъ характера, который кружится въ ту сторону, куда впередъ подуетъ. Таковъ же и другъ его Миловидиъ. Спешной философъ Арсаланъ - Султанъ, также лице безхарактерное: Киргизецъ сей схватилъ во время своей жизни съ Европейцами кое-какія замѣчанія, которыя сочинилъ ему угодно было почитать именемъ философіи; но изъ этой смѣси разсужденій и выводовъ челоѣка полу-образованнаго съ кочевыми привычками и понятиями дикаря, соснавилось какое-то существо двуличное и шапкое. Арсаланъ разпѣживается, вспоминая о женѣ

своей, подобно какому нибудь герою французскаго романа; и эптошь же Арсаланъ грозитъ смернью своему плъбнику за малѣйшее покушеніе къ побѣгу. Лучше всего очерченъ характеръ шешушки Аделанды Пешровны, въ которомъ много правды и краски очень свѣжи. Замѣнимъ, что почти всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ сочинитель далъ характерныя названія, подобно надписямъ на аптекарскихъ банкахъ, какъ будто бы для того, чтобы не ошибались, чего въ нихъ некасть; таковы: Россіяниновъ, Виршупинъ, Грабланинъ, Воровапинъ, Зарѣзинъ и пр. и пр. Имена сіи въ романѣ крайне скучны, именно отъ того, что не разгадывая всмръчающихся въ немъ лицъ по ихъ поступкамъ и дѣйствіямъ, напередъ знаешь, чѣмъ они должны бышь. Сочинитель удо-

вольснвовался шѣмъ, что обозначилъ характеръ каждаго изъ такихъ лицъ его именемъ, и не давалъ себѣ большаго труда открывать его поспешно, привязывать къ нему чиншела интересомъ романтическимъ. Если станемъ искать въ *Выжигинѣ* картины современныхъ нравовъ, то увидимъ, что всякой разъ, когда сочинитель касался высшего круга общества Москвы и Петербурга, черны, схваченныя имъ, были неверны. У него, напримеръ, *кузина* Анисина, двоюродная сестра Миловидина, вводитъ Выжигина въ лучшіе дома. Эного не водились, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Молодая дама, кто бы она ни была, не можешь развозить по домамъ незвѣннаго молодого человека, который ей не родня, и предназначалъ его особамъ высшего званія; иначе,

не только для этого молодого человека, но и для ней самой двери вездѣ были бы заперты. Та же кузина Анисья (женщина порядочнаго шона и замужья) принимаетъ у себя незнакомую дѣвушку, которую Выжигинъ нашель ночью въ Еккатерингофѣ и привезъ къ ней въ полночь. Этого также не сдѣлаешь ни одна молодая свѣтская дама хорошаго шона, обязанная ондаванъ ончень въ своихъ поступкахъ мужу своему и шому кругу, къ которому она принадлежитъ. Москва вообще описана и подѣлена на разные круги общешва не по дѣйствительному своему быту, а по идеалу, который создало изъ нея воображеніе сочинителя. — Какъ романъ, *Выжигинъ* долженъ быть разсмашириваемъ въ своей основѣ и въ ходѣ. Завязку романа составляетъ гоненіе на Выжигина

какой-то княгини, которая подкупает Воробьянича, выманить у Выжигина отречение от наследства; а Воробьянича рѣшается развратить Выжигина, сманить его изъ дому мимою его шестушки, завезти въ дальнѣе края Россіи и тамъ умертвить его. Сколько пружинъ для того, чтобъ оппугать 250,000 рублей у неизвѣстнаго юноши, котораго самъ не знаетъ, кто былъ его отецъ! Изъ этого источника происходятъ все бѣды и все приключенія Выжигина, которыя сочинитель окончилъ самыми счастливыми послѣдствіями для своего героя. Но, вѣроятно, чувствуя всю слабость сей завязки, сочинитель хотѣлъ поддержать ее необыкновенными приключеніями: для сего-то убійцы везутъ Выжигина въ Оренбургъ, хотя могли бы раздѣлаться съ нимъ на

первой станціи; для сего-то пльць Выжигина у Киргизовъ, и приключенія пріятелиа его, Миловидна, въ Венеціи, Конспаннинионоль, Персиа и пр. Эти романическія средства обвешали уже со времени романовъ аббата Прево; и когда въ нихъ описанія и нравы дальнихъ странъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, или не представляють живо и оцущительно народности и мѣстности, то средства сіи крайне охлаждають занимательность цѣлаго, ибо слишкомъ явно показываютъ, что сочинитель выжудалъ свое воображеніе. Наконецъ, скажемъ нашіи замѣчанія и о слогѣ романа: *Выжигинъ*. Слогъ сей чистъ, правиленъ, но холоденъ; въ разговорахъ же слишкомъ отзывается слогомъ книжнымъ. Тѣ изъ дѣйствующихъ лицъ, на которыхъ сочинитель хотѣлъ по-

ложить печать ума или добродѣтели, тяжело высказываютъ свои правила, и какъ будто бы проповѣдуютъ съ кафедры, на заданную тему. Воинъ Безириспрастное мое мнѣнiе о *Выжигинѣ*, какъ объ романѣ, какъ о *цѣломъ*; но въ часписанияхъ, онъ заключаетъ въ себѣ мѣста, истинно прекрасныя. Таково начало, таковы почти весь первый томъ. Дѣйствительно *Выжигина*, домъ липовскаго пана, домашнiй бытъ и плутины жидовъ, роскошная жизнь красавицы-иенушки — написаны масшерекою кистью; но, повѣрю : тамъ, гдѣ сочинитель заглядывалъ въ большой свѣтъ обихъ снолицъ — кисть ему изменяла. Множество анекдотовъ, взятыхъ изъ живаго общества и разбланныхъ въ эиномъ романѣ, мѣстами весьма удачно, составляютъ главную заманчивость *Выжигина* и дѣлаютъ

его любознательнымъ, даже любимымъ чтеніемъ разныхъ классовъ нашей публики. Причину сего объяснилъ я выше. — *Ивану Выжигину отъ Сидора Пашутъевича Простакова посланіе, или отрывки бурной жизни.* Успѣхъ Выжигина, сказывающъ, породилъ многихъ подражателей или послѣдователей, и намъ обѣщаютъ уже цѣлыя книги *оригинальныхъ* русскихъ романовъ. Это будущъ все романы правовъ, въ которыхъ сочинители спанушъ рускому чловѣку разсказывать, каковъ онъ, спанушъ его учинъ добру и журинъ за пороки и глупости. Въ ожиданіи сей новой отрасли системы взаимнаго обученія, покажется явился вышесказанные *отрывки бурной жизни*; но въ сихъ отрывкахъ мы видимъ только бурный порывъ писанъ... на зло уму и вкусу. — *Черная немочь, повѣсть*, соч. М. По-

година. Молодой купеческій сынъ, Гаврила Аввакумовъ, иная врожденную склонность къ наукамъ и зная непреодолимую къ нимъ ненависть своего отца, дѣлается мраченъ, задумчивъ, даже почти боленъ. Отецъ его, богатый скряга, неучъ и наукоборецъ, думаетъ, что сынъ его боленъ *терною немозью*, посылаетъ его къ священнику, и сей, вывѣдавъ у юноши его тайну — спрашиваетъ къ ученью, обещаетъ ему свое ходатайство у стараго Аввакумова. Между тѣмъ, отецъ и мать хотя и женить Гаврилу, объявляютъ ему о томъ и настоятельно требуютъ его повиновения. Онъ уходитъ отъ нихъ въ отчаяніи; вскорѣ потомъ привозятъ къ нимъ безжизненный трупъ ихъ сына: онъ утонулъ въ Москвѣ рѣкѣ. Вотъ содержаніе сей повѣсти. Безумный поступокъ Гаврилы не мо-

женъ быть оправданъ спрашивается къ наукамъ и всякою другою спрашивается: Гаврила могъ бы жениться въ угоду своимъ родственникамъ, и это не помѣшало бы ему заниматься выпайнѣ образованіемъ своего ума, что составляло единственную цѣль, къ которой онъ стремился въ жизни. Прочтешь повѣсть — и никакого участія не почувствуешь къ герою оной; пожелаешь только развѣ о томъ, что могутъ быть такія неуспѣшныя явленія — люди, въ которыхъ отъ самаго рожденія таится и съ лѣтами развертывается зародышъ сумасбродства. Подобныхъ явленій или подобныхъ заблужденій не должно бы было выславлять, особливо въ такомъ видѣ, въ которомъ сочинитель старается облагородить поспунокъ, бывшій слѣдствіемъ горячки въ мозгу. Главное дѣйствующее лице, Гаврила

Аввакумовъ, выходить изъ предѣловъ вѣроятнаго, даже возможнаго: необразованный юноша видитъ, какъ бы въ магнетическомъ снѣ, все то, что пріобрѣтается только долговременнымъ, посюстороннимъ ученіемъ, и говорить объ этомъ добродушнымъ священнику языкомъ ученаго. Не такъ зараждаются и сложены нервообычныя понятія въ умъ природнаго гения: онъ можетъ много вмѣщать сихъ понятій, но не въ томъ порядкѣ и послѣдствіи, какъ Г. Погодинъ высказываетъ ихъ за героя своей повѣсти. Мы видимъ тому живой примѣръ: покойнаго Власова, природнаго химика, бывшаго потомъ отличнымъ лаборантомъ, но тогда уже, когда онъ открывшееся ему собственными дарованіями, исправилъ и повѣрилъ наблюденіями и опытами мужей ученѣйшихъ по части химіи,

каковы Тенарь, Гомфри Деви и пр.... Нѣкоторыя подробности въ повѣсти Г. Погодина: бытъ средняго сосноя- нія Москвичей, сватовство и пр., схвачены весьма вѣрно и хорошо; вообще эта часть повѣсти и зани- мательна и жива; но слогъ крайне неровень: сочинитель въ разсказѣ своемъ то увлекается въ возвышен- ный, то спускается до низкаго, раз- говорнаго слога самыхъ просона- родныхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. — И вошь все, о чемъ должно было говорить изъ прозаическихъ произ- веденій нашей словесности за сіе полугодіе. Изъ переводовъ, упомя- немъ о слѣдующихъ: *Повѣсти и ли- тературные отрывки* Г. Полеваго. Издашель Московскаго Телеграфа со- бралъ все достойныя вниманія, соб- ственно-литературныя сшатыи, пе- реведенныя имъ и помѣщенныя въ

разныхъ книжкахъ его журнала, и печатають ихъ особою книгою. Донынѣ вышло 3 тома сихъ *Новостей* и пр.; всѣхъ будешь шестъ. Заинтересованность и разнообразіе статей, собранныхъ и расположенныхъ съ умомъ и вкусомъ, вполнѣ заслуживають сей книгѣ похвалу и вниманіе; желанельно бы было, однако жъ, чинобы Г. Полевой, въ послѣдующихъ томахъ, внимательнѣе пересмотрѣлъ прежніе свои переводы и мѣстами исправилъ бы ихъ слогъ. Въ срочныхъ переводахъ для журналовъ, недосмотръ и негладкость слога могутъ еще быть извинены поспѣшностію, если они не слишкомъ часто попадаются; но издавая переводы сіи особою книгою, прудившійся надъ оными обязать изгладить все прежніе ихъ недосмотки. Такъ дѣлали единичнѣйшіе наши журналисты - писатели, при

изданіи вполне трудовъ своихъ. — *Повѣсти для дѣтей.* Счастливыи выборъ изъ лучшихъ иностранннхъ писателей, заманчивое содержаніе сихъ повѣстей и прекрасный слогъ перевода (надъ коимъ, какъ извѣстно, трудилась одна почтенная Россіянка), дѣлающъ сию книгу назидательнымъ и приятнымъ чтеніемъ для юныхъ читателей. Въ первой части помѣщены повѣсти для перваго возраста; во второй — повѣсти, назначаемыя для дѣтей отъ 9^{ти} до 12^{ти} лѣтъ. Всѣ онѣ отличаются чистотою, нравственною цѣлью и омибно-увлекательнымъ разказомъ. — *Вудстокъ, или всадникъ*, пер. Г. де-Шандена. Хорошій переводъ хорошаго романа Валтера Скотта; этого перевода никакъ не должно смѣшивать съ другимъ, изданнымъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: *Вудстокъ, или кавалеръ.*

О семъ послѣднемъ нечего сказать утѣшительнаго, равно какъ и о переводахъ пѣкошорыхъ другихъ романовъ британскаго романиста-пэзна. Можно только пожалѣть, что такіе, поспавляемые въ Москвѣ на подрядъ переводы, до сихъ поръ еще не перевелись. — Г. де-Шапельъ напечаталъ еще: *Путешествіе по Турціи изъ Константинополя въ Англію, чрезъ Вѣну, сог. Р. Вальша*. Достоинство сей книги оцѣнено иностранцами, и иногда нашими журналистами: въ онѣхъ справедливостъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о Турціи, кои путешественникъ въ ней сообщаетъ; и хорошимъ переводомъ сего путешествія Г. де-Шапельъ оказалъ ценную услугу нашей публикѣ.

Почтенный нашъ ориенталистъ, О. Іакинѣвъ Вичуринъ, постоянно обогащаетъ словесность нашу пере-

подами съ кнпайскаго языка и собственными сочиненіями, кои всѣ знакомятъ насъ или съ исторіей, или съ географіей, статистикой и правами жителей Китая и сопредѣльныхъ ему странъ. Въ первой половинѣ 1829 года, О. Іакниевъ издалъ: *Описание Чжунгаріи и восточнаго Туркестана, пер. съ Китайскаго*, книгу, весьма хорошо знакомящую насъ съ сею частью средней Азии. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, любопытны баснословныя понятія Китайцевъ о Россіи. Позабавлясь ихъ невѣжесивомъ на счетъ нашей отчизны, оиъ всего сердца просишь добрымъ Китайцамъ, которые далѣе Кяхты никогда не путешесивуютъ по Россіи, и просишь тѣмъ охотнѣе, что просвѣщенные Европейцы, особливо Англичане и Французы, донынѣ еще почти не менѣе Китай-

цевъ о насъ баснословящъ. — *Описаніе Пекина, съ планомъ сего города.* Планъ сей былъ снятъ по порученію О. Іакинѣа, въ бытность его въ снолицѣ Киная, однимъ шамошнимъ инженеромъ. Описаніе, весьма подробное, переведено также съ китайскаго нашимъ ориенталистомъ на рускій и на французскій языки, и напечатано особыми книжками, — *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ изъ дома Чингисова, пер. съ китайскаго.* Эта книга есть извлеченіе, сдѣланное шрудѣлюбивымъ О. Іакинѣомъ изъ двухъ китайскихъ сочиненій: Исторіи Чингисова дома и Всеобщей Китайской Исторіи. Сопримосновенность исторіи шагарекскихъ завоевателей съ бышописаніями нашего отечества, возбуждаетъ справедливое любопытство узнать дѣла сихъ завоевателей на вошнокъ, и шо,

что объ нихъ пишутъ нѣкоторыя на-
ши сосѣди, Китайцы. О. Такинѣвъ,
въ этой книгѣ, доставляетъ намъ
весьма полныя о томъ свѣдѣнія. —
Здѣсь кенанши упомянутъ о привяз-
чивыхъ и часто неосновательныхъ
выходкахъ парижскаго ориенталиста,
Г. Клапрона, противъ почтеннаго
нашего соотечественника, О. Та-
кинѣва. Г. Клапронъ, опираясь на
свои знанія (весьма подверженныя
сомнѣнью) во всѣхъ языкахъ и нарѣ-
чійхъ Азии, рѣшительно опровергалъ
достоинство переводовъ О. Такинѣва
и вѣрность принятыхъ имъ право-
писанія и выговора именъ китай-
скихъ. Но кто болѣе заслуживаетъ
вѣры: Г. ли Клапронъ, научившійся
китайскому языку, не выѣзжая изъ
Парижа, или О. Такинѣвъ, прожившій
14 лѣтъ въ столицѣ Китая и тща-
тельно изучавшій на мѣстѣ языкъ

кишайскій, его выговоръ и словесность? Вопросъ сей рѣшается самъ собою. Касательно другихъ инопезъ Г. Клапроша, на счетъ предполагаемой имъ неправильности выговора самихъ кишайскихъ ученыхъ въ Пекинѣ, ему можно отвѣчать слѣдующимъ примѣромъ: что, если бы какой упрямый иносранецъ вздумалъ при немъ увѣрять, будно бы въ Русильонѣ или въ Тулузѣ народъ правильнѣе говорить по-французски, нежели образованные люди въ Парижѣ, — не разсмѣлся ли бы Г. Клапрошъ? Я думаю, то же сдѣлалъ бы Кишаецъ, конорому бы онъ сталъ предлагать свои инопезы.

*Картина войнъ Россіи съ Турціей, соч. Г. Бутурлина, извѣснаго про-
свѣщенной Европѣ своею Исторіей
войны 1812 года. Сія Картина войнъ*

сь *Турціей* написана имъ на французскомъ языкѣ и напечатана была въ весьма маломъ числѣ экземпляровъ. Переводъ ея на рускій языкъ есть дѣло пера опытнаго; это доказываютъ хорошій слогъ и точность военныхъ выраженій. Третью часть сей книги составляютъ изображеніе кампаніи 1828, а можетъ быть также и 1829 года. — *Исторія Села Царскаго*, составленная изъ дѣлъ архива правленія Царскосельскаго, П. Яковлевымъ. Въ этой книгѣ заключаются многія любопытныя свѣдѣнія о сей истинно - Царской мызѣ; исторію оной сочинитель начинаетъ еще съ того времени, когда Шведы владѣли Ингріей; но мы должны сказать, что онъ слишкомъ неумѣренно пользовался архивомъ Царскаго Села. Какое дѣло читателю, напр., до старыхъ донесеній архитекторскихъ и до за-

писокъ о числѣ работниковъ? — *Исторія древней и новой Литературы, соч. Фридриха Шлегеля*, перев. съ нѣмецкаго. Давно уже любители словесности желали видѣть на рускомъ языкѣ сіе твореніе, коего сочинитель, справедливо славимый за обширныя его свѣдѣнія, необыкновенный умъ и вкусъ, пролилъ новый свѣтъ на историю всемірной литературы. Переводъ хорошъ и точенъ; можно бы однако пожелать, чинобы преложитель не слишкомъ строго придерживался данныхъ нѣмецкихъ періодовъ, которые въ нашемъ языкѣ часто вредятъ ясности слога. — *Путешествіе вокругъ свѣта, на военномъ шлюпѣ Предпріятіе*, Капитана-Лейтенанта Коцебу. Въ семь четьрехълѣтнемъ путешествіи (съ 1823 по 1827 годъ), Г. Коцебу сдѣлалъ многія географическія наблюденія, онъ

крыль нѣскольکو новыхъ острововъ и върше другихъ путешественниковъ описалъ нѣкоторые изъ прежде-извѣстныхъ. — *Древнее сказаніе о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ*, изданное П. Свѣгиревымъ. Изданіемъ оказалъ весьма большую услугу любителямъ русской снарины напечатаніемъ сей, можно сказать, исторической поэмы; ибо не смотря на то, что она писана не стихами, многія мѣста, неполненныя поэзіи, и полу-драматическій разказъ сего снарииннаго ошрывка, снавяишь его на ряду съ извѣстнымъ *Словомъ о Полку Игоревѣ*. Г. Свѣгиревъ сличилъ находящійся у него весьма хорошій списокъ съ нѣсколькими другими, и мѣстами дополнялъ его изъ оныхъ или предлагалъ варіанты въ видѣ примѣчаній.

Но драгоценнѣйшимъ и вмѣстѣ уни-
 лишельнѣйшимъ явленіемъ въ сей по-
 ловинѣ года, по часни пещоринъ,
 былъ *дванадцатый томъ Исторіи Го-*
сударства Россійскаго, послѣдній
 трудъ нашего незабвеннаго Карам-
 зина. Борясь уже съ тяжкими спра-
 дачiami при переходѣ оныя временной
 жизни къ вѣчности, которую оны
 утвердилъ за собой и въ здѣшнемъ
 мѣрѣ своими славными твореніями, —
 Карамзинъ доканчивалъ намъ сказанія
 о шаткомъ правленіи Василія Иоан-
 новича Шуйскаго и о послѣднихъ Са-
 мозванцахъ тогдашняго времени. Бы-
 стрый перерывъ, коимъ прекра-
 щается сіи сказанія, ясно говоритъ,
 что на эпосъ мѣстѣ крайнее раз-
 слабленіе полуразрушеннаго сосѣва
 нѣлеснаго побороло наконецъ силу
 духа въ знаменитомъ нашемъ Пещо-
 ріографѣ. Но только сіе безвремен-

ное окончаніе и напоминаетъ о готовившейся намъ горькой утратѣ: все прочее въ семь 12 томъ согрѣшо прежнимъ жаромъ души, пламенной ко всему великому и прекрасному, изображено тѣмъ же краснорѣчивымъ перомъ писателя, любившаго и прославившаго свое отечество. Слабый Василій Шуйскій, вдругъ какъ бы пробуждавшійся отъ усыпленія и въ рѣшительную минуту умѣвнѣйшій быль царемъ; юный, доблестный князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, котораго чистая, безкорыстная любовь къ отечеству и знаменитые подвиги на защиту его, привязываютъ читателя къ сему герою всеми чувствами благороднаго сердца; твердый въ бѣдствіяхъ мужъ, патриархъ Ермогенъ; князь Димитрій Пожарскій, тогда уже возносившій славу свою къ спасенію Россіи;

хитрый, но бодрый духомъ Ляпуновъ, котораго жертвы для общества, запечатлѣвныя его смертію, заглаживаютъ все другіе, недоспѣныя памяни его посяпки: — все сіи лица представлены съ неподражаемымъ искусствомъ, въ ихъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ, въ стремленіи къ цѣли своей различными путями, въ живой игрѣ страстей. Съ другой стороны, плачевное состояніе Россіи, раздраемой бунтами и покушеніями Самозванцевъ, все бѣдствія междоусобія, какими обыкновенно запечатлѣваются годины сильныхъ потрясеній государственныхъ, все частное, произшедшее изъ золь общественныхъ, — вотъ предметы картины, которую еноль живо, еноль сильно, такими яркими и вѣрными красками начершала намъ кисти еего несравненна-

го историка-живописца! Невозможно выразишь того удивительного дара, той недослушной прелести слога, которыми писатель наш действует на душу своих читателей, съ которыми онъ увлекается и привлекается ихъ вниманіе, умъ и воображеніе. Разумѣется, я говорю здѣсь не о душахъ холодныхъ; ихъ ничто не трогаетъ, и на Карамзинѣ, который воздвигнулъ Карамзинымъ къ неувидаемой себѣ славы, въ 12^{ти} томахъ его Исторіи, неукротимыя ихъ руки сдѣлали основаніе слѣды незамѣтнаго ихъ бытія. И чего хощешь они? и какъ согласить разнородныя, часно противорѣчащія одно другому ихъ требованія?... Карамзинъ носилъ требованія высшія — требованія Русскаго народа его времени, и написалъ для него Исторію, которая,

по выраженію Вѣнценоснаго Цѣн-
шеля трудовъ Психолога, достой-
на Рускаго народа.

О. Сомовъ.

КИРГИЗСКІЙ НАБѢГЪ.

(Друзьямъ моимъ.)

Вы конечно знаете, въ географическомъ отношеніи, часть участка земли, который, находясь между рѣками Ураломъ и Пелекомъ, и будучи огражденъ оныя Киргизскихъ степей рядомъ форпостовъ Ново-илецкой линіи, составляетъ особенный округъ мѣшечка (*), давно извѣстнаго по своимъ собогощиямъ. Если жь не

(*) Илецкой зашины.

знаете, то прошу васъ взглянуть на подробную карту Россіи. Чрезъ эпопю самый учаснокъ (или какъ вамъ угодно его назвать), въ 18... году пролагалъ я, разумѣется по приказанію начальства, дорогу для обозовъ съ плечкою солью; и во время исполненія сего дѣла, со мною случилось приключеніе особаго рода, приключеніе, достойное занять нѣсколько строкъ въ какой-нибудь *Байроно-романтической* поэмѣ: ибо въ немъ новоснѣ положеній была соединена съ неожиданностію и ужасомъ. Какъ жаль, что я не умѣю писать поэмъ! По крайней мѣрѣ я расскажу вамъ мое поэтическое приключеніе просто, какъ прозаическій анекдотъ; и если вы удостоите меня такимъ же вниманіемъ, какимъ пользуетесь рассказники городскихъ новосней и другихъ невинныхъ жишей-

скихъ вадоровъ, но я буду доволенъ шѣмъ, какъ нельзя болѣе. И шакъ, прошу слушать... Но прежде считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о Ново-пасской линіи и сообщая ея Киргизцахъ.

Сія линія съ начала весны до конца осени содержится въ грозномъ военномъ видѣ: форпосны бываютъ вооружены пушками, небольшимъ отрядомъ регулярной пѣхоты, Козаковъ, Тенцарей, Мецераковъ и Банкирцевъ; дено и ношно разбѣгаютъ по ней дозоры — и отъ одного *пикета* до другаго ловкій Банкирецъ можетъ докнупъ шурьшу. Случается ли почная тревога: вдругъ всыпываютъ маяки (ш. е. огромные шесты, обверченныя соломой и сноюще, подобно великанамъ, при каждомъ пикетѣ); шолмы Козаковъ, Мецераковъ, Банкирцевъ высыпаютъ

изъ укрѣпленій, и съ топотомъ ихъ коней сливаеися гулъ въстовой пушки, находящейся въ Илецкой защитѣ, на вершинѣ *Намаза* (*) или караульной горы. Но и при такихъ мѣрахъ предосторожности, киргизскимъ разбойникамъ удаеися иногда, обманувъ кордонную стражу, пробираться на нашу сторону, похищать рускій скотъ, пожигать сѣно, топтать поля, увлекать въ неволю оплоднѣвшихъ поселянъ или бѣдныхъ путешественниковъ, не разбирая ни званія, ни пола, ни возраста. Случаеися даже, что Киргизцы, собравшись большою толпою, имѣють дерзость нападать на самыя форпосты, выдерживая снычки съ нами-

---

(*) *Намазъ*, киргизское слово, значить *святая*. Такъ называется гипсовый холмъ при Илецкой защитѣ, на коемъ Киргизцы въ старину совершали порожественныя молитвы.

ми отрядами и срывать пикеты въ уединенныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, никогда почти военныя проказы сихъ помадовъ не остаются безъ наказанія. Козаки, а особливо Плецкой защины, будучи лучше вооружены, смѣлѣе и рѣшительнѣе своихъ непріятелей, умѣютъ угадывать ихъ намѣренія, находятъ Киргизцевъ *тутьемъ* по слѣдамъ, открываютъ тайки ихъ въ чащѣ камышей, въ глубинѣ овраговъ, нападаютъ враслохъ — и смертельными ударами отбучаютъ ихъ отъ нагубной спраски къ набѣгамъ. Ксепани о защинскихъ Козакахъ. Киргизцы бояся ихъ болѣе суровой зимы, сконскаго падежа и *улькунь-мултыкъ* или большаго ружья, ш. е. пушки. Нѣкоторые изъ нашихъ мнѣйныхъ героев (*) приобрѣли въ

(*) Напр. покойный Яковъ Бѣлковъ, о которомъ

спеняхъ и между своими какую-то знаменитость, похожую на славу; такъ чинъ дѣла ихъ воздѣваются Русскими въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, а имена наводятъ паническій страхъ на Ордынцевъ, присоединяющихъ къ нимъ, въ знакъ невольнаго уваженія, почтенное названіе *батыри*, и. е. богатыря.

Напрасно донныя Правительство старалось и старается положить конецъ безпрестаннымъ разбоямъ и дракамъ на Ново-пелцкой, и вообще на Оренбургской линіи. Все его предпріятія по сему предмету послужили только къ подтверженію истины, что доколѣ Киргизцы будутъ Киргизцами — народомъ кочующимъ, необразованнымъ и огражденнымъ отъ

сложено нѣсколько пѣсень и котораго Киргизцы называютъ *Якубъ-батыръ*.

всейкой власти непроходимостію ещеней, до шѣхъ норъ грабиншельство, известное у нихъ подѣ названіемъ *баранты*, будешь уважаемо ими, какъ народный обычай: ибо права непроващенныхъ народовъ не измѣняются и въ вѣкахъ. Следственно Киргизцевъ надобно по возможности просвѣтнить. — Правиншельство, какъ вамъ известно, присунуло уже къ исполненію сего благодѣтельнаго средства; но это не относится къ моему анекдоту.

Я сказала, что Повонлецкая линія содержившая въ военномъ видѣ только съ начала весны до конца осени. Зимною картина перемѣняется. Глубокій снѣгъ, прескучіе морозы, ужасныя мштели, называемые шамъ *бураками*: все это принуждаетъ киргизскихъ *батырей* сидѣть смирно въ ихъ войлочныхъ шапрахъ или кибишкахъ.

Самые беспокойные изъ нихъ опко-
чевываютъ, вмѣстѣ съ дикими инди-
цами, къ шельмамъ берегамъ Араль-
скаго моря, къ предѣламъ Бухаринъ и
Хивы; а ить, кошорые помирнѣе,
облегають дружелюбными аулами рус-
скую границу, мѣняють своей еконъ
на хлѣбъ линійныхъ жителей и на
прицланы въ кочевомъ киргизскомъ
быну произведенія нашихъ мануфак-
туръ, вѣданы къ намъ въ гости и
сами принимають гостей; однимъ
словомъ, живутъ съ нами, какъ доб-
рые пришельи, до самой весны. При
такомъ положеніи дѣлъ, военная
спрогосень на линіи ешановишея не
нужною. Въ началѣ Ноября, часно и
ранѣе, линійные гарнизоны идуць
на зимнія кварширы, Башкирцы и
Мещеряки длинными толпами оп-
правляются въ свои канпоны; линій
пустѣеть; сердипые *бураны* увива-

юшея вокругъ покинутыхъ маяковъ , а въ форпосныхъ землянкахъ осматривались только небольшое число обывателей и сторожей (*).

Мнѣ должно было исполнить порученіе , о которомъ сказала я выше , въ половинѣ Маія. Ново-пелцкая линия не была еще тогда занята войсками , а цвѣтущая весна благопріятствовала уже набѣгамъ неутомимыхъ Ордынцевъ. Впрочемъ , имѣя въ конвое семь хорошо-вооруженныхъ Козаковъ Защитинской сотни , я съ браномъ моимъ , унтеръ-Шихпмейстеромъ (**), съ унтеръ-офицеромъ Мощиннымъ (не безъ намѣренія скрываю его имя) и восемью вооружен-

(*) Войска , охраняющія линію въ продолженіе лѣта , обыкновенно называются *лѣтнею кордонною стражею*.

(**) Авторъ служилъ тогда въ горной службѣ.

ными работниками, — благополучно и безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, снявъ спинуцію малозвѣствующихъ пушкынь, чрезъ кошорья пролагалась дорога. Оспавалось только выславить по ней знаки или *въли*, для указанія прямого пути въ снхъ безпримѣнныхъ мѣстахъ.

Въ полдень, 20 Маія, мы находились посреди необозримой равнины, какъ плавали посреди Океана. Сѣдой ковыль, подобно шонкой пелень, мялся подъ нашими ногами, спрунлся вокругъ насъ и свалелся вдали съ краями сннего неба. Лишь изрѣдка уномленные взоры свѣтили опдыхань на коврахъ муравы и цвѣшовъ, покрывающихъ дннныя впадины, кошорья можно назвать *Оазисами* сей равнины. Вѣravo опкрывались иногда дымоподобные холмы Общаго Сырша и мѣса Уральскаго берега.

Какъ жаль, что какой-нибудь ученикъ Орловскаго не продемонстриръ шествія нашего маленькаго каравана (*)! Эша варшина, по моему мнѣнію, сподоба бы масшеракаго карандаша его. Я постараюсь описать ее, какъ увию. Нѣсколько ловкихъ Козаковъ, безпреснанно заѣзжая впередь, вели, посрединѣмъ длинныхъ своихъ дрошниковъ, прямую линію, а вельдь за ними работники вколочивали въ землю колья, съ навязанными на верху пучками бѣлаго ковыля, — зыбкими, какъ перья шарнирныхъ рыцарскихъ шлемовъ. Но объ спороніи линіи шанулось нѣсколько возовъ

(*) Я называлъ мою команду караваномъ, во первыхъ потому, что она съ виду въ самомъ дѣлѣ походила на караванъ, хотя въ ней и не было ни шваровъ, ни верблюдовъ; во вторыхъ потому, что не нахожу приличнѣйшаго ей названія.

съ колыями; и наконецъ, шествіе заключалось длинными *карандасами* — спешнымъ экипажемъ, весьма похожимъ на похоронныя дроги. На ихъ сѣдѣхъ поручикъ К... (который поѣхалъ со мною изъ кр. Разсыпной, въ качествѣ смотрителя солевозной дороги), полубольной, высокій, сухощавый, какъ *рыцарь пегальнаго образа*, въ одномъ камзолѣ, съ калмыцкою трубкою въ зубахъ, съ шарскимъ колпакомъ на головѣ. Что касается до меня, то покорный слуга вашъ, землякъ дикихъ Ордынцевъ, привыкшій съ дѣтскихъ лѣтъ къ ихъ кочевой жизни, — ѣхалъ верхомъ, сидя на широкомъ и мягкомъ киргизскомъ сѣдлѣ такъ же спокойно, какъ въ вольперовскихъ креслахъ. Рядомъ со мною ѣхали два Козака, сохранившіе въ памяти неизтощимый запасъ любопытныхъ преданій, ко-

порья въ совокупности составили бы самую подробную исторію ихъ родины; бывавшіе въ молодецкихъ походахъ далеко за *Сыр-дарьею* и не уснуавшіе въ некуснвѣ защищаются и нападаютъ ни одному изъ сипенныхъ Карашевъ и Джалимановъ (*). Тушь же ѣхаль и веселый, беззаботный Мошнинъ. Съ благодарностію долженъ я сказать, что мѣлкое ружье его часно доставляло намъ вкусный обѣдъ въ нашемъ безкварпирномъ походѣ. Нарядъ Мошнина сосналялъ большую противоположность съ одеждою Козаковъ. При высокомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи, при загорѣлыхъ лицахъ, украшенныхъ густыми усами,

---

(*) Современные *батыри*, славные въ степи, — первый, какъ бывший преиенентъ Ханскаго до-споинспва, впорый, какъ неукротимый разбой-никъ.

они были одѣты въ преширокіе кафтаны и шаровары, имѣли на головѣ мохнатый шапки, за плечами длинныя уродливыя ружья съ *ражками*, а вмѣсто пояса шоденый ремень, съ привѣшенными къ нему пороховымъ рогомъ, киргизскою *калтаю* (*), ножомъ и другими снарядами. Напоминная одеждою, вооруженіемъ и ухватками сподвижниковъ Сшенъки Разина, Козаки мои могли бы до смерти перенуганъ собою какого-нибудь зѣрнаго пешименсра или робкую, нѣжную даму. Напрошивъ шого Мошинъ, въ кожаномъ карпузѣ, въ изношенномъ мундирѣ съ обрѣзанными фалдами, въ холщенныяхъ панталонахъ,

---

(*) *Калта*, такъ называется кожаная сумка, которая служила Киргизцамъ вмѣсто ядунки и шапки.

въ шерстяныхъ чулкахъ и *поршняхъ* (*) или русскихъ сандаляхъ, споль же легкихъ, какъ башмаки французскаго придворнаго кавалера, — Мошинъ, невысокій и плоскый, съ короткимъ ружьемъ своимъ, шочно такъ же походилъ на спеннаго богатыря, какъ жокей нынѣшняго лорда на шурецкаго пашу или на желѣзнаго воина крещеновыхъ походовъ.

Шуия съ шоварницами и наблюдая за дѣйствіемъ нашихъ геодезистовъ, я вовсе не думалъ о бродящихъ киргизскихъ разбойникахъ, хотя зналъ, что въ настоящее время года спрансированъ шамъ, гдѣ мы находимся, не совсѣмъ безопасно. Правда, видя

(*) *Поршни* — два лоскута сыромятной кожи, стянутые ремнями и такимъ образомъ составляющіе родъ сандалій. Ихъ носили въ некоторыхъ губерніяхъ крещеные.

иногда задумчиваго Козака, обводящаго вокруг внимательные взоры, я начиналъ чувствовать тайное безпокойство и пристальнѣе смотрѣть въ туманную даль; но шипица земли и неба скоро возвращала мнѣ прежнюю беззаботность. Что касается до монхъ воиновъ, то они говорили о Киргизцахъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣнiемъ. Напримерь, замѣнивъ однажды вдали неподвижную точку, я спросилъ одного изъ монхъ Козаковъ, не можешь ли онъ разсмотрѣть, что тамъ чертѣется? — « Кусень, или беркунь (*), » отвѣчалъ онъ сухо. — То-то; смотри, не Киргизецъ ли? — « Ну, шакъ что жь, » — « хонь и Киргизецъ. » — Какъ бы они не напали на насъ врасплохъ? — « Пускай попробуютъ! » — сказалъ пре-

---

(*) Степной орелъ.

хладнокровно Козакъ. Тѣмъ и разговоръ кончился.

Такимъ образомъ доспигли мы вершины рѣчки Школки, гдѣ заранѣе предположено было порядочно отдохнуть, пообѣдать и накормить лошадей. Мѣшкунъ, исправляя должность квартирмейстера, пріѣхалъ шуда прежде насъ и успѣлъ застрѣлить нѣсколько утокъ для нашего обѣда. Мѣсно, на конномъ пошавили мы свой наборъ; лежишь гораздо ниже окрестной равнины, возвышающейся вокругъ него (какъ ошлогіе края чайнаго блюдичка вокругъ дна) едва приметною покатоснію. Это небольшой острый мысъ, образуемый озерцомъ, или лучше сказанъ, глубокою, похожею на проваль ямою и крупнымъ оврагомъ, въ нее впадающимъ. Вода въ ямѣ, къ счасію нашему, была холодна и чишта, а берега ея усни-

***

лались коврами свежей, прекраснѣйшей муравы. Все это было для насъ нѣмъ пріятнѣе, что упомянутые тѣдоу и зноимъ, мы чувствовали въ одно время и жажду и голодъ и большую нужду въ отдохновеніи. Я былъ веселъ, я былъ почти счастливъ. Кому, подобно мнѣ, случалось спрашивать по снѣгамъ, шотъ конечно не спросишь: ошъ чего всѣ номады такъ сильно привязаны къ своей дикой, кочующей жизни. Повѣрите ли, что сія незавидная и повидному даже бѣдственная жизнь, имѣетъ свои радости, свои наслажденія, вовсе неизвѣстныя слабымъ, избѣженнымъ обитателямъ городовъ и столицъ? Одно уже опущеніе свѣтскихъ приличій, одна совершенная свобода поспушковъ и склонностей дѣлаетъ жизнь сію драгоценною для души гордой, свободной и мечтательной. Мо-

жеть бытъ не все согласяшея въ
 зномъ со мною; но я признаюся
 вамъ, что часто, среди блестящихъ
 увеселеній столицы, среди всевоз-
 можныхъ изобрѣшеній ума и роскоши,
 другъ вашъ унесенъ мечтами въ за-
 уральскія степи, къ тому прекрас-
 ному времени, когда, новый Донъ-
 Кихотъ, безпечно и весело искалъ
 оныя приключеній въ сихъ уединенныхъ
 и молчаливыхъ пустыняхъ.

Въ нѣсколько минутъ лошади наши
 были выпряжены, разсѣдланы, спре-
 ножены и пущены на свѣжую мураву.
 Бѣдный огонекъ заверкалъ подъ чу-
 гуннымъ кошломъ, повѣшеннымъ, какъ
 водился, на деревянномъ шренож-
 никѣ, и каждый изъ пушниковъ съ-
 шилъ воспользоваться временемъ роз-
 дыха, чтобы удовлетворить свои
 желанія или прихоти. Одинъ, на-
 примѣръ, закидывалъ въ озеро поход-

ныи верши; другой вынаскивалъ изъ дорожной сумы гошовый запасъ; преній усиривалъ изъ войлока родъ налалки, чибобы зацципншь себя и шоварицей ошь налицаго зноя. Сшечной нашь *метр-д'отель* или попросу кашеваръ, усердно щипалъ ушокъ, засыръленныхъ Мошнннймъ; поручикъ еще разъ закуривалъ каамыцкую свою трубку; брашь мой игралъ козачьимъ дрошникомъ; я, сндя на *карандасалъ*, сшпною къ оврагу, вынулъ изъ кармана табакерку и ошкерылъ ее.... Вдругъ пронзительный крикъ, показавшнйся мнѣ журавлиннымъ, поразилъ слухъ мой — и прежде нежели я успѣлъ спросншь о причинѣ сей печальносшнн, смашенные мои шоварици закричали: « Кнргнзцы! Кнргнзцы! » Я оглянудся назадъ: девншь наѣздниковъ, на лошадахъ, черныхъ, какъ вороново крыло, въ ошпроконечныхъ

бѣлыхъ колпакахъ, въ легкой, свободной одеждѣ — неслись на насъ съ быстрой буйнаго вихря, неслись, издавая ужасные вопли и грозно похрипя своимъ дикимъ, зыбкимъ виками! Впрочемъ, размахивая ихъ было некогда. Всѣ мы, какъ вы предсказавши себѣ можете, вкочили, засуетились, схватили ружья — и нѣсколькими, наудачу пуцеными выстрѣлами, встрѣтили незваныхъ гостей. Къ счастью, глубокий оврагъ, примѣченный Киргизцами тогда уже, когда они подошли къ его берегу, отвратилъ отъ насъ ужасъ внезапнаго нападенія. Увидѣвъ свою ошибку, Ордынцы круто повернули въ сторону и съѣхали оный объѣхать, съ намѣреніемъ завладѣть всеми нашими лошадьми, бродившими, благодаря безпечности Козаковъ, довольно далеко отъ шатора. Наши также бро-

спасъ къ лошадямъ, и вырвали ихъ почти изъ рукъ разбойниковъ. Имъ не удалось даже похитить козачьяго дрошка, воткнушаго въ землю на шомъ мѣстѣ, гдѣ должно было послѣдовать астролѣбію для назначенія новой линіи. Послѣ такой неудачи, Ордынцы пустились оныя насъ въ ту сторону, откуда сдѣлали нападеніе; а наши, сопровождая ихъ крикомъ, бранью и проклятіями, сѣвши ослѣдять лошадей и говорили въ одинъ голосъ, что должно гнаться за Киргизцами.

Сначала я былъ пораженъ нечаянною сего приключенія, какъ дикій Американецъ первымъ выстрѣломъ пушки; но видѣвъ и малочисленность нападавшихъ и послѣднее бѣгство ихъ съ мѣста сраженія, ободрился и старался доказать своимъ спутникамъ, сколь бесполезно и лег-

комысленно ихъ намѣреніе догонять
 лешую киргизскую шайку, копо-
 раи, на прекрасныхъ коняхъ своихъ,
 далеко оснавила бы насъ за собою,
 какъ соколъ оснавляетъ иногда за-
 дорное стадо вороны. — Но поручикъ
 (видь спычки и ружейные выстрѣлы
 въ одну секунду возвращали ему и
 юношескій жаръ и опроменчивую
 храбрость), но Мошинъ, вышедшій
 изъ себя оныя просни, но Козаки,
 жадные къ корысти и бою, не хо-
 тѣли и слушать моихъ предсавле-
 ній. Только нѣкоторые изъ работ-
 никовъ, спрятавшіеся подъ возы при
 первой тревогѣ, и два Козака изъ
 Ташаръ, прелетавшіе и поблѣднѣв-
 шіе снъ ужаса, боязливыми взорами
 изъявляли свое согласіе со мною.
 Дѣлать было нечего! Опасаясь про-
 слышь шрусомъ между шоварицами,
 я взялъ у одного изъ миролюбивыхъ

воиновъ карабинъ и сумку съ папро-
нами, повѣсилъ ихъ себѣ на плеча и
сѣлъ на лошадь, чинобы лешѣтъ, какъ
говорится, навѣрнчу славы и смер-
ти. Въ это время мы замѣнили,
что Ордыцы, оиѣхавъ отъ насъ
съ вереву или болѣе, даюиъ кому-
то сигналъ, кружась на лошадахъ
по азіашекому обыкновению. Недо-
умѣніе наше при семъ явленіи было
непродолжительно: гусная толпа,
какъ шуча, показалаеь на краю го-
ризонна — и все мои воины соско-
чили съ коней безъ команды! Я, не
теряя на сей разъ присутствія ду-
ха, взобрался на вершину вѣза съ
колыями, для наблюденій... и вопиъ,
емошрю вправо — ваиниъ другая
толпа, гуце первой; прямо пропивиъ
насъ — показывается ирешья...

Признаюеь, что при семъ зрѣли-
щѣ сердце мое екалось, какъ высу-

шенная губка, и вдруг казалось кровью, как губка, брошенная в воду. Все поняшія объ ужасах киргизскаго плѣна, все повѣствованія объ изнѣзаніяхъ плѣнниковъ, слышанныя и читанныя мною въ продолженіе жизни, слились въ одну мысль — и эта мысль съ неизъяснимою быстрой проникла все мое существо! Надобно знать, что живучи въ Оренбургскомъ краю, должно поневоль безпрестанно слушать ужасныя повѣствованія о жестокостяхъ Киргизцевъ и о бѣдственной участи ихъ плѣнниковъ (какъ здѣсь, напримеръ, слушаемъ мы иногда скучные разговоры о модахъ, журнальных перебранкахъ, поминкѣ и погребѣ); а потому каждый, пускающійся въ путь по линіи — не говорю уже о степяхъ — бываетъ заранѣе сильно напуганъ предполагаемыми

опасностями и ужасается при одной мысли о появленіи хищниковъ. Такъ и мнѣ слишкомъ были извѣстны разбойническіе ихъ подвиги, чтобы чувствовать весь ужасъ нашего положенія. Къ тому же часто слыхалъ я, что по звѣрскому обыкновенію Киргизцевъ, непріятель, упорный въ сопротивленіи и взятый съ оружіемъ въ рукахъ, не долженъ ожидать нималяйшей пощады. Сии варвары обыкновенно извлекають изъ него жизнь медленными муками: онѣскають членъ за членомъ, моряють голодомъ и жаждою, жгуть на огнѣ, сдирають кожу съ живаго. . . . Я окинулъ глазами наше мѣстоположеніе: глубокій оврагъ, обрывистые берега — какія превосходныя средства защиты! — Пусть они нападаютъ! Будемъ обороняться до послѣдней крайности, стрѣлять до послѣдняго

заряда, спустимся въ оврагъ — бросимся въ воду, если враги сдѣлають ударъ рѣшительный, — умремъ, но не опдадимся въ плѣнь!...

Мнѣ первому вздумалось тогда устроить изъ нашихъ возовъ родъ цитадели, которая могла бы намъ служить оградой со стороны, открытой нападенію Ордынцевъ. Козаки поняли эту мысль и усердно помогали мнѣ двигать тяжелыя телеги и *карандасы*. Двумъ оробѣвшимъ Ташарамъ приказано было держать оседланыхъ лошадей, чтобы они не разбѣжались, если изнугаюшся киргизскихъ вошей или выстрѣловъ. — Въ сущемъ и забоймъ я не видалъ, что дѣлали въ это время Молниинъ и поручикъ, только слышала ихъ проклятія и громкіе крики.

Наконецъ, приговоровившись такимъ образомъ къ оборонѣ, мы сдѣ-

ладились спокойны и увѣщевали друга друга не суетишься и не прашишь даромъ зарядовъ.

Между шѣмъ шолна непріятелей на двѣой сторонѣ основана въ нѣсколькихъ снахъ саженьяхъ отъ нашего спана. Мы видѣли, какъ Ордынцы снимали съ себя лишнее платье, чинобы легче сидѣть на коняхъ. Нельзя было безъ нѣкотораго тайнаго удовольствія смонрѣть на сихъ ловкихъ всадниковъ, когда они на длинныхъ и спашныхъ армакахъ своихъ, пригнувшись къ лукъ, легкою рысью переѣзжали широкое поле. Каждый изъ нихъ былъ вооруженъ коньемъ необычайной длины; многіе сверхъ того имѣли лукъ и стрѣлы, съкрыты или *ай-балты* (*), сабли и даже

(*) *Ай балта* — шопоръ на длинномъ шопоридѣ.

ружья, съ длинными ражками и вмѣстѣ замковъ финилями.

Некопная часть Киргизцевъ спустилась въ оврагъ при его вершинѣ, такъ что намъ были видны только ихъ бѣлые колпаки и концы коней. Это была, кажется, ихъ *вагенбургъ*, съ заводными лошадьми и съ разными шажескими. Другіе, раздѣлясь на малыя паршіи, издали развѣзали вокругъ насъ, какъ бы выематривая мѣстоположеніе. Наконецъ всѣ приюмы (кромя *вагенбурга*) сдѣлались въ одну и сѣли на скатѣ равнины, прямо противъ открытой стороны нашего сѣана, въ шрехъ или чешырехъ сѣнахъ саженьхъ ошъ онаго, — и съ полчаса сшояли на одномъ мѣстѣ, вѣроятно, совѣщаясь между собою.

Мы, съ своей стороны, размѣстившись позади укрѣпленій, взвели кур-

ки и спокойно ожидали первого на-
шека.

Вы, можете быть, улыбаетесь, на-
ходя въ моемъ разсказѣ о киргизскомъ
набѣгѣ важность и подробности, при-
личные происшествіямъ знаменитымъ;
но, друзья мои! гдѣ дѣло идетъ о
жизни и смерти, тамъ легкомыслен-
ная шушка не имѣетъ ни сколько
мѣста; и умереть отъ кинжала убій-
цы, по моему мнѣнію, еще ужаснѣе,
нежели отъ меча воина или отъ ядра
непріятельской башарей.

Но вошь шона Ордынцевъ выпя-
нулась въ длинный шпуръ... еще
минута — раздались дикіе крики, под-
нялось облако пыли, дрогнула зем-
ля — и шпуръ бросился на насъ, какъ
стая бѣшеныхъ собакъ на одинокаго
пушника!... Съ нашей стороны гря-
нули ружья — и Киргизцы ли ушра-
тили шу неукротимую храбрость,

которая отличала предковъ ихъ подъ знаменами Башыевъ и Тэхнамышей, или мы всерььшили ихъ съ необыкновенною смѣлостію — только высерььлы наши удержали буйное стремленіе коней ордынскихъ; но нули уже до нихъ дошли. Вошь зажужала одна — и огромная сѣрая лошадь присѣла ошь раны подь своимъ всадникомъ; вошь другая ваѣлилась въ Ордынца: мы слышали самый шелестъ удара! Спрой заколебался, разсыпался — и ошеснулъ. Мы вздохнули вольтѣ.

Скоро они выспроизли сънова, напали на насъ по прежнему, и какъ прежде, не усноили подь мѣшкимъ огнемъ нашихъ ружей.

Такая робость враговъ ободрила насъ еще болѣе. Я даже имѣлъ любовышество посмотрѣть вокругъ себя на каршину нашего воинственнаго

табора. Большая часть работников, вооружась бывшими у них фузеями, усердно стреляла на ряду съ Козакми; но два или три добрые человека предпочли мирное положение подъ шелегами опасной храбрости защищаться. Братъ мой, не имѣя оружія, кромѣ козачьей пикн, стоялъ, опершись на нее, посреди табора. Поручикъ, съ длиннымъ пистолетомъ въ рукѣ, — съ пистолетомъ, у конюхаго, какъ послѣ оказалось, не было кремня — шумѣлъ, командовалъ, не смотря на то, что его вовсе не слушали. Моминъ, въ буйной запальчивости, не хотѣлъ оставаться подъ защитною возовъ. Онъ беспрестанно ругалъ Киргизцевъ, съ оспервененіемъ двороваго пса, дающаго на вора — и вѣчески старался подкраснѣть на ружейный выстрѣлъ къ нимъ изъ нихъ, конюхые, онѣдѣ-

лась опть общей шолны, развѣзжали
 позади ямы и въ глубинѣ оврага. Не-
 которые молодые Козаки и работ-
 ники послѣдовали его примѣру. Одинъ
 изъ нихъ шакъ перенугалъ киргиз-
 скаго батыря, неосторожно высу-
 нувшаго свой козпакъ изъ-за неболь-
 шаго пригорка, чпо шопъ, желая
 избѣгнушь высирѣла, поворошила ло-
 шадь свою, какъ говоринся, на двухъ
 заднихъ ногахъ — и сиремглавъ поле-
 шѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ нею. Но не
 прошло секунды, какъ мы увидѣли
 его преспокойно вдуцимъ на шой же
 лошади, съ концемъ передомившейся
 при паденіи пикки; и должно при-
 знаться, чпо въ такихъ случаяхъ
 Киргизцы очень похожи на пробоч-
 нныя куклы, которыми играють дѣши:
 какъ ихъ ни кинь, они все-таки
 очушятся на ногахъ!

Послѣ претвѣлаго нападенія, подобнаго первому, Киргизцы, казалось, опочалялись одержаніемъ надъ нами побѣду. Впрочемъ у нихъ явилась новость: знамя, или просто, персидскій бумажный платокъ, привѣщенный къ пикѣ. Мюннишь, всегда гошовый на шунки, называлъ киргизскаго знаменищика *портупей-прапорщикомъ* — и я не могъ не улыбнуться, слыша крикъ его: «*въ портупей-прапорщика сирѣдлите!*» сопровождаемый извншительными насмѣшками.

Но опасность еще не миновалась. Къ погамъ мою ушла сирѣда, а въ слѣдъ за нею — другая. Замѣшивъ это печально, я омонирѣлся и увидѣлъ еще нѣсколько сирѣдъ, вонзенныхъ въ землю вокругъ меня. Къ счастью никто не былъ ими раненъ, и онѣ возбуждали только ярость въ моихъ шоварицахъ.

Въ это время они полны Киргизцевъ оказалось нѣсколько человекъ, которые, приблизясь къ намъ, дабы однако жь ружейнаго выстрѣла, по-требовали переговоровъ. Мы отвѣчали, что намъ нѣтъ нужды заключать условія съ разбойниками. Не смотря на то, одинъ изъ нихъ, въ-роятно какой нибудь есенной Цицеронъ, хотѣлъ доказать намъ, что они не разбойники, что паѣхали на насъ печально, ошибивъ потерянныхъ лошадей, что имъ пріятно будетъ разсѣпаться съ нами дружески — и въ заключеніе, увѣщевалъ положить ружья и выйни къ киргизской шайкѣ, для взаимныхъ совѣщаній, угрожая въ противномъ случаѣ гнѣвомъ и мщеніемъ *батырей*. Все это, разумѣется, говорено было на языкѣ киргизскомъ, который многіе изъ насъ хорошо понимали. Поли-

тика и хипросень переговорщика, конторый предполагалъ въ насъ не болѣе разсудка, какъ въ маленькихъ дѣтияхъ, до крайности казались забавными. Орапоръ нашей стороны, Мошнинъ, ошвѣчалъ ему на длинную рѣчь жестокою бранью; потомъ, показывая видъ, что соглашается на его предложеніе, онъ спрянулъ ружье за спину и тихонько началъ подходить къ почтенному краснобаю, съ намѣреніемъ дать ему *последнее увѣщаніе* — *ultima ratio Мошнина*. Однакожь Ордынецъ, замѣнивъ хипросень, пуешнася, какъ изъ лука стрѣла, къ своей шайкѣ.

Вскорѣ послѣ того нѣсколько самыхъ бойкихъ наѣздниковъ, опдѣляясь опъ толпы, и какъ бы упрекая своихъ товарищей въ малодушіи, начали потихоньку приближаться къ нашему табору. Можно было догадаться,

что они хотѣли нанести на насъ быстро и неожиданно, такъ, что бы мы принуждены были бросить ружья, не сдѣлавъ по нимъ болѣе одного выстрѣла. Впереди всѣхъ ѣхалъ видный юноша. Онъ гордо приподнимался на сѣдлѣ и въ одной рукѣ держалъ длинное копье, а въ другой увѣсенную ай-балту. Уже, по видимому, онъ былъ готовъ, показывая пунь поварщикамъ, кинуться на нашъ шайбу, какъ въ то же самое мгновеніе Козакъ Колесниковъ нацѣлилъ на него длинное ружье свое.... выстрѣлъ раздавался, пуля зажужжала — и Ордынецъ тихо повалился съ коня.... Наши съ радостнымъ крикомъ кинулись впередъ.... Загремѣли ружья, Киргизцы смущались — и обратили намъ шылъ! Прощивъ обыкновенія, они не успѣли даже взять съ собою пашаго своего предводителя, ко-

пораго Мошнинъ поднащилъ за ногу къ шабору. Убишый Киргизецъ былъ молодецъ, красивъ и дороденъ. Пуля прошла у него сквозь обѣ щеки, но ниже висковъ. Козаки, по старой привычкѣ, не замедлили обернуть его до-нага, и примѣшивъ въ немъ нѣсколько признаковъ жизни, изъ сожалѣнія къ его страданіямъ, или вѣроянше по злобному чувству вражды, постыжили добнѣ несчастнаго собственною его скירוю.

Погибель поварища, а можетъ быть и самого начальника шайки, казалось, поразила ужасомъ всѣхъ Ордынцевъ. Еще нѣсколько времени одни изъ нихъ сносили въ молчаніи противъ нашего шабора, другіе ѣздили вокругъ него, осыпая насъ бранью, проклятіями и угрозами; но скоро все, шомпа за шомпою, обхвативъ оврагъ и яму, пошлянулось внизъ

по печеню рѣчки, такъ что въ ея впадинѣ мы видѣли одинъ только лѣсъ коней — и наконецъ ничего уже болѣе не видали.

Радость, объявшая насъ при отъѣздѣ Киргизцевъ, была радость людей, избѣгнувшихъ бѣдственной смерти. Козаки — и все вмѣстѣ съ ними — славя на колѣни, громко возблагодарили Всевышняго за свое чудное избавленіе. Никогда я самъ не бывалъ набожнѣе, не молился усерднѣе.

Послѣ молитвы, я и нѣкокорые изъ Козаковъ взвѣзжали на возвышенія и объѣхали пусную окрестность, чиня наблюданіе за удалившимися Киргизцами. Коварство ихъ было намъ довольно извѣстно: они могли скрыться въ засадѣ и выжиданіе другаго удобнаго случая къ нападенію. Впрочемъ, не успѣвъ еще оглядѣться, мы вовсе потеряли ихъ

изъ виду; а тамъ, гдѣ они были, нашли только слѣды конскихъ копытъ, двухъ убитыхъ лошадей, да нѣсколько снѣга.

Бѣда миновалась; но бывъ ею напуганы и справедливо опасаясь новыхъ нападеній, мы должны были рѣшить, что безопасно: провести ли намъ ночь въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились, спуститься ли въ долину далѣе по назначенному направленію, или обратиться къ Уралу, гдѣ ожидала насъ совершенная безопасность и до котораго, какъ намъ казалось, могли мы достигнуть прежде наступленія ночи? Последнее мнѣніе было принято большинствомъ голосовъ на нашемъ маленькомъ совѣтѣ.

И такъ, бросивъ на мѣстѣ мертваго Киргизца и множество кольевъ, какъ шажестъ, уже для насъ безо-

лезную; устроивъ изъ шелегъ родъ подвижнаго укрѣпленія или *каре*; отдѣливъ по два человека для авангарда и аррьергарда, а прочихъ свернуть въ колонну, съ гошовыми на всякой случай ружьями и коньями, двинулись мы (за помощію *Вожіею*, сказала бы князь Курбскій) въ походъ — и не встрѣшивъ непріятелей, достигли вечеромъ до небольшого полуострова, образуемаго теченіемъ рѣчки, гдѣ разсудили за благо провести ночь. Здѣсь мы съ большимъ наслажденіемъ ушолли свой голодь, не ѣвъ почти цѣлый день; отсюда жь послалъ я двухъ Козакобъ (шѣхъ самыхъ, которые спрусили) на Уралъ, съ извѣщеніемъ о появленіи Киргизцевъ внутри линіи.

Никогда не забуду я ночи, проведенной мною въ семь мѣсень. Опасаюсь новаго нападенія Ордынцевъ, я

не смыкалаъ глазъ — и до самаго разсвѣта сидѣла передъ шлюющимъ огонькомъ, разговаривая, подобно Оссиану, съ безмолвными мраками и наблюдая за разсѣявленными вокругъ нашего шабора часовыми. Тутъ получила я нѣкоторое понятіе о жизни ратника въ бурное военное время.

Говорить ли о томъ, какъ мы на другой день благополучно достигли Урала, какъ встрѣтились съ сонною Козаковъ, высланныхъ по распоряженію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернашора для преслѣдованія Киргизцевъ; какъ, наконецъ, сдѣлавъ большой крюкъ, прибыли въ Плецкую заштиту? — Все это имало не отношенія къ моему анекдоту; а потому, имѣя полное право написать здѣсь: *конецъ*, я прощу васъ, друзья, принять сіе описаніе пер-

выхъ и вѣроятно послѣднихъ ратныхъ подвиговъ вашего друга съ благосклонною улыбкой — и если вы найдете оное не совсѣмъ достойнымъ вниманія, то вините голую пещицу, которая водила перомъ моимъ.

А. Крюковъ.

ВСТУПЛЕНИЕ
БОЛЬШОЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ
НА ПОЗИЦІЮ
ПРИ С. ТАРУТИНѢ.

(Отрывокъ изъ Исторіи 1812 года.)

Армія совершила свое косвенное, дугообразное движеніе съ удивительнымъ искусствомъ, смѣю сказать — съ удивительною ловкостью. Перерѣзавъ большія дороги, ведущія отъ Москвы во внутренность Россіи и показывая

видъ, что опешунаешь по по шой, по по другой, осшановилась наконецъ она швердою ногою на средней Калужской дорогѣ за рѣкою Нарою, въ шомъ мѣснѣ, гдѣ владаетъ въ нее рѣчка Пешья, у Селенія Тарушина, принадлежавшаго Аншѣ Пикшишиѣ Нарышкиной. Тушъ, казлось, руское войско размежевалось съ Французами какимъ-шо полюбивымъ раздѣломъ и основалось на жншье. О двадцати-дневномъ походѣ онѣ Москвы до Тарушина много бы можно сказать; но это требуетъ особаго пошешенования. Подробности сего похода, крашкаго, но весьма некуснаго, обнаружатъ въ полной мѣрѣ главныя свойства предводншесн: шерблнвосншь, обдуманносншь и большую шпошкосншь въ исполненнш пошь видомъ шншмой безпечноснш. По сншь чершамъ кшо не узнаешъ вождя,

оспоривавшаго, въ теченіе цѣлаго, жестокаго дня, поле и побѣду у Наполеона при Бородинѣ? — О Князь Михайлъ Даріоновичъ Кутузовъ, первенствующемъ лицѣ въ сей битвѣ, можно сказать но, что одинъ изъ древнихъ сказаль о Зевсѣ, сражавшемся съ Титанами: «Разширивъ все свои грома, онъ опражалъ противниковъ шербінемъ.» Дѣйствишельно: за шрудный, дорого купленный перевѣсъ въ битвѣ Бородинской, обязаны мы рѣшишельному намѣренію, непременно успѣвать на мѣстѣ, и хладнокровной разпорядишельности Кутузова. Съ высокаго холма при деревнѣ Горкахъ, онъ, шакъ сказать, хозяйственнo разпоряжалъ шеченіемъ битвы, единственной въ шшоніяхъ военныхъ, несущаяся ни великими потерями, ни успешкою важнѣйшихъ мѣстъ на боевой линіи,

ни запальчивостію непріятелей, которые *цѣлыми войсками*, если шакъ можно выразишься, кидались къ извѣстнымъ цѣлямъ подь предводительствомъ лучшихъ генераловъ, снѣжавшихъ европейскую славу, и до тѣхъ поръ не оставляли своихъ предпріятій, часно немовѣрно-дерзкихъ, пока или вовсе были уничтожены, или достигали желаемого. — Незвѣстно: льша ли, омышность, или уже дарованіе природное доставили нашему Фельдмаршалу нѣ правительственныя преимущества, которыя шакъ важны, особливо въ рѣшительныхъ случаяхъ, въ лицѣ главнаго предводителя арміи.

Съ снѣмно запасомъ холодной разсудительности, но чрезвычайно-обдуманному разсчету, пришелъ Михайло Даріоновичъ на Тарутинскую позицію и подворился въ оной. Онь

принесъ съ собою и другое, часно
 нужное для полководца, искусство —
 показывать, будно все обдуманное
 и заранѣе предусмотрѣнное сдѣлалось
 само собою — *непарогно*, и будно
 для будущаго не приутоповлено еще
 никакихъ вѣрныхъ соображеній. —
 Сими введены были въ заблужденіе,
 кажется, не одни наши непріятели!
 И вошь причина, почему иногда
 слышалась сѣнованія: «Зачѣмъ осна-
 вили Москву?» — «Куда насъ ведутъ?
 Зачѣмъ колесимъ понапрасну? Къ че-
 му уступаемъ Россію?» и проч. и
 проч. Главнокомандующій, безъ со-
 мнѣнія, умѣлъ слышать все, можетъ
 быть, онъ принималъ многое и въ
 соображеніе, но ходъ дѣйствій не
 измѣнялся. Онъ зналъ и о томъ,
 что сужденія иногда касались и соб-
 ственно до его особы: «Видно онъ
 намѣренъ здѣсь зимовать!» говорили

нѣкоторые, частію и войско, почувствовавъ себя слабымъ послѣ значительнаго опдыха. « Чію онъ дѣлаетъ? . . . Сидишь съ своими приближенными, читаешь книги, шутишь, балагуришь, спишь . . . Нишь ни войны, ни мира; между нѣмъ къ непріятелямъ подходятъ новыя силы изъ Польши. Бездѣйствіе ободритъ ихъ, утомитъ насъ! Видно уже . . . »

Тутъ вишили преклонныя лѣна Фельд-маршала, его миную неподвижность, а болѣе всего разположеніе къ покою и беззаботности. Но, кажется, именно изъ сихъ шрехъ, несправедливо обвиняемыхъ, источникъ произошло то счастливое соединеніе дѣятельности неусыпавшій, часто ницательно скрываемой и предпримчивости неопрометчивой, которое такъ вѣрно разрѣшило важнѣйшіе случаи въ послѣдней половинѣ войны

* *

1812 года. Минимую наклоиностію къ бездѣйствию, Кушуровъ напоминаетъ намъ другаго великаго рускаго челоуѣка, К. Пошемкина, который, какъ извѣстно, никогда не бывалъ болѣе дѣлительнымъ, какъ иногда, когда казался ничего не дѣлающимъ. Но вечерамъ, однако жъ, когда обширное зарево разсвѣтало надъ берегами Нары и бесѣды вокругъ огней снаповиднѣе ошкровеніе, видами пресшарѣлаго, но бодрато еще генерала, рѣдко сопровождаемаго къмъ-либо изъ его свиты. Онъ одѣтъ былъ въ просной мундирный сюртукъ, съ ошкрытыми лацкенами, если погода дозволяла, и съ большими эполетамы. Шарфъ надѣвалъ онъ часно черезъ плечо, въ видѣ перевязи, по *Екатеринински*; иногда же опоясывался имъ по нынѣшнему и иногда късшии всѣли обыкновенно очень

низко. Голова его прикрыта была фуражкой, изъ-подъ которой мелькали сѣдины. Росту былъ онъ средняго, сложень крѣико; въ плечахъ широкъ; немного сунуловать и довольно шучень шѣломъ, но легокъ въ движеніяхъ, свѣжъ, еще крѣнокъ на сѣдлѣ, хопя нерѣдко Козакъ нарочно возилъ за нимъ скамеечку, на которую онъ опирался ногою, когда слѣзалъ съ лошади, или садился въ сѣдло. Этому, однако жъ, причиною были не лѣпа, не унадокъ спль; но болѣзненное состояніе ногъ. — Онъ ѣздилъ на маленькомъ бодромъ клепнерѣ, съ нагайкою въ правой рукѣ. Часто османавливался, сходилъ съ своей лошади, грѣся гдѣ нибудь у огня, залажа руки за спину; а когда разговаривалъ, поширалъ ими съ живоснію рука объ руку. Если не былъ погруженъ въ задумчивость,

то поглядывалъ на всѣ стороны, вслушивался въ разговоры солдатъ и оныя утѣжалъ, никого не безпокоя. Это былъ онъ, — нашъ Фельд-маршалъ, который, на этой же лошади, также въ фуражкѣ и съ нагайкою въ рукѣ, разнолагалъ приуготовленіями за день передъ великимъ днемъ Бородинскаго сраженія. Въ его просвѣщенной головѣ шался умъ, созрѣвшій въ шеченіи 70^{ти} лѣтъ; въ его умѣ была оныиность, постигшая всѣ тайны полиціической жизни; надъ нимъ парилъ тогда орелъ; на немъ былъ образъ Казанской Божіей Матери; кругомъ него 100,000 голо-совъ кричали: «*Ура!*»

Но пока наши войска, говоря военнымъ языкомъ, снягивающіеся на Тарутинскую позицію, перенесемъ въ Москву, бросимъ взглядъ на полевой, домашній бытъ новыхъ пось-

писателей нашей столицы. Желаю придерживаться описанія одного изъ лучшихъ французскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года.

Изъ Сенрвовскаго дворца, въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, Наполеонъ возвращался въ городъ, въ Кремль. — Его встрѣчали войска, не разбѣженныя по квартирамъ. По причинѣ опустыненія города и продолжавшихся пожаровъ, они жили за заснавой, въ шалашахъ или на бивакахъ. Здѣсь, невольно склоняюсь къ нѣкоторому опешупленію отъ снрогаго единства разсказа.

Война 1812 года, въ которой, косвенно или прямо, участвовали все народы просвѣщеннаго міра, представляеть различные примѣры перемѣненія лицъ и наименованій. Въ снвѣдѣ за Франціею, казалось, что, Неаполь, Германія и Польша пере-

песлець на большія дороги Россіи. Люди, копорыхъ колыбель освѣщала заревоь Эшны и огнями Везувія, копорые чинали великую судьбу Рима на древнихъ его развалинахъ и, наконецъ, нѣсколько болѣе намъ знакомые люди съ береговъ Вислы, Варны и Немана, шли конные и пѣшіе, и съ безконечными обозами плыули по московской столбовой дорогѣ, на копорой бородастый рускій извозчикъ, по сѣвѣннымъ сугробамъ минувшей зимы, привычно мчалъ сѣдока, окушаннаго въ шубу сибирскихъ медвѣдей, и въ заунывныхъ пѣсняхъ пашивалъ объ Онѣ и Волгѣ.

Въ одно время (это можно видѣть изъ нумеровыхъ походныхъ росписей — *изъ маршрутовъ*,) Герцогъ Экюльскій споялъ въ селѣ *Покровскомъ*. Сіе соединеніе именъ Экюля и села Покровскаго, сіе спранспивованіе на-

родовъ, сіе какъ бы перемѣщеніе мѣстъ, сближеніе отдаленностей, не остановитъ ли вниманія попомснва на этой эпохѣ какого-то всеобщаго смѣшенія языковъ? —

Но если въ походѣ, справедливѣе сказать, въ нашеснвн Французовъ вснрѣчасмъ смѣшеніе народовъ и лицъ, то, на ихъ подмосковныхъ бивакахъ, глазамъ нхъ Императора предснавилось еще большее смѣшеніе вещей. Снранныя и опнврашншельныя черны ярко и рѣзко оплнчались въ нестрой каршннѣ снхъ биваковъ. На грязной, осыплой землѣ, пылали походные огни, на разнонку которыхъ немилосердно разламывали дорогія издѣлія изъ краснаго дерева — образцы вкуса и роскоши. Туда же валяли рамы ошн оконъ, двери, панели и другія комнатныя украшенія съ богатою позолотой. — Подлѣ снхъ огней,

разведенных позолоченными дровами, толпились законптые, грязные, оборванные солдаты и офицеры, немногимъ отъ нихъ отличавшіеся. Некошорые, безъ чиновъ, неопрышно, разнолагались на пышныхъ диванахъ, одыныхъ шелкомъ; другіе сидѣли въ богатыхъ креслахъ, пока приходила очередь поддерживать пламя огней. Тушь, казалось, могущій случай издѣвался надъ условною цѣнностію вещей и копрала все, что приходъ, роскошь и властительная мода приучили считаться драгоценнымъ. Въ известной пѣсни о походѣ князя Игоря на Половцевъ есть одно мѣсто, гдѣ поэтъ говоритъ, что побѣдители могли послать гани паволоками и дорогими одеждами, опниными у неприятеля. Что-то подобное, только не въ такомъ пиническомъ смыслѣ, встрѣ-

чалось и здѣсь. У ногъ бивачныхъ французскихъ солдатъ брошены были драгоценныя шали, можетъ быть съ большимъ трудомъ вывезенныя изъ области Канемпрской, кошорую поэмы предешавляютъ очаровашельною; подѣвъ ихъ валялись сибирскія бѣлки и соболы; бобры, ловенные въ Камчанскѣ; цыбикки съ душистымъ кинайскимъ чаемъ; иконы и ушварь московскихъ церквей и золотая нарча перендекая. На серебряныхъ блюдахъ были кровавое конское мясо и жалкій разиворъ черной муки съ водою, перѣдко осыпанный бивачнымъ перломъ. Таково было странное смѣшеніе богатства, нищеты, святыни, роскоши — и грязи! —

Перенесемъ навстрѣчу къ нашему аріегарду. Посмотримъ на это защитное войско, кошорое, въ теченіе двадцати сутокъ, опъ Боров-

скаго перевоза до Калужской дороги, выказало до-нельзя и храбрость, свойственную Рускому, и искусство удивительное. Многие марши съ большею ловкостію были скрадены, другіе усилены и закрышы. Аріергардь переносился съ одной дороги на другую, заманивая непріятеля по вѣтмъ. Сколько разъ, при склоненіи дня къ вечеру, длинная линія козачьихъ друшниковъ мелькала на опушкѣ лѣса и огни свѣтились въ шуманѣ осенней ночи на одной дорогѣ, тогда, какъ войско аріергарда, дугообразнымъ переходомъ, переносилось ужé на другую, склоняясь все въ лѣво и широго направляя параллельное направление къ большой арміи, которая, со всею громадою обозовъ и артиллеріи, сама направлялась къ *неизвѣстной цѣли*. Это выраженіе помѣстилъ Князь М. А. Кузуповъ въ

донесеніи своемъ къ Государю. И по-
 пенши въ великомъ замыслѣ его и
 въ стратегическомъ исполненіи оного
 было нѣчто таинственное! — Вмѣстѣ
 съ утреннимъ шуманомъ исчезали огни
 и дропки Козаковъ, и непріятель,
 въ недоумѣніи, пускаясь на удачу,
 ощупью, отыскивалъ Рускихъ по шой
 дорогѣ, на кошорой ужѣ давно ихъ
 не было! Такимъ образомъ Францу-
 зы, противъ воли своей и противъ
 правилъ военной науки, кошорую
 (опданъ имъ справедливоспъ) они
 очень хорошо знали, дѣлали разсмы-
 сленное (эксценприческое) движеніе отъ
 Москвы (какъ средопочія), по всемъ
 большимъ и проселочнымъ дорогамъ,
 ведущимъ во внутръ Россіи, между
 нѣмъ какъ главная руская армія,
 сильная единствомъ, прикрытая не-
 проницаемою тайною и арьергар-
 домъ, иногда выказывавшимъ себя

и опять исчезавшимъ, спокойно совершалась но великое движеніе, чрезъ которое, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе достигала возможности угрожать главному пути сообщенія непріятельскаго — Можайской дорогѣ. —

Генералъ оный вифаншеринъ Михайло Андреевичъ Милорадовичъ начальствовалъ арьергардомъ большой российской арміи въ сіе незабвенное время. Онъ сподобился, чтобы, оставя на минушу все, занявшись описаніемъ только его — какъ военачальника и человека. Впрочемъ повѣствовательная нить о войнѣ 1812 года не прервется, если и обратимся исключительно къ одному изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ сей, шакъ сказать, великой тяжбѣ за право *быть* или *небыть*.

Въ 1811 году М. А. Милорадовичъ, послѣ блестящихъ успѣховъ въ

Валахін, (имѣя уже шагу съ над-
назью: « Спасшему Бухареста »)—
находился въ званіи Кіевского Воен-
наго Губернатора и жилъ въ Кіевѣ.—
Зимой 1811 годъ памятенъ Россіи по
своему необычайно злойному льду и
повсемѣстнымъ пожарамъ. Города по-
луденной Россіи горѣли, невѣдомо
оныхъ какихъ причинъ: Кіевъ напол-
ненъ былъ тревогою; шрелья часть
людей не спала по ночамъ; по всемъ
улицамъ ходили конные и пѣшіе до-
зоры, полицейскія команды и соб-
ственнаа чередовая служба гражданъ.
Ничего не помогало. Часто съ вечера
разносился слухъ (оныхъ кого? и какъ?
никто не вѣдалъ!), по которому
предсказывали часъ, мѣсто и время,
когда и гдѣ должно было ожидать
пожара, и предсказаніе никогда по-
чти не обманывало! — Спрашите
всѣхъ былъ извѣстный пожаръ на

Подоль. — Въ тѣсныхъ, изгибистыхъ улицахъ все горѣло. Но объ спорщи пылали зданія; подъ ногами шла изъ бревенчатого накатника мостовая; съ верьху сыпалась горячая зола и огарки, высоко взвиваемые крутымъ, порывистымъ вихремъ, можетъ быть, возбужденнымъ разрѣженіемъ воздуха отъ сильнаго развитія огня. И въ этой бурѣ свирѣляющаго пламени и дыма, на спаниномъ конѣ, съ обожженнымъ лицомъ, въ мундирѣ, покрытомъ звѣздами и орденскими знаками, въ шляпѣ съ высокимъ перомъ, которое не разъ загаралось, отличался одинъ человекъ: онъ все распоряжалъ, его все слушались. Это былъ Милорадовичъ! На другой день большая часть дворца, служившая помещеніемъ для Воснаго Губернатора и его штаба, ужё вмѣстала въ себя до пятидесяти бѣднѣйшихъ семействъ,

лишившихся послѣдняго пріюта въ пожарѣ. Ихъ кормили и одѣляли первыми пошребностями. Но слѣдую непринужденно развитію характера своего во всей его полнотѣ, Михайло Андреевичъ въ то же время давалъ балы и веселилъ цѣлый Кіевъ. Занятія его были слишкомъ разнообразны. — Часто въ одинъ и тотъ же день, онъ принималъ просишелей и мѣстныхъ, ончасни ему природнымъ нарѣчіемъ, разговаривалъ съ добродушными Малороссіянами, приходившими изъ дальнихъ селъ просить у него разправы; пономъ охотно и, такъ сказать, съ любовію, занимался разведеніемъ новаго сада, ѣздилъ верхомъ, заходилъ въ келью къ схимнику Вассіану и, въ вечеру, давалъ, въ полномъ смыслѣ, блестящій балъ, гдѣ часто бывалъ самъ первымъ въ мазуркѣ и всегда радуш-

нымъ угостили елемъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ госней. — Во время одного изъ такихъ баловъ, въ прекрасный лѣтній вечеръ, нѣсколько особъ, вышедшихъ на балконъ, замѣтили новое явленіе на небѣ. Это была извѣстная комета. Тутъ увидѣли ее въ первый разъ и мало по малу она дѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ. Возникли предчувствія, гаданія, предрекали войну.

Въ такомъ положеніи оставался Михайло Андреевичъ до 1812 года. Но 18 Июля сего года, въ слѣдствіе Высочайшаго Рескрипта, которымъ подчинена ему армія въ 55 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 14 конныхъ и пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ, былъ онъ уже въ Калугѣ и неуслыпно занимался образованіемъ запасной военной силы. Почти въ это же время, съ другой стороны, подъ стѣ-

нами Смоленска, сошлись две большія дѣйствующія арміи въ ночь самый день, когда, какъ говорится въ народѣ, льно сходился съ осенью: такъ замѣчаютъ одинъ изъ русскихъ описателей сей войны. Подходя къ Вязьмѣ, главнокомандующій Михайло Богдановичъ Барклай-де-Толли вызивалъ, нарочнымъ письмомъ, Милорадовича къ соучастію въ великомъ сраженіи, котораго тогда все ожидали. Подъ Бородинымъ былъ онъ уже дѣйствующимъ; подъ Москвою имѣлъ любопытные переговоры съ Мюратомъ, а по сдачѣ сей столицы велъ, какъ мы сказали, аріергардъ, следуя за движеніемъ большой арміи къ той цѣли, еще неразгаданной, которая извѣстна была только Кутузову.

Мы переходимъ къ 18 Сентября; ибо къ этому только времени, послѣ

**

Безпрерывныхъ заблужденій, продолжавшихся слишкомъ двѣ недѣли по занятіи Москвы, Французы едва успѣли отккрыть прямой слѣдъ нашей арміи, или, лучше сказать, нашего аріергарда, все еще не достигая цѣли направленія той и другаго. Въ этотъ день сильный непріятельскій авангардъ оставался въ какомъ-то бездѣйствіи, но подъ ружьемъ. Князь Поляповскій съ Поляками находился впереди сего авангарда.

Генералу Милорадовичу доложили о прибытіи парламеншера. Это былъ польскій рошменстръ; онъ привелъ походную повозку графа Алфреда Потоцкаго, взяшаго наканунѣ въ плѣнъ. Между шѣмъ польскіе фуражиры старались вкрадываться въ деревню, лежавшую вблизи передовыхъ нашихъ карауловъ, но никѣмъ не занятую. Замѣтя это, Милорадовичъ

сказала парламенту: «Вчера Поляки дрались очень хорошо! Храбрым людям надобно честь. Скажите вашим, что я позволяю им фуражировать в этой деревне и не прикажу их прогнать.» Польский офицер был в восхищеніи. Но въ самомъ дѣлѣ дозволено только то, въ чемъ почини нельзя было отказать; ибо аріергардъ нашъ, сражавшійся наканунѣ до двухъ часовъ ночи, самъ имѣлъ нужду въ отдохновеніи и не для чего было заводити драку за пустую деревню. Однако эпонъ пошупокъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе на Поляковъ. Они полюбили Милорадовича и, въ послѣдствіи, при занятіи Варшавы, онъ собралъ плоды сего рыцарскаго великодушія къ неприязнелю.

Федоръ Глинка.

К И К И М О Р А.

(*Разсказъ рускаго крестьянина на
большой дорогѣ.*)

— «Вопшь видите ли, батюшка баринь, было шому давно, я еще бѣгиваль босикомъ, да играль въ бабки.... А сказашь правду, я былъ масхерь играть: бывало, что на кону ни споншь, всё какъ рукой сниму....

— «Ты безпрестанно отбиваешься отъ своего разсказа, любезный Оадей! Держись одного, не принужды-

вай ничего сторонняго, или, чтобы шебъ было понятнѣе: правъ по большой дорогѣ, не сворачивай на сторону и не рѣжь колесами новой шропы по цѣлку и паничѣ.

— « Винованъ, батюшка баринъ!... Ну дружнѣй, голубчики, съ горки на горку: баринъ даснъ на водку.... Да о чемъ бншь мы говорили, батюшка баринъ? »

— « Вошь уже добрые полчаса, какъ ны мнѣ обѣщаешь что-шо разеказанъ о *Кикиморѣ*, а до сихъ поръ мы еще не дошли до дѣла. »

— « Воиешину такъ, батюшка баринъ; самъ вижу, что мой грѣхъ. Позволь же слушанъ, милостивецъ! »

« Какъ я молвилъ глупое мое слово вашей милости, въ шѣ поры былъ я еще мальчишкой, не больно великъ, годовъ о двѣнадцати. Жилъ тогда въ нашемъ селѣ старый креспянинъ,

Поикрашъ Паппелеевъ, съ женою, по же старухою, Марѳою Емельяновою. Жили они, какъ у Бога за печкой, всего было довольно: лошадей, коровъ и овецъ — видимо-невидимо; а разной рухляди да богателли и съ соромъ не выменешь. Дворъ у нихъ былъ какъ городъ: двѣ избы со свѣшелками на улицу, а клѣшей, амбаровъ и хлѣбныхъ закрововъ ешолько, что ешало бы на обывашелей цѣлаго приселка. И по правда, что у нихъ своя семья была большая: двое сыновей, да шрое внуковъ женаныхъ, да двое внуковъ подростковъ, да маленькая внучка, любимица бабушки, которая се пѣжила, холмла да деляла, шакъ что и сню-пороху не дастъ, бывало, пашть на нее. Все шло имъ въ руку; а все крешьяне въ селеніи готовы были за нихъ положишь любой перешть на

угодья, что ни за стариками, ни за молодыми никакого худа не вживалось. Вся семья была добрая и къ Богу прибѣжная, хаживала въ церковь Божию, говѣла по дважды въ годъ, работала, что называется, изъ всѣхъ жилъ, надѣяла нищую братію и помогала въ нуждѣ сосѣдямъ. Сами хозяева дивились своей удачѣ, и благодарили Госнода Бога за его Божье милосердіе.

«Надобно вамъ сказать, баринъ, что хоня они и прежде были людьми зажиточными, только не всегда имъ была такая удача, какъ въ шу пору; а та пора началась отъ рожденія внучки, любимицы бабушкиной. Внучка эта, маленькая Варя, спала всегда съ старою Марѳой, въ особой свѣщелѣ. Вошь когда Варя исполнилось семь лѣтъ, бабушка стала замѣчать диковинку невиданную:

съ вечера, бывало, уложить ребенка спать, какъ малюшка уманшея играя, съ разпущенными волосами, съ запыленнымъ лицомъ; поуиру, сшаруха посмотришь — лице у Вари чешешонько, бѣло и румяно, какъ кровь съ молокомъ, волосы причесаны и приглажены, нѣда доскъ ошь нихъ, словно шеплымъ квасомъ смочены; сорочка вымыта бѣлымъ-бѣло, а перина и изголовье взбиты, какъ лебѣжій пухъ. Дивилась сшаруки шакому чуду, и между собою нишкомъ толковали, что шупъ-де что-шо не гладко. Передъ шѣмъ еще, сшаруха не разъ слышала по почамъ, какъ вертнпшея верешено и нишка жужжишь въ пошемкахъ; а уиромъ, бывало, посмотришь — у нея пряжи прибавилось вдвое противъ вчерашняго. Вошь и сшали они подмѣчать: за-сѣшпашъ, бывало, почникъ съ вечера

и сговоряшя цѣлою семьею сидѣшь у поснелн Варинной всю ночь на пролешъ.... Не шумъ-то было! не за-долго до первыхъ пшуховъ, сонъ ихъ одолѣешь и все уснушь, кшо гдѣ ендѣль; а пошпру, бывало, смѣхъ поглядѣшь на нихъ: иной храпшть, ущемя носъ между колѣнами; другой хонгѣль почесашъ у себя за ухомъ, да шакъ и закачался сонный, а палець и ходишь взадъ и впередъ по воздуху, словно маяшникъ въ боль-шихъ барекныхъ часахъ; шреншй зв-нуль до ушей, когда нашла на него дрема, не закрыль еще рта — и за-коченѣль со сна; чешвершый, раз-качавшнень, уналь подъ лавку, да шамъ и проспалъ до пробуду. А въ шѣ часы, какъ они спали, холенье и убранье Вари шло своимъ чере-домъ: къ ушпру, она была обшнпа

и обмыта, причесана и приглажена, какъ куколка.

« Стала допытываться опъ самой Вари, не видала ли она чего по ночамъ? — Однако жъ Вари божилась, что спала каждую ночь безъ просыпу; а шольке чудилась ей во снѣ, что сады съ золотыми яблочками, что заморекія пшички съ разноцвѣтными перышками, кошорья ошанвалась радугой, что большія свѣпьяла палашы съ разными диковинками, кошорья горѣли какъ жаръ и ошговсюду сышали искры. Днемъ же Варюша видала, когда ей доводилось быть одной въ большой избѣ, что подлѣ свѣпелки — превеликую и прешошшую кошку, крупнѣ самаго ражаго барана, сърую, съ мѣлкими бѣлыми крапинами, съ большою уродливою головою, съ яркими глазами, кошорые свѣпшались, какъ уголья, съ ко-

роткими полетными ушами и съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, кошорый какъ плешь обвивался трижды вокругъ туловища. Кошка эша, по словамъ Варюни, безембно сидла за печкой, въ большой пещуръ, и когда Варъ случалось проходить мимо ея, шо кошка умильно на нее поглядывала, поводила усами, скалила зубы, помахивала хвостомъ около шеи и пропягивала къ девочкѣ длинную, мохнатую свою лапу съ страшными желзными когнями, которые какъ серны высовывались изъ-подъ пальцевъ. Малютка Варя признавалась, что не смотря на величину и уродливостъ эшой кошки, она вовсе не боялась ея и сама иногда пропягивала къ ней рученку и брала ее за лапу, кошорая, сдавалось Варрѣ, была холодна, какъ ледь.

и обмыта, причесана и приглажена, какъ куколка.

« Стали допытываться оцъ самой Варя, не видала ли она чего по ночамъ? — Однако жь Варя божилась, что спала каждую ночь безъ просыпу; а шолько чудилась ей во снѣ, по сады съ золотыми яблочками, по заморскія пшички съ разноцвѣтными перышками, копорья опливалась радугой, по большія свѣтлыя палаты съ разными диковинками, копорья горѣли какъ жаръ и оноевсюду сыпали искры. Днемъ же Варюша видала, когда ей доводилось быть одной въ большой избѣ, что подлѣ свѣтелки — превеликую и прешолстную кошку, крупнѣе самаго ражаго барана, съ рую, съ мѣкими бѣлыми крапинами, съ большою уродливою головою, съ яркими глазами, копорые свѣщались, какъ уголья, съ ко-

ропкими шолесными ушами и съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который какъ плеть обвивался шрижды вокругъ пуловница. Кошка эша, по словамъ Варюши, безсмынно сидела за печкой, въ большой печурѣ, и когда Варя случалось проходить мимо ея, то кошка умилно на нее поглядывала, поводила усами, скалила зубы, помахивала хвостомъ около шеи и просягивала къ девочкѣ длинную, мохнатую свою лапу съ страшными желѣзными когтями, которые какъ серпы высывались изъ-подъ пальцевъ. Малышка Варя признавалась, что не смотря на величину и уродливостъ эшой кошки, она вовсе не боялась ея и сама иногда просягивала къ ней рученку и брала ее за лапу, которая, здавалось Варѣ, была холодна, какъ ледь.

• Спарики ахнули и смекнули дѣломъ, что у нихъ въ домѣ поселилась Кикимора; и хотя не видѣли они нея никакого зла, а все только доброе, однако же, какъ люди набожные, не хотѣли шерить у себя въ дому никакой нечисти. У насъ былъ тогда въ деревнѣ священникъ, отецъ Савелій, вѣчная ему память! Нечего сказать, хорошій былъ человекъ: исправлялъ все шребы, какъ нельзя лучше, и никогда не шребовалъ за нихъ лишняго, а еще и своимъ готомъ былъ послушненься, когда видѣлъ кого при недоспашкахъ; каждое воскресенье и каждый праздникъ, просто и внятно говаривалъ онъ проповѣди и научалъ прихожанъ своихъ, какъ бытъ добрыми Христіанами, хорошими домоводцами, исправно плашить подати Государю и оброкъ помѣщику; самъ онъ былъ

человѣкъ презвенный, и крестьянѣ уговаривалъ опиходить подальше опъ кабака, словно опъ огня. Одно въ немъ было худо: человѣкъ опъ былъ ученый, зналъ много, и все шолковалъ по-своему.

— «А разве крестьяне ему не вѣрили?»

— «Ну, вѣрили, да не во всемъ, баюшка баринъ. Бывало разскажутъ ему, что вѣдьма въ бѣломъ саванѣ доить коровъ въ такомъ-шо домѣ, что тамъ-шо видѣли оборотня, который прикинулся волкомъ, либо собакой; что въ такой-шо дворъ, къ молодницѣ, летася по ночамъ огненный змѣй; а баюшка Савелій бывало и смѣется, и учить шолковать, что огненный змѣй — не змѣй, а... не припомню, какъ опъ величалъ его: что-шо похоже на *мухаморъ*; что это-де воздушные огни, а не сна

печешая; напрошивъ-де того, эши огни очищаютъ воздухъ: ну, словомъ, разныя шакія зашвы, что и въ голову не лезеть. Эшо и взорветь прихожанъ; они и швердять между собою: банька-де нашъ онъ ученя ума рехнулся.

— « Глуны же были ваши крестьяне, другъ Фаддей!

— « Было всяково, милосердый господинь: умъ на умъ не приходить; были между ними и глуныя люди, были и себъ на умъ. Вся же они держались старой поговорки: опцы-де наши не глуные насъ были, когда этому вѣрили и намъ передали свою старую вѣру.

— « Вижу, что благомыслящій священникъ не скоро еще вобьешъ вамъ въ голову, чему вѣришь, и чему не вѣришь. Объ эпомъ надобно бѣ было толковать сельскимъ ребятамъ

съ пѣхъ дѣтъ, когда у нихъ еще молодого на губахъ не обсохло; а старымъ бабамъ запрешши, чтобъ онѣ не разсѣвали въ народѣ вздорныхъ и вредныхъ суетврій.

— « Какъ вашей милости угодно, » проворчалъ Ѡаддей и молча началъ попрогивать вождами.

— « Что жъ ты замолчалъ? » разсказывай дальше,

— « Да, можетъ быть, мои прошения рѣчи не подыскашь вашей милости, и у васъ онѣ никуда, какъ говориться, уши вынуть? . . . . Мы, крещенные, всегда съпросна соврѣмь что-нибудь такое, что барамъ придется не по нушу.

— « И, полно, пріятель: видишь, я себя охотно слушаю, и ты славно разсказываешь. Не ужели ты добрую волю ошесунуешься онѣ гри-

венника на водку, кошорый я шебе
объщамъ?

— « Ишь бышь по вашему, батюш-
ка баринъ, » промовилъ Фаддей, ве-
селые и бодръ прежнего. « Вошь ви-
дше ли, шарники и взмолились он-
цу Савелью, чшобъ онъ ошмолилъ
домъ ихъ онъ Кикимору.. А ошецъ
Савелій и давай ихъ журить: шол-
ковалъ ихъ, чшо и шарникамъ, и
дѣвочкѣ, и всей семьѣ шолько мере-
щилось шо, чему они, будно бы, съ
дуру вѣрили; чшо Кикиморъ ишь и
не бывало на свѣтѣ; и чшо ить поны,
кошорые изъ своей корысти пошвор-
ешвуюшъ бабынъ сказкамъ и народ-
нымъ повѣрьямъ, шяжко грѣшашъ пе-
редъ Богомъ и недостоины сана свя-
щенническаго. Шарники, повѣся носъ,
побредли онъ священника, и не мо-
гли ума приложитъ, какъ бы имъ
выжитъ онъ себя Кикимору,

« Въ селеніи у насъ былъ тогда управитель, не вѣдаю, Нѣмецъ или Французъ, изъ Мишавы. Звали его по имени и по отчеству *Вотъ-онъ* Ивановичъ, а прозвища его и вовсе пересказать не умѣю. Земекій нашъ, Елисей, чинъ былъ тогда на коншоръ, въ барскомъ домѣ, называлъ еще его *господинъ фонъ-баронъ*. Этотъ *фонъ-баронъ* былъ великой балагуръ: когда, бываю, ондыхаемъ послѣ работы на барщинѣ, то онъ и пустился въ розказни: о заморскихъ людяхъ, роспомъ съ локонъ, на козьихъ ножкахъ, о заколдованныхъ башняхъ, о меривецахъ, кошорые бродяшь въ нихъ по почамъ безъ головъ, свѣтять глазами, щелкають зубами и свѣсномъ пугають прохожихъ; о жаръ-илицѣ, о большихъ морскихъ ракахъ, у кошорыхъ каждая клешня по полу-вершѣ длиною и кошорыхъ

* *

онъ самъ видалъ на краю свѣта, . . .
 Да мало ли чего онъ намъ разсказы-
 валь: всего не складешь и въ при-
 кораба. Говорилъ онъ по-русски не
 больно хорошо: много въ рѣчахъ его,
 хоть лобъ взрѣжь, никакъ не выра-
 зумѣшь; а начнень бывало разска-
 зываешь — такъ и слышишь рѣчами:
 нида уши развѣшишь и о работѣ за-
 будешь; да онъ и самъ, на шонъ
 разъ, не скоро бывало о ней вспо-
 мнишь. Кресняне были той вѣры,
 что у *Вотъ-онъ* Ивановича было много
 въ носу; что до меня, я ничего не
 замѣнилъ, кромѣ шабаку, который
 онъ большими напойками набивалъ
 себѣ въ носъ изъ ешарой, законнѣ-
 лой шаваники. Онъ, правда, выду-
 мывалъ на барскомъ дворѣ какія-то
 машины для посѣва и для молошбы
 хлѣба; только молотильня его чужь
 было самому ему не размолотила

головы, и сколько ни билась надъ нею челоуѣкъ двѣнадцать — ни одного снопа не могли околотить; а сѣльная машина на одной бороздѣ высѣяла столько, сколько на цѣлую десятину въ нее было засыпано. Однако же крестьяне все по прежнему думали, что въ немъ сидитъ бѣсовщина, и что его не достанешь только на пушное дѣло. Къ нему-по на воскресной мирской сходѣ, присовѣновали старому Панкрану пойти съ поклономъ и просьбою, чинобъ онъ избавилъ его домъ отъ вражьяго наважденія.

• Паншелець съ старухою пустился въ барской дворъ, гдѣ жилъ тогда *Вотъ-онъ* Ивановичъ, и принесли ему, какъ водится, на поклонъ барашка въ бумажкѣ, да шого-сего прочаго, примѣромъ сказашъ, рублей десятичка на два. Нашъ иностранецъ было

и зазнался: « сошна рублиофъ, менши ни копейка. » Наенду усовѣстили его взять за труды бленькую, и по еще, ондай ему деньги впередъ. Да велѣлъ онъ шарикамъ купити при бушляки краснаго вина: его-де Климоры боаша; да шиофъ рому и голову сахару, опрыскивань и окуривань избу съ наговоромъ. Нечего было дѣлань; шарикъ отправилъ самаго проворнаго изъ своихъ внуковъ на дикой тройкѣ за покунками, и къ вечеру, какъ шушь, все явилось. Пошли съ докладомъ къ *Вотъ-онъ* Ивановичу, онъ и приплелся въ домъ къ Панкрату, весь въ черномъ. Сперва началъ опведывань вино, велѣлъ согрѣнь воды, онкололъ большой кусоць сахару, положилъ въ кияшокъ и долилъ ромомъ; и эшо все онъ опведывалъ, чиошь узнань, годяшея ли снадобья для нащепыванья.

Вонь, какъ вышла онъ бушылку винограднаго, да осушила цѣлую чашку разивору изъ рому съ сахаромъ, — и разобрала его колдовская сила. Какъ началъ онъ пѣть, какъ началъ кричать на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ, — ну, хонь свинныхъ вонь неси! велѣлъ подати чешыре сковороды съ горячими угольями, всыпалъ въ каждую по щепоткѣ мѣлкаго сахару и разсѣпалъ по всемъ чешыремъ углямъ; послѣ того, шепталъ что-то надъ бушылками и шипофомъ, взялъ флашокъ рому въ ротъ, пустился бѣгать по избѣ, да прыскалъ на свины, ломанься да коверканься, кричань изъ всей силы, нида у всѣхъ волосы дыбомъ спади. Такъ онъ принимался до шрехъ разъ; послѣ сказалъ, что всѣ нащепаннныя снадобья должно вынести изъ дому въ новой сканшерин, и никогда ничего этого

не вносишь снова въ домъ; что съ ними-де вынесенъ изъ дому Кикимора; велѣлъ поданъ скаперть, положилъ въ нее бутылки, шифофъ и сахаръ, поздравилъ хозяевъ съ избавленемъ отъ Кикиморы, и понесъ скаперть съ собою, шагая съ боку на бокъ, надобно думать, отъ успалости.

— «Что же, Кикимора больше не осшавалась въ домъ Панкрановомъ?»

— «Вонъ что-то и бѣда, сударь, что вышло на оборотъ. Видно, что колдовство нашего фонъ-барона было не въ добрый часъ, или отъ кудесникъ только курамъ на смѣхъ, или просило, хотѣлъ надуть добрыхъ людей и полакомиться на чужой счетъ; только вышло, какъ я вамъ сказала, на оборотъ. Доселъ Кикимора дѣлала только добро: хранила ребенка и прятала на хозяйку,

никто ее заплѣтъ ни видадь, ни слы- халъ; а съ энихъ поръ, видно ее раздразили шенпаньемъ да колдов- ствомъ: она спала по ночамъ дѣлать всякія проказы. То вдругъ загремишь и запрещишь на пошолкъ, словно вся изба рушится; шо въ пошьмахъ подкашнися клубомъ кому-либо изъ семьянъ подъ ноги и собьенъ его, какъ овсяный снопъ; шо, когда всѣ уснутъ, ходишь по избѣ, урчишь, ревенъ и сонешъ, какъ медвѣженокъ; шо середь ночи, запрыгаешь по полу свивими огоньками.... Словомъ: что ночь, шо новыя проказы, шо новый испугъ для семьи. Одну полько ма- ленькую Варю она и не шрогала; и шу перестала обмывать и чесать, а часно на развѣнѣ находили, что ребенокъ спалъ головою внизъ, а но- гами на подушкахъ.

« Такъ билась бѣдная семья круглый годъ. Въ одинъ день пришла къ нимъ въ домъ старушка нищая, вся въ лахмощьяхъ, и лице у нея ежалося и сморщилось, словно сушеная груша или прошлогоднее яблоко отъ морозу. Тетка Емельяновна, какъ вы уже слышали, сударь, была старуха добрая и любила надѣлать нищую бранню. Посадила она Божью старанницу за столъ, накормила, напоила, дала ей денегъ алтынъ пять и надѣла ея плашынкомъ. Вошь нищая и начала молить Бога за всю семью; а послѣ молвила: « Вижу, православные Христіяне, что Господь Богъ наградилъ васъ Своею милосердіемъ: домъ у васъ, какъ полная чаша; только не все у васъ въ дому здорово. » — « Охъ! такъ-то нездорово, что и не приведи Богъ! » ошвѣчала шенка Марѳа. « Посадили

къ намъ, знаешь недобрые люди изъ
зависши, оказавшую Кикимору; она
у насъ по почамъ все вверхъ дномъ
и ворочаешь. » — « Этому горю мож-
но помочь; у васъ не безъ стара-
шелей. Молитесь только Богу, да
сдѣлайте то, что я вамъ скажу:
все, какъ рукою снимешь. » — « Ма-
шутка ны наша родная! » взмоли-
лась ей Емельяновна: « чѣмъ хочешь,
послужимся, лишь бы эту печаль
выжми изъ дому. » — « Слушайте жь,
добрые люди! Сего дня у насъ вос-
кресенье. Въ среду на этой недѣль,
равно въ полдень, запрягите вы
дровни.... Да, дровни; не думи-
тесь тому, что нынче лѣто; эно-
му шакъ бышь надобно.... Запря-
тите вы дровни, чешомъ, да не па-
рой.... » — « Какъ же эному можно
бышь, бабушка? » спросилъ середній
внукъ Панкратовъ, молодой парень

дѣшь семнадцати, и къ слову ска-
 зать, большой зубоскаль: « вѣдь что
 чень, чю пара — все равно! » —
 « Великъ, парень, вырось, да ума
 не вынесь, » ошвѣчада ему старуха
 пищая: « не дашь домолвишь, а сло-
 ва власно съ дуба рвешь. Вошь
 какъ люди запрягають чешомъ, да
 не парой: въ корень вирагушь ло-
 шадь, а на присеяжку корову, или
 на оборонь; корову въ корень, а
 лошадь на присеяжку. Сдѣлайте же
 такъ, какъ и вамъ говорю, и под-
 везите дровни влошь къ сѣнямъ;
 расшепните на дровняхъ шубу шер-
 сную вверхъ. Возмите спарую мешку,
 мешите ея въ избѣ, въ свѣтлицѣ,
 въ сѣняхъ, на пошолкѣ подъ крышей,
 и приговаривайте до трехъ разъ:
 « Честень домъ, свянные углы! ош-
 « мешайтесе вы ошъ лежающаго, ошъ
 « плавающаго, ошъ ходящаго, ошъ

« ползущаго, онъ всякаго врага, во дни и въ ночи, во всякой часъ, во всякое время, на безконечныя дѣна, онъ нынѣ и до вѣка. Вошь, окаянный! » Да прижды перебросьте горель земли чрезъ плечо изъ себя къ дровнямъ, да прижды смяните; послѣ того сvezните дровни эшою жь самую упряжью въ лѣсъ и оставьте шамъ и дровни, и шубу: увидите, что съ эшой поры вашего врага и въ поминъ больше не будетъ. » — Сшарики поблагодарили шцу, надѣлали ее вдесятеро больше прежняго и ощутили съ Богомъ.

« Въ эши шрое супокъ, онъ воскресенья до среды, Кикимора, видно почуявъ, что ей не ужинься дольше въ шомъ домъ, шала и проказила пуще прежняго. То посуду шолакнешь съ шолокъ, шо навалился

на кого въ печи и давить, но дани
 ши все соберешь въ кучу и приде-
 шешь ихъ одинъ къ другимъ бичевками
 такъ плотно, что ихъ самъ бѣсъ не
 разгнусаешь; но хлѣбное зерно не-
 ретаскаешь изъ сушила на ледникъ,
 а ледъ изъ ледника на сушило. Въ
 послѣдній день и шого хуже: цѣлое
 утро даже не было никому покою.
 Весь домашній скарбъ былъ перево-
 роченъ вверхъ дномъ и во всемъ до-
 мѣ не осталось ни кринки, ни кув-
 шина неразбитаго. Спрашите же
 всего было вошь что: вдругъ уви-
 дѣли, что маленькая Варя, которая
 играла на дворѣ, — осановилась
 среди двора, размахнувъ рученками,
 смотрѣла долго на кровлю, какъ буд-
 но бы шамъ кино манила ее, и, не
 спуская глазъ съ кровли, бросилась
 къ стѣнѣ, начала карабкашья на нее,
 какъ кошенокъ, взобралась на самый

гребень кровли и сжала сложа ручки, словно къ смерти приговоренная. У всей семьи опустились руки; всё, не сморгивая, смотрѣли на мамонку, когда она, поднявъ глаза къ небу, стояла какъ вкопанная, на самой верхушкѣ, блѣдная, какъ полошшо, и духу не переводила. Судите же, башонка баринь, какво было ей роднымъ видѣнь, что мамонка Варя вдругъ свергла голову полешла съ крыши, какъ будто бы кино изъ пушки ею высстрѣлала! Всё бросилась къ мамонкѣ; въ ней не было ни дыханія, ни жизни; пѣло было холодно какъ ледъ и закоснѣло; ни кровинки въ лицѣ и во всемъ соснавамъ; а никакого пятна или ушиба замѣнно не было. Спаруха бабушка съ всемъ понесла ее въ избу и положила подъ Святыми; отецъ и мать такъ и билась надъ

нею; а старикъ Панкратъ, погоревавъ малую-толику, топчась хвашился за умъ, чшобъ имъ долъ не пертыть ошъ дьявольскаго наважде-нiя. Велѣлъ внукамъ поскорѣ запряганъ дровни, какъ имъ заказывала нищя, и подвезни къ снiямъ; а самъ пригошовилъ все, какъ было велѣно, и ждалъ назначеннаго часа. На старика и внуковъ его, бывшихъ тогда на дворъ, сынались черенья, иверни кирпичей и мѣкiе каменья; а женщины въ избѣ безпресшанно пугалъ шо ревѣ, шо гуль, шо вой, шо страшное урчанье и мяуканье, словно со всего свѣта кошки сбѣжалась подь одну крышу. То пошолокъ начиналъ дрожанье: шакъ и перебирало всѣми половицами, и сквозь нихъ на голову сыяло пеекомъ и золою. Всѣ бабы, лѣпясь одна къ другой, скались около шѣла маленькой Вари,

и духъ приехали. Такъ прошло, не
вѣдаю, сколько часовъ. Вонь на бар-
скомъ дворѣ зазвонили въ колоколь.
Это бывало всегда ровно въ полдень,
когда садовыхъ работниковъ сзывали
къ обѣду. Панпеленчъ опрометью ки-
нулся въ избу, схватилъ мещу и да-
вай вымешать, да швердишь заго-
воръ, которому нищая его научила.
Проказы унялись; только мяуканье,
и фырканье, и дѣтскій плачь, и ба-
бій вой, раздавались по всемъ угламъ.
Скоро и этого не стало слышно:
объ избы, свѣшанцы, пополки и сѣ-
ви были вымешены; старикъ трижды
бросилъ черезъ плечо землю горяча-
ми, трижды плюнулъ и велѣлъ дво-
имъ внукамъ взять лошадь и корову
подъ уздцы, да весни ихъ съ дров-
нями со двора, вонь изъ деревни,
черезъ выгонъ и къ мѣсу. На дворѣ
и по улицѣ стояли крестьяне

цѣлой деревни, всё, отъ мала до велика, и провожали Кикимору до самаго лѣса....

— « И ты была шупь же? »

— « Какъ не быть, бапюшка ба-ринь. И теперь помню, что меня въ жаркую пору такой холодъ про-цѣлъ со страху, что зубъ на зубъ не понадавъ; а за ушами такъ и жало, словно кто снягиваваъ у меня кожу со всей головы. »

— « Да видѣлъ ли ты Кикимору? »

— « Быть, грѣхъ сказаиъ, не ви-далъ. Видѣлъ только дровни, а на нихъ шулуиъ, овчиной вверху; боль-ше ничего. »

— « Кто жъ ее видѣлъ? »

— « Да, Богъ вѣсь! Сказывала мнѣ, правда, шепка Афимья, спу-стя послѣ шого годовъ съ десятокъ, будио она слышала отъ сосѣдки, а та отъ своей золовки, что была

у насъ тогда въ селѣ одна спаруха, про кошорую шла слава, что она чороковала колдовствомъ и часно видала то, чего другіе не видѣли; и что эша-де спаруха видѣла на дровняхъ большую-пребольшую сѣрую кошку съ бѣлыми крапинами; что кошка эша сидѣла на шулунѣ, сложа все чепыре лапы вмѣстѣ и оцепиня шерень, сверкала глазами и спрашно скадила зубы во все спороны. — Какъ бы то ни было, шолько съ сей поры ни въ Панкрановомъ домѣ, ни въ цѣлой деревнѣ, и слыхомъ не слышали больше про Кикимору.

— « Радуюсь и поздравляю вашу деревню . . . . А что жъ было съ малюпкою Варей? »

— « Бѣдняжка все лежала какъ мершвая. Спарики и вся семья пошлакали надъ нею и хотѣли ее похоронить. Позвали ошца Савелья. Онъ посмо-

**

шрѣль на шрѣло и сказала, что ма-
 лонкѣ сдѣлаея младенческій прина-
 докъ, словно онъ пенугу, и ни за-
 чно не хощеть ее хоронить до шрехъ
 сунюкъ. Черезъ три дня, въ воскре-
 сенье, та же сшарушка нищая по-
 ешучалась у окна въ Панкратовомъ
 домѣ; ее вшусшиди. Емельяновна раз-
 сказала ей всю подноготшную и по-
 вела ее въ свѣщницу, гдѣ лежало
 шрѣло Варюши. Нищая велѣда его пе-
 редложить со сшода на лавку, по-
 сшавила икону подѣть изголовья, за-
 шендила свѣчку, сѣла сама у изго-
 ловья, положила голову ребенка къ
 себѣ на колѣни и обхватила ее объ-
 ими руками. После шого, высела
 она всю семью изъ свѣщницы, и даже
 вошь изъ избы. Чшо она дѣлала надъ
 ребенкомъ, она только сама знаетъ;
 а черезъ шѣсколько часовъ, Варя
 очнулась, какъ вшпрепанная, и къ

вечеру играла уже съ другими дѣньми на улицѣ.

— « Пу, что же далѣе? »

— « Да больше ничего, сударь. Все пошло съ шѣхъ поръ по добру, по здорову. »

— « Благодарствую, другъ мой, за сказку: она очень забавна. »

— « Гмъ! какая вамъ, сударь, сказка; а бѣдной-шо семьѣ вовсе было не забавно во время этой переряги. »

— « Но послушай, пріятели: вѣдь ты самъ не видалъ Кикиморы? »

— « Нѣтъ. Я ужъ объ этомъ докладывалъ вашей милости. »

— « И Пѣטרъ, и Яковъ, и все крестьяне вашей деревни, но же ея не видали? »

— « Вѣшимо, такъ! »

— « Что же рассказывать о ней самъ старикъ Цанкрашъ? »

— « Ничего, до гробовой доски. Еще бывало и осердишь снарый хрипъ, какъ поведунъ эномъ слово, и векниеня съ брань «взоръ-де вы, ребяна, меле только на мой домъ позоръ клаше!» И дѣтямъ и внукамъ видно казать объ эномъ говоришь: ни с кого изъ нихъ, бывало, не добьеш толку. . . . Такъ она, прокляшая, пугала снарика.

— « Такъ я шебъ объясню все дѣлушай. Снарый бабы, или завидники Панкрашовы, взвели на дѣго небылицу, пошому, что на сего нельзя было выдумашь какой-а клеветы. Эту небылицу разнесли по всей деревнѣ; вамъ показалшо, чего вы на самомъ дѣлѣ не дѣли, а повѣрили чужимъ слова Молва эша удержалась у васъ въ ленин; снарухи твердишь се мал

ребятамъ, и такимъ образомъ она переходить отъ старшаго къ младшему. . . . Вотъ и вся исторія своей Кикиморы.

— «Моей, сударь? Упаси меня Богъ отъ нея. . . .» Тушь Фаддей перекрестился и велѣдь за шѣмъ прикрикнулъ на лошадей, замахалъ кнутомъ и помчалъ во весь духъ. Со всемъ моимъ стараніемъ, я не могъ отъ него добиться болѣе ни слова. Въ такомъ упрямомъ молчаніи довезъ отъ меня до слѣдующей станціи, гдѣ шакъ же молчаливо поблагодарилъ меня поклономъ, когда я опдалъ ему условенныя сверхъ прогонныхъ деньги.

О. Сомовъ.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ВЕЙМАРЬ. — БАВАРИЯ. — ТИРОЛЬ.

Веймарь. Удаляясь отъ пантеона великихъ писателей германскихъ, моя душа исполнена чувствами благоговѣйными. Все намъ дышетъ наукой, поэзіей, размышленіемъ и почтеніемъ къ гению. Гений намъ царствуютъ, и даже Великіе землі суть его царедворцы. Тамъ я оспавила Ангела, проливающего слезы на земль...

Тамъ я посѣтила Гёте. Я вижу въ немъ старинный, изящный, многолюдный городъ, гдѣ храмы свѣтлаго греческаго епископа, съ прослыми гармоническими линиями, съ мраморными статуями идеальной формы, красующейся возлѣ готическихъ церквей, шемныхъ, шашепивенныхъ, съ прозрачными башнями, съ кружевною рѣзбою, съ гробницами рыцарей среднихъ вѣковъ. Въ городѣ старинномъ, все живо, важно, незабвенно: памятники, книги, зданія, мавзолеи рассказываютъ вѣкамъ о герояхъ, о великихъ мужахъ. Въ городѣ изящномъ все дѣйствуетъ, все паритъ; ученые углубляются въ архивы всѣхъ временъ; художники воображаютъ, живописуютъ; поэты, смотря на вселенную, упиваются вдохновеніемъ и пророчатъ. Въ городѣ многолюдномъ спрашивается князь жизни;

шамъ все звуки раздаются: шамъ звучать арфы, меналлы, гимны, псалмы, народные призывы, спрашенные пѣсни — и все звуки сливаются и возносясь, какъ жаркіе, благоуханные пары. Въ семь-то безсмертномъ городѣ, я вижу образъ Гѣше въковаго. Надъ городомъ блестятъ эфирныя звѣзды, и на челѣ шарца горятъ звѣзды неугасаемыя.

Бернекъ. На горѣ стоятъ развалины замка Валленродовъ, рыцарей ордена Дѣвы Маріи. Возлѣ, осантки церкви, некогда посвященной Богоматери. Подъ горою печетъ жемчужная рѣзка: такъ ее называютъ отъ жемчуговъ, которые въ ней рождаются. Замѣнимъ сходство лучшаго украшенія женскаго съ каплями слезными. Не для того ли сотворены перлы, чинобъ и въ шоржеспивенныхъ нарядахъ припоминашь полу нашему

его назначеніе? — Вошь горы Герципійскія; лѣса ихъ, конорые нушемъ седмидневнымъ едва ли измѣрялись, нынѣ прозрачны, и уступаютъ свои земли пивамъ и седеніямъ. Рыцари Святой Маріи теперь на колыбахъ споятъ окаменѣлые надъ гробницами своими. Не ошъ нихъ уже зависитъ прекращеніе моленія; но развѣ чело-вѣческая рука или громъ небесный разобьетъ образъ ихъ и прерветъ молитву. Лѣса и рыцари пропали, а въ рѣчкѣ перловое племя пережило вѣка и окруженное развалинами, ни-хо плодилось и ондыхаентъ въ чиншой и гладкой своей колыбели.

Регенбургъ. Уже рыцари съѣхались въ многочудный городъ; одни ешѣ-сиво возвѣщаютъ власнишесму жесткія имена бароновъ, графовъ, германскихъ богатырей; другіе не про-износятъ имени, не поднимаютъ за-

брала, и, как невѣста подь опу-
щенной фатою, скрываютъ свои
надежды, жаръ души и благородный
смысль. Все спремашея шуда, гдѣ
ждушь ихъ похвалы старцевъ и обод-
ряющій взоръ красавиць. Иестрал
шодна валашъ на площадь, окружен-
ную темными, готическими зданіа-
ми. Вельможы, дамы въ одеждахъ
бархатныхъ и парчевыхъ, чинно са-
дятся на высокія, красныя ступени.
Первый взоръ на красавиць, второй
на желзную конницу, выѣзжающую
на попреще. Толпа замолкла: все
пило, все ъждаетъ. Ровные шаги
лошадей, быстрыя движенія бойцевъ,
удары оружія о желзо, домогающаея
копы, паденіе ратниковъ и коней про-
изводитъ шумъ, звонъ и стукъ ежеми-
нушный. Опять все замолкло; но вдругъ
поднялся крикъ въ народъ, и шопъ
ушихъ. Опять звучать одни оружія.

Вопль явился черный рыцарь; весь глядя на него: он спрашенъ, и глаза его, сквозь забрало, какъ пламя сверкающъ, и черныя ланты ошлываютъ огнемъ. Въ дуть героевъ — ужасъ еснъ гнѣвъ; рашики его окружили; сраженіе за сраженіемъ, а черному рыцарю побѣда за побѣдой. Вызжаенъ новый рашикъ, непобѣжденный никогда: и шонъ два раза побѣжденъ, два раза раненъ, а черный рыцарь подъ забраломъ своимъ спрашно хохочетъ. Весь народъ изумленъ; герой поднимаетъ ушалаю голову, укрѣпляется на сѣдлѣ, удивленный самому себѣ, вопрошаетъ, смотря на соперника: «Кшо онъ шакой?..» Тихо произноситъ молитву, и вдругъ съ новымъ жаромъ пошряетъ копье. Уже черный рыцарь подьжменъ смертоносную шпагу; герой опразилъ ее; пскры лешаишь;

онъ хладнокровно копьемъ своимъ
 означаешь крестъ на лбу сирашнаго
 бойца. Уже конь вопкнулось въ че-
 ло... кровь шечень, и огонь съ
 кровью, — и черный рыцарь исчезъ!
 Герой сиѣннть неподвижно и шеп-
 чень молшву. Изнуганная толпа,
 тѣнясь, убѣгаешь изъ ограды; всѣ
 крестяшся; народъ спремншя въ
 обширный соборъ; благочесшнвыя
 жены, прижавши крестъ къ бшоще-
 муся сердцу, удаляюшя въ свои ча-
 совни, и предъ распяшнемъ прекло-
 нивъ колѣна, долго читають по дре-
 ней гошической книгѣ: « Да воскрес-
 неть Богъ и распочаешя врази его!»
 Давнее преданіе шенерь еще повѣ-
 ствуешя въ Регенсбургъ и тамъ по-
 казываютъ пупешешвеннику, на-
 прошивъ дрешняго рашгауза, живо-
 ншсь, предешавляющую на сшнть
 шаншешвенное сраженіе.

Южная Баварія. Здѣсь возвышающаяся гора за горою, лѣсъ за лѣсомъ, все выше и выше, какъ зеленныя пирамиды; а за ними голыя скалы, на конхъ лежишь нешающій снѣгъ. Какъ очи иѣжнаго ошца на неблагодарныхъ дѣшей, солнце на нихъ ищешно ударяеть! Ниже клубящая тяжелыя облака.... Ясныя, теплыя дни рѣдки на высокохъ.... Часно встрѣчающа озера, освѣщенныя лѣсенными горами. То вижу въ нихъ иѣжныя взоры, отражающіе высокія, но печальныя мысли; но влажныя амфишеатры, гдѣ дремучіе лѣса одни ожидаютъ водяныхъ побойщъ. Тушь не звучашъ ни лиры, ни лишавры; одна строгая гармонія грома прерывашъ ишшину сего зрѣлища.

Тироль. Вершины горъ, освѣщенныя солнцемъ, полузакрытыя облаками, напоминающъ о швейцарен-

ныхъ Синаѣ и Фаворѣ, какъ будто и здѣсь скрывается для взора недо-
стойнаго какое-либо чудо. Столица
германскаго Тироля спюишь подь
скалами неизмѣримыми; надь нею
нависли темные лѣса, разноцвѣтныя
дуга и нивы, а надь горами шуск-
лыя облака. Какой Кремль велича-
вый! подь высокою горою, въ узкой
долинѣ шумитъ каменная рѣчка,
бьеть и хлещеть по границамъ. Да-
лѣе, бездна вода но поглощается
незримою пронаестью, но выбѣгаетъ
изъ нея обширнымъ пошохомъ. Въ
столицѣ широльской сохраняются
при великія воспоминанія: гробница
Максимилиана, окруженная толпою
государей, кошорые и подь бронзою
сохраняють память высокаго уваже-
нія; — учрежденіе Маріи Терези, но
кошорому двѣнадцать дамъ надь на-
мяшникомъ порфироснаго ея супруга

продолжаютъ ея моленія: объ мысли достойны рыцарскихъ временъ. Живое чувство благоговѣнія къ Гоферу, есть пренѣе воспоминаніе: горный охотникъ лежить съ царями, а преданіе о немъ также не умолкнетъ въ горахъ Тиролецевъ, какъ и нѣнь ихъ патристическая и задумчивая.

Со всѣхъ сторонъ я вижу ландшафты Рюнедаля и Сальвадора Розы. Какое торжественно для художника, когда сама природа, твореніе Божіе, напоминаетъ произведенія смѣрнаго! Здѣсь дерево сухое, обросшее мхомъ, валится на бодрое и прямое, а пнямъ внизу падній пень лежить мостомъ надъ свинцово-зеленымъ пошохомъ. Тушь сосны проникають прямыми своими вѣтвями въ округленную и обширную сѣнь плашановъ. Лиственницы качають надъ пропаснями свои пернатые вѣтви.

Древній дубъ проспираеть неровные и голые сучья; шемнозеленый плющъ обвиваеть гнилой, обширный пенъ его, и, какъ любовь дѣтей, согрѣваеть, можетъ быть, и удержи- ваеть жизнь въ лѣсномъ спарцѣ. Со- сны, какъ щеница, покрывають ска- лы отъ глубины до вершинъ, а въ сырыхъ ущельяхъ журчатъ и пѣниша высокіе водонады.

Тиролецъ измѣриеть свои горы швердою стопою, какъ серны бы- спроногія. Взоръ его привыкъ къ огромности, удивляющей прохожаго. Такъ дѣвешвенный взоръ смущаеться, когда въ первый разъ пораженъ ви- домъ порока; но мало по малу при- выкаеть къ опасному зрѣлищу. Та- кимъ же образомъ люди, живущіе всегда съ великими мужами, свыка- ются съ ихъ величіемъ; такъ вдова великаго ошровишница цѣниль себя

простую вдовою, а жена альбионскаго барда видить въ гении, принадлежащемъ вселенной, собственнаго мужа, хозяина, угодника ея домашнихъ причудъ. — Весь Тироль вообще есть великая, однообразная мысль Создателя. Все въ этой странѣ имѣеть одинъ характеръ, — и горные духи здѣсь хоромъ поюгъ все одинъ приѣвъ, по землѣй, великолѣпный и вѣчно новый! . . .

Княгиня Зинаида Волконская.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Tantæ ne animis scholasticis iræ!

Распря между двумя извѣстными журналистами надѣлала шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года *Редакторъ* Вѣстника Европы, желая въ слѣдующемъ 1829 году поспѣть еще и въ качествѣ *Издателя*, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя

учеными званіями. Убѣдившись еди-
ногласнымъ мнѣніемъ кришниковъ въ
односторонности и скудоси Вѣст-
ника Европы, сверхъ того движи-
мый глубокимъ чувствомъ состраданія
при видѣ безпомощнаго состоянія ли-
тературы, онъ обѣщаль употребить
наконецъ свои старанія, чтобы сдѣ-
лать журналъ сей обширнѣе и разно-
образнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе
видѣть, свободнѣе соображать и рѣ-
шительнѣе дѣйствовать. Онъ соби-
раея пуститься въ неизмѣримую
область бытописанія, по которой
Карамзинъ, какъ вѣсьмъ извѣстно,
проложилъ тропинку, теряющуюся въ
тундрахъ бесплодныхъ. « Предпола-
гаю работать самъ, » говорилъ по-
чтенный Редакторъ, « не опказывая
однако жь и другимъ литераторамъ
участвовать въ трудахъ моихъ. »
Сии познія, но тѣмъ не менѣе бла-

тія наміренія, сія похвальная заботливосінь о руской литературѣ, сія великодушная снисходительность къ сотрудникамъ, пронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣщивованъ первые труды, первые усѣхи знаменитаго Редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), споль извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣпильникъ исторической его критики озарилъ вышепомянутыя шундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорилъ ушами учащаго Редактора. Онъ не ограничилъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ *Исторіи Государства Россійскаго*, или даже разсужденіями о куньихъ морда-

какъ, но вѣрнымъ взоромъ обвинить наконецъ ивореніе Карамзина, оцѣнить истину его разысканій, указать испочки новыя соображеній, дополнишь недосказанное. Въ критикахъ собственно - либеральныхъ мы не будемъ слышать по брюзгливаго ворчанья какого нибудь стараго педанта, но неприсойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики Г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ пошлыми шуточками журнальнаго гаера. Писатели известные не будутъ ими презираемы, ибо услышатъ окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы не единой минутой не усомнились въ

исполненіи плановъ Г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогаомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но Г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обещаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20^й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года, спашью, въ которой сильно напалъ онъ на почтеннаго Редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить не приличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, Г. Каченовскимъ, онъ говорилъ :

« Если бы онъ (Вѣстникъ Европы) старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ

голосомъ безпристрастія ; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учипься и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его. »

Спиранныя требованія ! Въ лѣпахъ Вѣстника Европы уже не учаешь и не бросаешь предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе съдѣнь, не есть необходимость лпшературная ; а если сознанія, требуемыя Г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія ?

« Но *кто* сдѣлалъ до сихъ поръ издашель Вѣстника Европы ? » продолжаетъ Г. Полевой. « Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ, онъ водрузилъ свои знамена : гдѣ, за какимъ океаномъ

эта обыкновенная земля? Юноши, обогнавшие издавшаго Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издавшаго Вѣстника Европы заставъ на одномъ мѣсѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивились ли, что теперь Вѣстнику Европы видяшея чудныя распри, грезяшея кимвалы бряцающіе и мѣдъ звящія? »

На сіе ошвѣщеніеуемъ:

Если Г. Каченовскій, не написалъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ печеніе 26 лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискавъ однакожь себѣ безмерную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примешся за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣсѣ, — согласенъ: но какъ могли юноши

обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Веретовскаго: но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ Терезу и Фальдони: что за бѣда?

Досель казалось намъ, что Г. Полевой неправъ, ибо обнаруживается какое-то приспращеніе въ замѣчаніяхъ, конорыя съ перваго взгляда являющіяся довольно основательными. Мы ожидали отъ Г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда оповѣщивали на неприличные и приспращенныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 N. Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе Редактора къ ешащъ своего почтеннаго со-трудника, Г. Надоумки (одного изъ

великихъ писателей , приносящихъ истинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвуютъ).

« Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираюсь съ Бенignoю я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю ни по и права, предпринимая другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенignoю и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы сшастья Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать оную. *Рдрь.* »

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола Г. Бе-

нижны предпринялъ почтенный Редакторъ? что значить изривый произволь Г. Бенжны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамбренности, прикосновенными къ гести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ смыслъ последней фразы донельзя ошатенъ шемень, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи.)

Многочисленные почташатели Вѣстника Евроны заирененали, прочитавъ еи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодование Міхаила Трофимовича. Къ счастью, скоро все объяснилось....

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышепомянушаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго Редактора. Вся

предвидѣли послѣдствія онаго. Въ снѣпѣ Г. Полеваго личная честь Г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издашеть Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую снѣпью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь Г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный Редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донинѣ, кромѣ переводовъ

съ переводовъ, и кой-какихъ заня-
 спиванныхъ кое-гдѣ спашеекъ, ни-
 чего не произвелъ. Скюдость, болѣе
 достойная сожалѣнія, нежели укориз-
 ны! Но что всего важнѣе, Г. По-
 левой доказалъ, что Миханль Трофи-
 мовичъ нѣсколько разъ дозволялъ се-
 бѣ личности въ своихъ критическихъ
 спашейкахъ, что онъ упрекалъ из-
 дателя Телеграфа виновнымъ его за-
 водомъ (ныншомъ ужаснымъ, какъ из-
 вѣсно всему нашему дворянству!)
 что онъ неоднократно съ упрекомъ
 повнорялъ Г. Полевому, что сей
 послѣдній купецъ (другое, столь же
 ужасное обвиненіе!), и все сіе въ
 непримойныхъ, оскорбительныхъ вы-
 раженіяхъ. Тутъ уже мы приняли со-
 вершенно сторону Г. Полеваго. Ни-
 кто, болѣе нашего, не уважаетъ
 именинаго, родоваго дворянства,
 коего существованіе столь важно.

въ смыслъ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Попомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и сирапсивующій купецъ, равны предъ законами криники. Князь Виземскій уже даль однажды замѣшннль неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однако жь, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И шупть мы укоряли Г. Полеваго въ занальчивости и неузмренности. Мы съ умнленіемъ взирали на почтеннаго сираца, разстроенаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ Рускому букварю, и преобразовать оный удивительнымъ

образомъ. Утѣшительно для насъ, по крайней мѣрѣ, то, что свѣдѣнія Мѣхана Трофѣмовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ несерьезнѣемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ водворилось спокойствіе въ области словесности и прекратилась междоусобная распря миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ. . . .

А. Пушкинъ.

В О Р Ъ.

Арабская повесть.

Я прїѣхалъ однажды въ Бассору, говоришь извѣстный арабекій писатель Абу-Сандъ-Асман, и явился прямо къ губернатору сего города, Халеду, сыну Абдаллаху. Я нашелъ его въ прїемной залѣ, окруженной низкими софами; полъ ея покрытъ былъ драгоценными коврами персидскими, сѣтвы изнещрены золотыми надписями изъ Алкорана и поэмъ, сочиненныхъ въ похвалу Халеда. Среди

залы находился фонтанъ, когото вода съ шумомъ низнадала въ мраморный водоемъ, поддерживаемый чеширьями бронзовыми львами, и прохлаждала знойный воздухъ. Вокругъ водоема стояли именитые граждане въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтаняхъ, съ богатыми чадами на головахъ, и сухощавые, смуглые *шейхи* или начальники бедунскихъ поколѣній, кочевавшихъ тогда въ окрестностяхъ Бассоры: сѣмъ послѣднѣе закушаны были въ просторныя епанчи, съ широкими бѣлыми и черными полосами, а на головахъ имѣли бѣлыя полонизныя *фезки*, обвязанныя врѣзью суркомъ изъ пальмоваго волоса. За ними стояло сполна, въ красныхъ и синихъ ферижахъ, военные чиновники, клевреты и слуги Халеда, сложивъ руки на брюхо и вывернувъ ноги шакъ, чпо оспрые.

носки башмаковъ ихъ вдавались нѣ-
 сколько въ середину. Самъ Халедъ
 сидѣлъ, или лучше сказать, лежалъ
 въ одномъ углу софы. Два маленькіе
 Араба стояли возлѣ него на софѣ
 и ошгоняли мухъ огромными позо-
 лоченными опахалами; а въ нѣсколь-
 кихъ шагахъ отъ него стоялъ *жел-*
лѣдъ (палачъ), съ огромнымъ кри-
 вымъ мечемъ подъ мышкой: онъ без-
 оплотно находился при губернаторѣ
 и не спускалъ съ него глазъ, чтобы
 по первому мановенію исполнить
 его приказанія. Въ семь-но избѣжен-
 номъ положеніи, Халедъ правилъ дѣ-
 лами обширной области, рѣшалъ
 важнѣйшія дѣла, и хладнокровно
 отдавалъ приказы — билъ виновныхъ
 по пятамъ въ его присушествіи, или
 отсѣкалъ имъ головы прошивъ оконъ
 его замка.

— « *Селамъ алейкумъ* (миръ съ тобою)! » воскликнулъ Халедъ, увидѣвъ меня и не прогаясь съ мѣста.

— « *Да сохранитъ Богъ правителя!* » отвѣчалъ я, положи руку сперва на грудь, а потомъ коснувшись его чела и слегка поклонясь Халеду (1).

— « *Мы давно желали бесѣдовать съ тобою!* » сказала онъ.

— « *Да умножитъ Богъ твое благо!* » промолвилъ я, и, къ сему обыкновенному отвѣту, присовокунула нѣсколько восклицаній, употребительныхъ въ подобномъ случаѣ. Халедъ указалъ рукою на софу, и я сѣлъ на ней, въ нѣкоторомъ онъ него разстояніи, поджавъ подъ себя ноги.

— « Ну, Абу-Сандъ! ты всегда при Халифѣ, сочиняешь стихи да врешь, *благословенный* (2)! Мы зывали, что въ одной *касида*, посвященной повелителю правовѣрныхъ

(да сохранишь его Аллахъ!), ты по-
лучивалъ и на мой счетъ. Я не лю-
блю сердиться на вану братьсяю, и
поэтому прощаю тебѣ оны члешаго
сердца, не для того, что ты лю-
бимецъ пророка (да благословишь и
ласково привѣщиваешь его Аллахъ!);
но я увѣренъ, что ты будешь го-
ворить обо мнѣ совершенно другое,
когда узнаешь меня покороче.

— «Правнись (да исполнишь Ал-
лахъ всѣ твои желанія)!» возклик-
нулъ я: «меня оклеветали передъ по-
бою....»

— «Полно, полно, братья (про-
клялъ тебя ещеъ твой (3)! Ужь
я знаю васъ, спихонворцы!» ска-
зала Халеда улыбаясь. «Ваше дѣло—
выкинуть острое слово; а шамъ,
правда ли, ложь ли — вамъ до того
какая нужда? Но кенани: ты здѣсь,
благословенный. Ты въ спихахъ сво-

— « *Селамъ алейкумъ* (миръ съ тобою)! » воскликнулъ Халедъ, увидѣвъ меня и не прогаясь съ мѣста.

— « *Да сохранитъ Богъ правителя!* » отвѣчалъ я, положи руку сперва на грудь, а потомъ коснувшись его чела и слегка поклонясь Халеду (1).

— « *Мы давно желали бесѣдовать съ тобою!* » сказала онъ.

— « *Да умножитъ Богъ твое благо!* » промолвилъ я, и, къ сему обыкновенному отвѣту, присовокунилъ нѣсколько восклицаній, употребительныхъ въ подобномъ случаѣ. Халедъ указала рукою на софу, и я сѣлъ на ней, въ нѣкоторомъ онъ него разстояніи, поджавъ подъ себя ноги,

— « Ну, Абу-Сандъ! ты всегда при Халифѣ, сочинишь стихи да врешь, *благословенный* (2)! Мнѣ сказывали, что въ одной *касида*, посвященной повелителю правотверныхъ

(да сохранишь его Аллахъ!), ты пошучивалъ и на мой счетъ. Я не люблю сердиться на вашу братью, и потому прощаю тебѣ оный чуждаго сердца, не для того, что ты любимаецъ пророка (да благословишь и ласково привѣщиваешь его Аллахъ!); но я увѣренъ, что ты будешь говорить обо мнѣ совершенно другое, когда узнаешь меня покороче.

— «Правнись (да исполнишь Аллахъ все твои желанія)!» воскликнулъ я: «меня оклеветали передъ побою....»

— «Полно, полно, брать (проклялъ тебя еще твой (3)! Ужь я знаю васъ, спихонворцы!» сказалъ Халеде улыбаясь. «Ваше дѣло—выкинуть острое словцо; а шамъ, правда ли, ложь ли — вамъ до того какая нужда? Но кенани: ты здѣсь, *благословенный*. Ты въ стихахъ сво-

ихъ говоришь, чпо я снранно рѣ-
шаю дѣла. Вопль, рѣши за меня од-
но дѣло, въ консоромъ, признаюсь,
я долженъ положить мое упованіе на
Бога (4). Увидимъ твою премудрость.
На сей разъ, я даю тебѣ власть
мою: суди! Подойднне сюда, *сыны*
тяжбы! Ты, *отець свдой бороды,*
разскажи этому господину твою по-
вѣсть. »

Изъ шолны, споявшей вокругъ во-
доема, выспуннали нѣсколько Аравп-
нннъ, между коими привлекъ мое
вниманіе одинъ молодой человекъ,
оплнчавшійся дивною прнятносноію
лица и богатою одеждою: на головѣ
у него была пышная чама изъ зеле-
ной іеменской манерн; въ складкахъ
же оной замѣтилъ я ошанки розы,
зашнупоію нуда вѣроянно нака-
пунъ.

— « Повѣсть наша коротка, » сказала Аравитянинъ съ сѣдой бородою. « Сыновья мои, конхъ ты видишь передь собою, поймали вчерашнею ночью, въ нашемъ саду, вопиъ этого *брата зеленой галмы*, тогда какъ онъ крадь съ деревь апельсны. При немъ нашли мы нѣсколько плапковъ и рубахъ, конорыя онъ также припаль, изъ бѣлья, просыхавшаго въ саду. Теперь мы привели его къ правнелю (да упрочнпъ Аллахъ его правосудіе!), дабы онъ исполнилъ падь нимъ по, что повелѣваетъ законъ исламскій.

— « Да возвеличитъ Аллахъ праведныхъ и да накажетъ клеветниковъ по мѣрѣ клеветы ихъ! » сказала я старнику; пошомъ, обращясь къ юношѣ, примолвила: « ты слышала рѣчь отца обвиненіа; нѣтъ ли у тебя опвѣща на его повѣсть? »

— « Онъ говорить правду, » — хладнокровно отвѣчалъ юноша.

— « Однако же, судя по своему великолѣпному наряду, ты долженъ быть богачей человѣкъ. Твое имя? отечество? ремесло твоего родителя? »

— « Меня зовутъ Зейдъ, сынъ Амру. Отецъ мой принадлежалъ къ числу именитыхъ гражданъ здѣшняго города. Онъ умеръ, оставя мнѣ въ наследство довольно значительное состояніе; но я прожилъ его. »

— « О Зейдъ, сынъ Амру! клянусь Всевышнимъ Аллахомъ, и его пророкомъ, и головою Амія, и глазомъ Халифа, и моей бородою и твоимъ живомъ! у тебя должна быть другая повѣсть. Ты мнѣ кажешься, о сынъ арабскій (да содѣлаешь Аллахъ лице твое бѣлымъ)! ты мнѣ кажешься юношею прекрасно воспитаннымъ »

и умнымъ. Въ глазахъ твоихъ я вижу гордость, несвойственную низкому преслушнику. Ты напрасно обвиняешь себя въ воровствѣ, не зналъ конечно, какое наказаніе священный законъ полагаетъ за подобное преступленіе. Тебѣ слѣдуетъ опустить правую руку по локоть....

— «Только руку?» — возразилъ юноша, горько улыбаясь. «Я думалъ, что за это потеряю голову.

— «*Барахахъ Аллахъ* (да благословишь себя Богъ)!» воскликнулъ я видъ себя, положивъ въ уша свои пальцы удивленія. «Ты видно, братъ, наскучилъ жизнью, что нарочно *делаешь лице твое тернымъ* передъ правителемъ (да возвысишь Аллахъ санъ его!»)

— «Это ужъ не ваше дѣло,» слывчалъ онъ спокойно. — «Исполняйте надо мною то, что повелѣваете»

законъ исламскій. *Мы ось Божіи и къ Богу возвратимся!* Я готовъ подвергнушь себя суду Всевышняго и Его пророка.

— «*Нѣтъ другаго божества кромѣ Аллаха, и нѣтъ силы, ни крѣпости, кромѣ какъ у Аллаха!*» вскричала я, обращаясь къ Халеду. — «*Это дѣло, правитель, удивительнѣе небесной пиццы Онка и непоспужимѣ камня Кимія (5): признаюсь, я и самъ долженъ шунъ положить упованіе мое на Бога.* Здѣсь шаинья что-то мудреное. Но если юноша сей сознаѣнся въ винѣ и просинъ объ помяненіи надъ нимъ того, что повелѣваетъ законъ исламскій, то...

— «*То и я енолько же знаю, сколько ты, благословенный!*» сказала губернаторъ, перебивъ рѣчь мою. «*Я полагаю, что ты мнѣ дашь добрый совѣтъ. Отведише сего молодца*

въ тюрьму, а ты, *Сіхебъ-эш-шор-та* (6), пошли глашатаевъ возвѣстить всему городу, что завтра, въ два часа по возхожденіи солнца, на площади большого базара будущъ исполняшь надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка.»

Всѣ удалились изъ залы; я одинъ оспался съ Халедомъ, въ лицѣ коего примѣчалъ смущеніе и горестъ.

— «Я вижу, о правитель (да озаритъ Богъ могилу отца твоего)!» сказала я Халеду, «что сердце твое окружено облакомъ печали и на рѣсницы твои упала роса состраданія. Вспомни, что сказано въ книгѣ Безошибочной: *знаніе всего, что тайно и что явно въ природѣ, принадлежитъ единому Богу: единъ Онъ Всемогущъ и Всевѣдущъ, единъ направляетъ, кого хочетъ, на путь истины. Нѣтъ сомнѣнія, что это пр-*

красный юнша не воръ, и что у него должна быть *другая повесть*; но когда онъ скрываетъ ее нарочно, то тебѣ какая нужда узнавать ее? Однако жь, я подамъ тебѣ добрый совѣтъ. *Отклоняйте вину сомнѣемъ*, сказала Аллахъ въ Алкоранѣ; поему и тебѣ, правитель, должно стараться извлечь изъ сего несчастнаго какое-либо показаніе, наводящее сомнѣніе на его извѣны: основываясь же на ономъ, ны въ правѣ освободить его отъ казни, коей онъ ищетъ, вѣроятно, съ отчаянія. Ты слышала изъ его устъ, что онъ прожилъ все онцовское наследство. Я не сомнѣваюсь, что долги и недослатокъ довели его до поспунка, посредствомъ коего рѣшился онъ избавиться отъ шугосной жизни, не имѣя довольно мужества прекратить ее собственною рукою....

— « Ты правъ, Абу-Сандъ! » отвѣчала мнѣ Халеда. « Дружеская беседа, увеселенія, вино, могушь намъ открыть тайну его сердца. Абу-Сандъ! ты поэтъ и сочинилъ столько прекрасныхъ стиховъ въ похвалу вина, что навѣрное и пьешь его порядочно . . . . »

— « *Въ винѣ заключается благо теловѣковъ и наслажденіе*, говоришь книга Безошибочная, » сказала и съ улыбкою, постигнувъ мысль Халеда.

— « Умно! » воскликнулъ Халеда. — « Впрочемъ, лишь самъ Аллахъ знаетъ, что должно думать о семъ предметѣ. Я пью хорошее вино, а что касается до Алкорана, то возлагаю мое унованіе на Бога. Не правда ли, Абу-Сандъ? »

— « Такъ точно, правитель! Намъ зачѣмъ добиваться истиннаго смысла книги Безошибочной? въ ней же ска-

зано: *Эль-хикмету, фитнетонь!* и.
с. мудросеть человекъвъ еснть гор-
досеть передь Богомь. »

Халедь захопалъ въ ладони, и чер-
ный, безобразный евнухъ, его лю-
бимецъ, вышедъ изъ боковой ком-
наты, явился передь нами. Халедь,
посмотрѣвъ ему въ глаза, съ значи-
тельной улыбкою сказалъ тихимъ
голосомъ: « Мурджанъ! послѣ вечер-
ней молитвы, я желаю опужднать
съ нашимъ пришелемъ Абу-Сандомъ-
Асман и нѣмъ молодымъ пресуп-
никомъ, котораго я недавно велѣлъ
опвесити въ шорьму. Не пускай къ
намъ никого изъ постороннихъ. Мы
хешимъ сдѣланъ *кейфъ* (7). Понима-
ешь?»

— « На мой глазъ и мою голову! » —
опивчалъ важно спарый Арабъ и
ушелъ тихимъ шагомъ, перевалива-
ясь на обѣ стороны, какъ гусь, и

таща за собою по землѣ длинныя полы красной своей ферязи.

Во второмъ часу по захожденіи солнца, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ Халедова замка, великолѣпно освѣщенной, приготовлены были, на низкихъ скамейкахъ возлѣ софы, огромные жесняные подносы, уставленные множествомъ мѣлкихъ блюдечекъ. На нихъ лежали разныя опробнаго вкуса яствы, сласти, варенья, миндаля и свѣжій виноградъ различныхъ породъ. Шестъ глухонѣмыхъ невольниковъ, подъ предводительствомъ спараго Мурджана, стояли рядомъ для прислуги. Халедъ сидѣлъ на софѣ передъ однимъ изъ подносовъ, а по правую сторону помѣстился я на землѣ, поджавъ подъ себя ноги. Губернаторъ подавъ знакъ еврею, тотъ вышелъ изъ комнаты

и черезъ нѣсколько минути возвра-
тился съ молодымъ узникомъ.

— « Миръ съ нобою, сынъ Амру! »
Халеде привѣпавно сказала Зейду.
« Мы давно желали бесѣдовать съ
тобою: ты гоешь у насъ. » — Зейдъ
низко поклонился губернатору и по-
ложивъ правую свою руку сперва се-
бѣ на грудь, а потомъ поцѣловавъ
ее въ знакъ почтенія, по обычаю
бассорекскихъ Аравинянъ, промолвилъ
съ покорностію: « Да утвердитъ Ал-
лахъ могущество правосуднаго прави-
теля! »

— « Сядишь, о сынъ Амру, и от-
кушай съ нами нашей пищи. » —

Зейдъ приблизился безмолвно къ
нашему сполнику и сѣлъ на землѣ
прошивъ меня. Насъ окропили розо-
вой водою и мы принялись за ужинъ.
Каждый изъ насъ отвѣдывалъ по пе-
щюгу изъ блюдичекъ, стоявшихъ

передь нами; а невольники съ удивительною ловкостью уносили на головахъ подносы и замѣняли оныя другими. Безмолвіе господствовало во все продолженіе ужина. Вдругъ при мальчика, прекрасные лицомъ и великолѣпно разряженные, вошли въ комнату, держа въ рукахъ пучки розъ и серебряныя *ракве* (8), наполненныя шаразскимъ виномъ. Они подали каждому изъ насъ по пучку розъ и наполнили виномъ поставленные передь нами серебряныя спаканы. Зейдъ посмотрѣлъ сперва на Халеда, потомъ на меня, и послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости, послѣдовала нашему примѣру и начала пить вино.

— « Сынъ Амру! ты вѣрно не знаешь, съ кѣмъ судьба дозволяетъ тебѣ бесѣдовать? Это извѣстный Абу-

Сандь-Асман, » сказала Халеда, указывая на меня.

Зейдъ началъ пренебрежительно всматриваться въ меня и потомъ воскликнулъ: — « Ты Абу-Сандь-Асман? *Аллахъ! Аллахъ!* я хотѣлъ нарочно опироваться въ Дамаскъ, чтобы посмотрѣть на тебя, послушать швоего *нашда* (импровизацій) и швоего пѣнія. Предопредѣленіе исполнило мое желаніе наканунѣ моей казни. *Мы ось Божій, и къ Богу возвратимся!* И также *нашидъ* (импровизаторъ). »

Между тѣмъ вошли въ комнату шесть *раккасъ* (шанцовщицъ), цвѣтъ бассорекскихъ *гавâзи* (9). Лица ихъ были прелестнѣе полной луны, станъ прямо стемля пальмы и гибче вѣтви бана. Отъ блеска красоты ихъ померкли у меня глаза, сирѣчь же очаровательныхъ взоровъ ихъ пронзили мое сердце. Они держали въ

***

рукахъ *тамбуры* и *каманджи* (10), и подойдя къ нашему сполнику, съли, поджавъ подъ себя ноги, рядомъ на полу, между мною и Зейдомъ, напрошивъ Халеда, конорый спаль бросашъ на нихъ розы изъ своего пучка и шупнишь съ ними свободно. Имъ подали вина, миндамо и винограду.

— « *Итъ божества, кромъ Аллаха, ни пророка, кромъ Магомета!* » возкликнуль Зейдъ, надъ конорымъ вино уже начинало производить свое дѣйствіе. « Я увѣренъ, что и ты, Абу-Сандъ, въ *маджлесъ* (11) самого повелителя правовѣрныхъ не видашь прелестнѣйшихъ *гаоізи*. Мнѣ, въ Басорѣ, никогда не случалось встрѣнить ничего подобнаго симъ шести чудеснымъ лунамъ.

— « Ты *нашидъ*? » сказала Халеда, обращаясь къ Зейду. « Посмотримъ

швого искусства. Не хочешь ли соединиться съ Абу-Сандомъ?

— « *Тафаддаль* (изволь)! » — отвѣчала Зейдъ торжественно, и взявъ *шамбуру* у сидѣвшей возлѣ него *раккасы*. И также потребовала *шамбуру* у другой *раккасы*, и импровизировала слѣдующія спансы:

Что кроешь въ душѣ, исповѣдай ты мнѣ!

Здѣсь все улыбается счастьемъ тебѣ:

И ласки спитъ *гурій*, и милость Халеда,

И полная дружбы и пѣсней беседа.

Возанимь ны отъ Бога умомъ, красотою,

И доблестною сердца, и чувствъ высокою:

Ничь, ничь! не возможно бышь воромъ тебѣ!

Что кроешь въ душѣ, исповѣдай ты мнѣ.

Едва окончилъ я сіи спансы, какъ Зейдъ, несколько не останавливаясь, началъ пѣть стихамъ такой отвѣтъ:

« Чесль велишь мнѣ воромъ бышь!
 Милость чшу Халеда я;
 Но невиннаго сгубишь
 Не проси мена!

Бровь во мнѣ моихъ ошцовъ;
 Честно мы привыкли жиць.
 Я на казнь динни готовъ;
 Чесль велишь мнѣ воромъ бышь!

Необыкновенная приятность и чистота голоса, совершенство сложенія и замысловатость его опыта привели всехъ насъ въ восторгъ. — « *Аллахъ! Аллахъ!* » возкликнулъ Халедъ; « вы краснорѣчивѣ *Кодамы* и остроумнѣ *Локмана* (12). Нынѣ, сынъ Амру! ты напрасно ищешь погубить свою голову; я спасу ее, вопреки своему урямству. Я знаю разстроено твоего имѣнія: тебя увлекаетъ неумѣнное опечаленіе. Дарю тебѣ десять тысячъ *диннаровъ*: поправь свои дѣла, но

признайся, что ты не воръ, и что у тебя есть другая повесть.

— « Да продлитъ Богъ годы твои, о правитель! » отвечалъ узникъ. « Я не имѣю нужды въ деньгахъ, и хотя прожилъ наследенно моего родителю, но мнѣ опасенъ еще значительное имѣніе послѣ манеры моей. Я довольно богатъ; и когда ты исполнишь надо мною то, что повелѣваешь законъ исламскій, — прошу тебя, правитель, пожаловать ко мнѣ на домъ и убѣдиться, что мною не руководствуешь ни скудость, ни опечаленіе.

— « Кто же ты наконецъ? » спросилъ Халефъ съ жаромъ. « Я знаю, что ты не Зейдъ, сынъ Амру; что ты скрываешь отъ насъ настоящее свое имя. Расскажи намъ свою повесть. . . Ты молчишь? . . . Говори, благословенный; полно, полно упря-

мишься! *Между нами союзъ Бога и пророка!* Нѣтъ! я увѣренъ, что ты онокроешь намъ свою шайну. Эй, *сáхи* (13)! наливайше вино почтенному нашему госпю. *Сперса бестда, а потомъ разправа*, говоришь пословица. » —

Важный Халедъ началъ самъ произносить на-разнѣвъ стихи въ похвалу вина и красоны. Милыя *раккасы*, знавшія на-изусть множество прекрасныхъ *газаль* (14), читали намъ ихъ наперерывъ и восхищали насъ своими оспронами; пономъ пустились онѣ шапцовать, подъ звукъ своихъ *тамбуръ* и каснашьеновъ. Довкость и волшебство шлодвиженій ихъ земныхъ *гурій*, нѣжность ихъ спрашенныхъ взглядовъ, ихъ умъ, веселость и ласки приводили насъ въ очарованіе. Вино, оспрыя слова, импровизаціи, лились у насъ обильнѣе

воду Евфрата и Тила: дружба и любовь управляли наслаждениями. Я не помню, чтобы когда-либо в моей жизни провелъ ночь веселья и пріятности. Между тѣмъ, среди забавъ, Халедъ и я не забывали главного предмета — овладѣть тайною любезнаго нашего преснушника; нѣсколько разъ настоятельно уговаривали мы его открыть намъ тайну, и нѣсколько разъ онъ уже близокъ былъ къ тому, чтобы удовлетворить наше пребываніе; но, не смотря на все наши хитрости, убѣжденія, обѣты, и на самое даже дѣйствіе превосходнаго, хотя ненавистнаго небу панишка, — онъ всегда успѣвалъ опомниться вовремя, и оставался при своей тайнѣ. Наконецъ мы удвоили наши усилія, и Зейдъ въ сильномъ движеніи чувствъ сказалъ намъ: *« Аллхъ аллхъ аллхъ »* (нѣтъ Бога кромѣ Ал-

лаха)! Да будет между нами союзъ Бога и пророка! Оснавьше меня теперь въ покоѣ: завтра, на площади казии, я разскажу вамъ мою повесть. » —

Халедъ приказалъ опвѣсти Зейда снова въ тюрьму. Я легъ спать шумъ же на софѣ, подлѣ османковъ нашего ужина; уснулъ крѣпко и видѣлъ во снѣ, будто я находился въ раю, гдѣ за мои заслуги былъ мнѣ назначенъ жилищемъ великолѣпный садъ, вокругъ котораго возносились семдесятъ пышныхъ дворцовъ, а въ каждомъ дворцѣ было семдесятъ огромныхъ комнатъ, а въ каждой комнатѣ семдесятъ богатыхъ поселеней, а на каждой поселенѣ по одной прекрасной *гурин*, столь милой, столь очаровательной, что если бы одна изъ нихъ явилась ночью въ нашемъ земномъ воздухѣ, то блескъ ея красоны

озарилъ бы всю землю свѣтомъ, равнымъ свѣту семидесяти солнцевъ. Между семи зуріями узналъ я нѣкоторыхъ изъ вчерашнихъ нашихъ *ракасъ*. *Аллахъ! Аллахъ!* нѣтъ крепости, ни могущества, кромѣ какъ у *Аллаха!*

Едва спало возходило солнце и правовѣрные принялись за упреющую молитву, какъ у дверей каждаго дома Бассоры послышался сверху деревяннаго молотка, и кромкій голосъ на улицѣ: « Въ два часа по возхожденіи солнца, на площади большого базара будущи исполняишь надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка. Кто хочеть видѣть казнь Зейда, сына Амру? Кто хочеть видѣть судъ Бога и пророка? »

Къ назначенному времени, толпы народа спекались ошовсюду на площадь, коей одну сторону занимали

исключительно женщины, закутанныя въ широкія снѣга, зеленыя и красныя снѣжки, а на лицахъ имѣвшія маленькiя волосыныя снѣга чернаго цвѣта, кошорыя служили имъ вмѣсто покрывала и придавали видъ довольно снѣжный. Халедеъ, окруженный своимъ дворомъ и многочисленною стражею, пришелъ также на площадь и снѣга неподалеку отъ снѣга, находившагося посреди оной и у кошораго снѣга уже Зейде въ оковахъ; подлѣ него прогуливался огромный *Джемляде* (палачъ) въ красномъ одѣянiи, играя широкимъ обнаженнымъ мечемъ.

Халедеъ приказалъ привести къ себѣ преступника. — « Зейде, сынъ Амру! » сказалъ онъ ему: « Всевышній Аллахъ говоритъ въ книгѣ Безошибочной: *отклоните вину сомнѣнiемъ.* Я усамашриваю сомнѣнiе въ

швоей повѣсти, и посему повелѣваю тебѣ объяснить мнѣ, по всей справедливости, настоящій поводъ твоего преслѣденія.

— « У меня нѣтъ другой повѣсти, кромѣ той, которую ты слышала вчера; » отвѣчалъ Зейдъ. « Прикажи, о правншель, исполнишь надо мною то, что повелѣваешь тебѣ законъ исламскій.

— « Какъ? развѣ ты не далъ мнѣ слова, опкрышь на эпомъ мѣсяцъ свою тайну? » съ гнѣвомъ вскричалъ Халець.

— « Не помню! » отвѣчалъ Зейдъ хладнокровно.

Халець пришелъ въ изнепуленіе. Онъ заревѣлъ, какъ раненый левъ въ глухой пустынѣ *Тедморской* (15), и бросясь на Зейда, ударилъ его нѣсколько разъ по щекѣ. — « *Джеллядъ!* *джеллядъ!* » возкликнулъ онъ: « ош-

съки этому сыну неа и ослицы правую руку по локоть: да исполнися надъ нимъ судъ Бога и пророка! и сверхъ того, ошрѣжь ему конецъ языка, котораго онъ не умѣенъ употреблять на то, чтобы говорить правду передъ закономъ! » —

Палачъ обнажилъ руку преступника и готовился уже нанести на нее орудіе казни, какъ вдругъ сильное волненіе обнаружилось въ толпахъ зрителей. Видъ прекраснаго юноши возбудилъ общее сочувствіе. Женщины, бывшія на площади, подняли шумъ ужасный вой, что Халеду показалось, будто мятежь вспыхнула въ народѣ. Изъ среды женской толпы опрометью выбѣжала дѣвушка, покрытая джольбабомъ (16), держа въ поднятой на воздухъ рукъ свитокъ бумаги. — « *Аманъ! аманъ!* » кричала она съ плачемъ и воплями.

« О пророкъ! о Магометь! о Али!
аманъ!... Халедъ, правосудный пра-
вишель! не губи невиннаго! *кровь*
невиннаго дороже всего міра! »

Халедъ подавъ знакъ палачу при-
оспановишься, и взявъ свиннокъ изъ
рукъ дѣвушки, развернулъ оный. Въ
немъ заключались слѣдующіе чешыре
сниха :

« Проснитъ ему невинный сей обманъ!

Въ любви воровъ, ны знаешь, не бываешь;

Когда жъ и ешь, — правишель также знаешь :

Не положила имъ казни Алкоранъ. »

Прочитавъ сіи снихи, Халедъ при-
казалъ окружающимъ его удалиться
на нѣкоторое разстояніе и сшалъ
разспрашивать дѣвушку.

— « Объясни мнѣ свою повѣсть, о
дочь арабская! » сказала онъ ей.

— « Правосудный правишель (да ум-
ножитъ Аллахъ твою добродѣтели)! »

отвѣчала она, заливаясь слезами.
 • Узникъ сей — мой возлюбленный,
 а я подруга его сердца. Свѣдавъ о
 намѣреніи отца моего, выдать меня
 за-мужъ за сшараго, богатаго кади
 Хаптема, онъ не смѣлъ открытъ ему
 взаимныя наши чувства. Ни отецъ
 мой, ни братья, лично его не зна-
 ютъ; но онъ приходилъ иногда тай-
 но въ нашъ садъ, онъ копорого я
 ввѣрда ему ключъ, и мы бесѣдовали
 другъ съ другомъ о взаимной нашей
 любви, сквозь рѣшенку окна моего
 перема. Минувшею ночью, онъ так-
 же пришелъ въ нашъ садъ въ услов-
 ленное время; и, дожидаясь его, я
 къ несчастно унула. Не видя меня
 у окна, онъ рѣшился бросить въ
 оное камнемъ, чтобы извѣстить ме-
 ня о своемъ прибытіи. Спукъ камня
 разбудилъ собаку; на ея лай, отецъ
 и братья мои бросились въ садъ, и

несчастный мой любовникъ, чпобъ охранить честь мою, пришеворился воромъ; онъ схватилъ нѣсколько бѣды и нарочно снхаль рвать апельсинны: его поймали. Ты видишь, что онъ великодушно пожертвовалъ своею честью и головою, лишь бы только не допустить, чпобъ лице мое сдѣ-
 лалось чернымъ въ глазахъ народа, а можетъ быть и спасли жизнь мою онъ гнѣва раздраженнаго родствен-
 ля. . . . »

Несчастливая дѣвушка не могла го-
 ворить долѣе: слезы и рыданія по-
 давали голосъ ея. Самъ Халефъ былъ
 пронупъ ея разсказомъ и благород-
 нымъ поступкомъ честной и нѣжной
 любви юности. — *« Нтъ божества,
 кромѣ Аллаха, ни пророка, кромѣ
 Магомета! нтъ крпости, ни мо-
 гущества, кромѣ какъ у Аллаха! »*
 возкликнулъ онъ, вознося руки къ

небу, и немедленно приказалъ снять оковы съ великодушнаго преступника. Пономъ призвавъ его къ себѣ, нѣжно поцѣловалъ въ чело, между глазами, и сказалъ: «Благородный юноша! Богъ не допустилъ мнѣ совершить надъ тобою несправый судъ. Чѣмъ возблагодарить Его за сію милость, я на себя принимаю обязанность нещесъ о нвоемъ благополучіи, равно какъ и о счастіи будущей нвоей подруги. Я изходатайствую у оица ея прощеніе вамъ обоимъ и соглашу его на вашу союзъ. Между нѣмъ, дарю вамъ на свадьбу нѣ 10,000 динарїевъ, которыя предлагалъ шебъ вчера.» —

Извѣстіе о семъ необыкновенномъ произшествіи разнеслось между зрителями съ быстротою молніи. Восклицанія радости и удивленія раздались со всѣхъ сторонъ, и оицъ дѣ-

лицы шунъ же, передь енолбомъ
казни, даль свое сонзволение на бракъ
побовниковъ.

Молодой челоувѣкъ, конорый на-
иваль себя въ эномъ случаѣ Зейдомъ,
сыномъ Амру, былъ Саидъ, сынъ
Джаферовъ, прославившійся въ по-
слѣдствіи, какъ поэтъ, риторъ и
грамматикъ, подъ именемъ Абу-Нав-
васа.

Съ АРАБСКАГО — *Сенковскій*.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1) Слова, напечатанныя курсивомъ и восклицанія,
поставленныя въ скобкахъ, суть подлинныя и
обще-принятые выраженія арабскія, сохранен-
ныя здѣсь переводчикомъ для того, чтобы позна-
комить читателей съ настоящимъ тономъ араб-
скаго разговора.

- 2) Привѣтствіе, или ласковое слово Арабовъ.
- 3) Шуточное выраженіе Аравитянъ.
- 4) Обыкновенная поговорка у Аравитянъ, когда хопятъ сказанъ: *не знаю, или неизвестно.*
- 5) Такъ называется по-арабски философскій камень. Отъ сего слова происходятъ названія: *химія*, и съ членомъ *але*, *алехимія*.
- 6) Начальникъ шѣлохранищелей.
- 7) Техническое слово на Востоцъ, котораго нельзя перевести ни на одинъ европейскій языкъ. Оно означаетъ вообще всѣ роды наслажденій восточныхъ.
- 8) Родъ кружекъ, похожихъ на чашки кофейники.
- 9) *Тазіе* или *Тавизи*, сословіе шапочницъ и пѣвицъ въ городахъ арабскихъ.
- 10) Инструменты музыкальные, похожіе на гитары и балалайки.
- 11) Увеселеніе, собраніе у восточныхъ.
- 12) *Локманъ*, Езотъ восточный. — *Кодѣма*, лице поэтическое, которому Аравитяне приписывали необыкновенную силу краснорѣчія.
- 13) Мальчики, которые на восточныхъ пирушкахъ называютъ вино и шербену собесѣдникамъ.
- 14) Такъ называются восточныя Анакреонтики.
- 15) Пальмирской. — *Тедморомъ* Арабы называютъ Пальмиру.
- 16) Родъ женскаго покрывала, доходящаго почти до коленъ.

~~~~~

ПОЭЗИЯ.

ПОЭЗИЯ.

ПРОЩАНИЕ СЪ АДРИАНОПОЛЕМЪ.

Эдырие (*)! прощай! уже болѣе мнѣ
Не зрѣшь Заблканскаго края!
Ни сннхъ небесъ въ ихъ ношой шннннѣ,
Ни роскоши древней Сарая!
Ни шнни гусшой полудѣнныхъ садовъ,
Ни вась, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырие! на спройныхъ меченыхъ шнннхъ
Орелъ возвышался двуглавый;
Онъ вновь улешаетъ: но вѣчно на нихъ
Османуши ошблески славы!
И Турокъ, въ мешахъ, будетъ зрѣшь предъ собой
Тѣнь крышевъ Орла надъ померкшей Луной!

А. Хомиковъ.

Адрианополь,
Оклября 7 дня, 1829.

(*) Турецкое имя Адрианополя.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ VII ГЛАВЫ

ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА,

I.

Гонимы вѣнными лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже свѣга
 Сбѣжали мушными ручьями
 На пополенные дуга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
 Синѣя, блестя небеса.
 Еще прозрачны, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
 Пчела за дѣною полевой
 Лепитъ изъ кельи восковой;
 Долины сохнутъ и песнѣютъ,
 Спада шумитъ и соловей
 Уже нѣтъ въ безмолвіи вочей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое ляненье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое помное волшебство
 Въ моей души, въ моей крови!
 Съ какимъ приятельнымъ умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицо мнѣ вѣющей весны
 На лонѣ сельской шипины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье
 И все, что радуешь, живишь,
 Все, что ликуешь и блестяшь,
 Наводишь скуку и томленье
 На дуну, мершвую давно,
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возвращу
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ льсовъ?
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ дуною смущенной
 Мы свиданье нашихъ лѣтъ,
 Кошпорымъ возрожденья ильтъ?

Быть можетъ, въ мысли намъ приходить
 Среди поэтического сна,
 Иная, спарая весна |
 И въ прелесть сердце намъ приводитъ
 Мелочей о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ . . . .

IV.

Вошь время: добрые лѣнницы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливыцы,
 Вы, школы Левшина пшеницы,
 Вы, деревенскіе Пріамы
 И вы, чувствительныя дамы!
 Весна въ деревню васъ зоветъ,
 Пора тепла, цвыповъ, работъ,
 Пора гуляній вдохновенныхъ
 И соблазнительныхъ ночей . . . .
 Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй!
 Въ каретахъ, шажко нагруженныхъ,
 На долгихъ или на почтовыхъ
 Тянитесь изъ заспавъ градскихъ.

А. Пушкинъ.

Э П И Г Р А М М А.

Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ
 На свой аршинъ онъ славу нашу мѣришь ;
 Но позабылъ, что нѣтъ клейма на немъ,
 Что одному задору свѣтъ не вѣришь.
 Какъ дружескимъ онъ издоромъ восхищень!
 Какъ бѣшено своимъ доводенъ онъ !
 Онъ хвалился горячею душою ;
 Голубчикъ мой ! Увѣрься наконецъ,
 Что изъ глупцевъ, извѣстныхъ подъ луною,
 Смыслишь всѣхъ намъ пламенный глупецъ.

Баратынскій.

П У Т Ъ Л Ю Б В И.

Узнали спросить два юныхъ существа,
 Душею чистыхъ два диньки !
 Надъ робостью мнуща шоржества
 Въ одно былье слывала сердца два,
 Въ зѣрномъ пламени обьянній . . .

Въ Аркадію земля превращена!
 Въ великолѣпнѣи вѣнчальномъ
 Является волшебная весна!
 То сердца рай, ахъ, по любви страна —
 И въ ней свѣтло, какъ въ небѣ дальномъ!

Ихъ двое здѣсь съ единою душой;
 Имъ данъ въ удѣлъ сей міръ привѣтливый!
 Амуровъ соимъ надъ нихъ блескишь главою
 Большимъ вѣнцемъ; и яркою дугой
 Есшь мостъ до неба семицвѣтливый!

Туда! любовь, какъ паръ, какъ мѣди звонъ,
 Стремится къ области небесной;
 Къ Творцу любви возноситъ спрости сонъ!
 Они горь, шуда, гдѣ блага шроуъ,
 Бредунъ по радугѣ чудесной!

О дивный блескъ, о пышные цвѣды!
 О звуки, льющіяся съвыше!
 О легкій духъ эвриной чистоты!
 Какъ мило все съ сей горней вышины...
 Здѣсь слаще все, нѣжнѣй и пише!

— Мой другъ , ты мой , на вѣкъ ! — « II пы моею
 До гроба будешь ! Богъ вселенной !
 Дай крылья намъ : чесною лебедей
 Мы полетимъ надъ бездною морей ,
 Въ пространствахъ вѣчности священной !

« Или лунѣ вѣли скапнншься къ намъ :
 Въ ея мы сядемъ колесницу . . .
 Торжественно по спннмъ небесамъ ,
 По золотымъ созданн звѣздамъ ,
 Къ тебѣ помчу души царицу ! . . . »

Сладка ихъ жизнь , какъ Божн мечна !
 Но не предзнавая преснолу
 Неизвѣстныхъ благъ , увидѣла чела ,
 Уже цѣпномъ пускнветъ красота :
 Небесный мостъ ведетъ ихъ долу ! . .

Въ младыхъ сердцахъ уже нѣтъ спросн той ;
 Не слышно горяго напѣва !
 Они дошли до области земной —
 И разошлись съ хладбющей душой
 На вѣки юноша и дѣва !

Баронъ Розень.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ.

Вмѣстѣ съ няней, фантазія тѣшитъ игрушкой
младенцевъ,

Даже во снѣ ихъ усна сладкой улыбкой живитъ;

Вмѣстѣ съ любовницей, юношу мучитъ, маня не-
престанно

Въ лучшей и лучшей мѣрѣ, новой и новой красой;

Мужа спеленнаго, лавромъ или вѣнкой дубовой
прельщаетъ,

Бѣдному жъ спарцу она тщетнымъ ничѣмъ не
блещитъ!

Нить! на землѣ опустѣвшей кажетъ печальную
урну,

Съ прахомъ поперянныхъ благъ, съ надписью:
въ небѣ найдешь.

Баронъ Дельвингъ.

Э Л Е Г И Я.

« Фивъ и Музы! нѣтъ вамъ жеспокосѣбно равныхъ
« Въ сонмѣ боговъ, небесныхъ, земныхъ и подзем-
ныхъ.

« Всѣ, кромѣ васъ, мольбамъ благи и щедры:
« Хлѣбъ за нруды земледѣльцевъ рождаетъ Деметра,
« Гроздіе Вакхъ, елей Афина-Паллада;
« Мощна въ битвахъ, она жь превозноситъ геросъ,
« Правитъ Тидида копьемъ и снѣрлой Одиссея;
« Кицею славной корыснью радуешь ловчихъ,
« Красишь ихъ рамо кожею льва и медвѣдя;
« Спирантику пупъ указуешь Эрміи благошворный;
« Внемлешь пловцамъ Посидонъ, и смиряющій бурю,
« Вводишь ушлый корабль въ безмятежную приспань;
« Пылкому юношѣ вѣрный помощникъ Киприда:
« Все побѣждаетъ любовь, и счастливый безсмерт-
ныхъ,

« Нектаръ онъ пьетъ на устахъ обмирающей дѣвы;
« Хроиз державшиа дщерь, владычица Ира,

« Брачнымъ даруетъ дѣшей, да покояютъ ихъ спароспъ.

« Кто же сочтетъ щедроты пвои, о всецильный

« Зевсъ-Эгіохъ, подаешь совиновъ премудрыхъ,

« Скорбныхъ и нищихъ онецъ, ко всемъ милосердый!

« Боги любятъ смертныхъ: и Андъ незримый

« Скипетромъ крошкымъ пасешь безчисленныхъ
мертвыхъ,

« Къ вѣчному міру опшедшихъ въ луга Асфодели.

« Музы и Фивъ! одни вы безжалостно глухи.

« Горе безумцу, служащему вамъ; обольщенный

« Призракомъ славы, иранишь онъ счастье земное;

« Хладной полатъ въ посмѣнье, зависши въ жернову

« Преданъ несчастный, и въ скорбяхъ, какъ жить,
умираешь.

« Повѣстью бѣдствій любимцевъ вашихъ, о Музы,

« Сто гремидихъ уснѣ молва упомяла:

« Камни и роци двигалъ Орфей пспонѣньемъ,

« Сирогихъ Эрева боговъ подвинулъ на жалость;

« Люди жъ не сжалились, жены пѣвца разперзалъ,

« Члены размешаны въ полѣ, и хладныя волмы

« Въ море мчатъ главу, издающую вопли.

« Злый Аполлонъ! на шо ли самъ ты Омпру

« На ухо сладостно пѣлъ безсмертныя пѣсни,

« Дѣбы скипалецъ, слѣнецъ, безъ крова и пицы,

« Жить онъ незнаемъ, родися и умеръ безвѣстенъ?

« Всеу прѣла ты даръ красоты отъ Киприды,

« Сяро пѣвица! Музы сей даръ отправили :
 « Юноша гордый пѣвицы безсмертной не любитъ ,
 « Съ дѣвой просной онъ дѣлать ложе Гимена ;
 « Твой же брашней одръ пучина Левкада .
 « Брашней Эхиль ! напрасно на камнѣ чужбины
 « Минишь упокоишь главу, обнаженную Хрономъ :
 « Съ смертию въ когнитъ орель надъ нею кружиши .
 « Спарецъ Софокль ! умирай, пль несчастливый Эдипа
 « Въ судъ повлечешься дѣньми , прославленъ безум-
 нымъ .

« Пастъ великихъ примѣровъ , себя ли напомию ?
 « Кромѣ чесни , всѣмъ я жернивать Музамъ ;
 « Чшо жъ мнѣ наградою ? зависнь , худа и забвенье .
 « Тицешю въ утѣху друзья твердятъ о попомствѣ ;
 « Люди шѣ же всегда ; срываютъ охотно
 « Слвръ съ недоснойной главы , но рѣдко вѣщаютъ
 « Терномъ зароспшую мужа благого могилу .
 « Музы ! просните на вѣкъ ; соха Тришполема
 « Впередъ да замѣнитъ мнѣ вашу измѣнницу лиру .
 « Здѣсь въ пустынь нѣтъ безумцевъ-помощъ ;
 « Здѣсь безвредно вѣсѣтъ ей можно на дубѣ ,
 « Чадамъ Эола служба и вѣбѣри ихъ пѣсни . »

Сѣшуя , шакъ вѣщала Евдоръ благородный ,
 Сынъ Полимаха вожда и лѣной Дориды ,
 Дичери Порфирія , славнаго чесноснью спарца .
 Предки Евдора издревле въ дальнемъ Эширѣ
 Жили , между Додонскаго вѣщаго лѣса ,

Града Вуероша, и мершвыхъ водъ Ахерузы;
 Двое, братья родные, подъ Трюю ходили:
 Старшій умеръ отъ язвы въ брани суровой,
 Съ Неоптолемомъ младшій домой возвратился;
 Дѣши и шуки ихъ всѣ были ратные люди.
 Власнь когда утвердилась владыкъ Македонскихъ,
 Вождь Полимахъ царю-полководцу Филиппу,
 Самъ же Евдоръ служилъ царю Александру;
 Съ нимъ отъ Пеллы прошелъ до Индѣйскаго моря,
 Бился въ многихъ бояхъ, но духомъ незлобный,
 Мирой въ груди заглушалъ военные крики;
 Плъ отъ отъ сердца, и часточечельными слезы
 Тихо лился изъ очей поварящей ратныхъ,
 Молча сидящихъ вокругъ и внимающихъ пѣсни.
 Самъ Александръ въ Дамаскъ, на пирѣ вечернемъ
 Слушалъ его, и почпилъ неслесной хвалою;
 Вѣрно бы Царь наградилъ его даромъ богатымъ,
 Если бъ Евдоръ попросилъ; но просьбъ онъ чуждался.
 Послѣ жъ, какъ славою дѣлъ ослѣпясь, побѣдншель,
 Каппа убивъ, за правду казнивъ Камиссена;
 Сердцемъ вражду на вѣрныхъ своихъ Македонцѣхъ,
 Юныхъ лишь Персовъ любилъ, питомцевъ послушныхъ,
 Первыхъ сподвижниковъ прочь отдала безполез-
 ныхъ,
 Бѣдный Евдоръ укрѣлся въ наслѣдіе предковъ.
 Мечъ свой и щипъ повѣсивъ на гвоздь для покоя,
 Къ сельскимъ шрудамъ непривыкшій, мирой любезной

Мнилъ онъ наполнить всю жизнь и добыть себѣ
славу.

Льстясь надеждой, предсталъ онъ на играхъ Элады:
демонъ враждебный привелъ его! правда: съ вни-
маньемъ

Слушать народъ, въ погolosа хвалыныя рѣчи
Тупѣ раздавались и шамъ, и дважды и трижды
Пескъ внезапный гремѣлъ; но судьи пошловъ
Важно кивали главою, пожимали плечами,
Сердца досаду скрывая улыбкой насмѣшной.
Жесткимъ и грубымъ казалось имъ пѣнье Евдора.
Новыхъ поэтовъ поклонники судьи нѣ были,
Конми славиться началъ градъ Писолемея.

Юноши нѣ предпечей великихъ не чинили;
Нагъ быть въ глазахъ ихъ Омръ, Эсхилъ не ис-
кусенъ,

Слабъ дарошаньемъ Софокль и разумомъ Пиндаръ;
Другъ же друга хвали, и до звѣздъ величал,
Юноши (семь ихъ числомъ) назывались Пелдой.

Въ нихъ уважалъ Евдоръ одного Феокриша.
Судьи съ обидой ему въ нѣнцѣ ошказали;
Онъ, не желая враговъ печалю нѣшнншь,
Скрылся отъ нихъ; но въ дальнемъ, дикомъ Эпирѣ,
Сидя у берега рѣки, одинъ и прискорбенъ,
Жалобы вслухъ возсылалъ на Музъ и на Фива.

Ночь разсвѣтила межъ нѣмъ свнщенныя мраки,
Лучъ вечерней зари на западъ меркнулъ,

Въ небѣ безоблачномъ рѣдкія искрились звѣзды,
 Въспрѣ благовоный дышалъ изъ кустовъ, и порою
 Скрытые въ гущѣ вѣншей соловьи окликались.
 Боги ушными жалобный голосъ Евдора,
 Эрміи надъ нимъ повесть жезломъ благопворнымъ,
 Сномъ ошягчлася глава и склонилась на ramo.
 Дщерь Мнемозины, богиня шюгда Калліона
 Легкимъ полешомъ снеслася оцъ высокаго Цинда;
 Образъ пріемлетъ она молодой Эгефоны,
 Дѣвы прелесивной, Евдоромъ сврасивно любимой
 Въ юные годы. Съ нею оцъ сядосиъ Гимена
 Думалъ вкуситъ; но смерни гений суровый
 Дхнулъ на нее, и рано дѣва угасла:
 Скромной подобно лампадѣ, на ночь зажженной
 Въ хижинѣ честной жены, пресшардой вдовицы;
 Съ помощью дочерей, она при свѣщѣ лампы
 Щелкомъ и зашномъ свѣтлнннѣ доинвалъ покрывало,
 Рѣдкій уборъ, заказанный царекой супругой,
 Коего плаша зимой ихъ прокормитъ семейство:
 Долго ируданси оцъ; когда жъ предъ разсвѣтомъ
 Третій пѣшелъ всноениъ, хозяйка онасно
 Тушитъ огонь, и дщери ко сну съ ней ложились.
 Радосиъ семейства, юношей свѣтъ и желанье,
 Такъ Эгефона, улы пачезла для друга,
 Въ сердцахъ оспавивъ его незабвенную память.
 Часно сражений тѣ пылу объ ней оцъ нежданно
 Вдругъ вспоминая, и сердце въ немъ билось смѣло;

Часно, ставя на апрѣ боготь и просвь,
 Пма ея изъ усщъ излещамъ невольню;
 Часно и въ снахъ оиъ видѣтъ любимую дѣву.
 Въ точный образъ ея богини облекшись,
 Спаса предъ снахъ: въ алой, какъ маки, одеждѣ,
 Розы румянцемъ свѣжѣмъ рдѣнсь лавины;
 Свѣшныя кудри висѣть по плечамъ обнаженнымъ,
 Бѣлымъ, какъ снѣгъ; и небу подобныя очи
 Введши къ нему, шакъ молеща голосомъ сладкимъ:

« Милый, не снуй напрасно; жалобой сирогой
 « Долженъ ли ты винить боготь благодарныхъ?
 « Фива и чистыхъ сестрь Шеридъ шемновласыхъ?
 « Ихъ ли вина, что шернишь ты мисль скорби?
 « Вясный Хронидъ по волѣ своей нецѣпильной
 « Благо и зло изъ урнъ роговыхъ изливаетъ.
 « Вина ли роишь ты на скудость снахъ?
 « Лавръ Гемкона, ты зная, бесплодное древо;
 « Въ шокъ Пермесскомъ не льщелъ злошю Накнола.
 « Злата цѣпань ты могъ бы, какъ щунть другіе,
 « Сѣпо скупа спросилъ бы богатыхъ и сильныхъ...
 « Вижу, ты движешь усна, и гнѣвъ благородный
 « Выпихнулъ огнемъ на чель... о другъ, успокойся
 « Я не къ порочнымъ дѣламъ убѣждаю Евдора;
 « Я лишь желаю спросить: онколь возникнулъ
 « Въ сердцѣ швомъ сей жаръ къ добродѣтели сирогой:
 « Ненавидишь къ злу, и къ низкой лести презрѣнъ?
 « Кцо освещалъ швою душу? — чистыя Музы.

- « Съ дѣлства божественныхъ ичелъ пишанси ме-
домъ ,
- « Лепешомъ опрока вшори высокія пѣснѣ ,
- « Очи и слухъ вперивъ къ холмамъ Аоніскимъ ,
- « Горнихъ благъ ищи , ны долыи презрѣтъ :
- « Такъ , если вѣршь унизилешъ , въ озеръ свѣпломъ
- « Сягунъ на дно песокъ и осирые камни ,
- « Въ зеркалѣ водѣ играешъ новое солнце ,
- « Спрашникъ любуешси пѣть , и зноешъ помитый ,
- « Въ чисныхъ спружъ ушолешъ пашую жажду .
- « Кшо укрѣплялъ себя въ бѣдешвахъ , въ ударахъ
судбины ,
- « Въ горькой измѣнѣ друзей , въ упратѣ любезныхъ ?
- « Кшо врачевалъ шои раны ? — дѣвы Парисса .
- « Кшо въ далекихъ справахъ , во брани платковой ,
- « Душу мерившицей видомъ кровей и пожаровъ ,
- « Ярыя чувства крошилъ , и къ стону спрадѣльцевъ
- « Служъ ушлялъ ? — ошъ жъ , Аонды благіи :
- « Пешой подобно кормилцѣ , ласковой пѣснью
- « Сонъ наводящей и миръ больному младенцу ,
- « Кшо же и нынѣ , о другъ , въ земѣ полудикой ,
- « Мглою покрытой , съ областью Анда свѣжной ,
- « Чарой мечны явленъ очамъ вознищеннымъ
- « Роскошь Темпейскихъ луговъ и величье Олимпа ?
- « Всемъ обязанъ ны имъ и счастливы лишь мы .
- « Судыи лишили вѣнца ! ушѣнъся , любезный :
- « Мидъ суди осудилъ самого Аномона .

« Или безъ вѣщевъ ихъ нѣсть награды поэту ?

« Ахъ! въ неизданный часъ, какъ гений незримый

« Движенся въ пещь и двоинтъ сердца бѣсна,

« Окомъ объема вселенной красу и просираешю,

« Ухомъ въ себѣ внимаю волшебное пѣше,

« Жизнию полнѣ, подобной жизни безъ мерныхъ,

« Счастливъ пѣвецъ, счастливейшій всѣхъ челове-

ковъ.

« Если Хронъ, ошъ вассовъ облакающій пема,

« Въ сердцѣ еще не убилъ священныхъ воспоговъ,

« Ной, Евдоръ, и хвался щедрошамъ Фива.

« Или... спросишь: безопаснѣ Музы не любить.

« Горе пѣцу, ошъ кого онераплена богиня!

« Тщешно, разкась, захоченъ призванъ ихъ об-

ранно:

« Къ неблагодарнымъ глухи небесная дѣвы. »

Смокла богиня, и бѣлымъ завѣсая покровомъ,

Скрылась ошъ глазъ. Евдоръ, возиревоженъ ви-

дѣшемъ,

Руки къ нему просираетъ, и съ успиетъ шяжкимъ

Сонъ разогнавъ, вскочилъ и кругомъ озирался.

Робкую шумомъ спутнулъ ошъ съ гнѣзда голубицу;

Порхнула вдругъ, и скдошь часныя пѣшви спасался,

Краемъ коснулася крыла висащя мры;

Звонъ по струнамъ пробѣжалъ, и эхо дубрашы

Сребранный звукъ стеманемъ во шемъ повнорило.

« Боги! » Евдоръ воскликнулъ, « сонъ ли я видѣлъ ?

* *

« Тщепный ли призракъ, почное созданье Морфея,

« Или сама явилась мнѣ здѣсь Эгеона ?

« Образъ я видѣть ея и гласъ ея слышалъ ;

« Лица узнала ее и запыла ; но шны

« Могутъ ли всплыть приходивъ оныя полей Перзе-
фоны ?

« Развѣ одна изъ богинь, несчастнымъ ушныныхъ ,

« Въ мѣлкій мнѣ лнкъ облекаетъ, Харитлатъ подоб-
нымъ ?

« Разумъ колеблется мой, и рѣшить я не смѣю ;

« Волю жъ ея я долженъ исполнить свящую. »

Такъ оны сказала, и лиру оповѣстъ оны дуба,

Пусть направилъ въ свой домъ, молчанью и задум-
чивъ.

Катеникъ.

Э Р М И Н И Я.

(Сельская элегія.)

И счастье знала, тебя, Эрминія, не знала!
Ахъ, дней моихъ зря безоблачно юнца! —

Явилась ты, звезда роднаго края,
И огонь любви въ груди моей зажгла.
Зачѣмъ, зачѣмъ ты мнѣ явилась?
Зачѣмъ разрушила души моей покой?
Зачѣмъ такъ быстро удалась
И сердце юноши умчала за собой?

Тоскою безъ тебя — мнѣ дуть родимый вѣсень —
Мнѣ опознать рожка веселый звукъ;
Я болю по пою на нивѣ звонкихъ вѣсень,
И выпалъ свѣтлый серпъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.
Пролады не ищю въ густой дубравной сѣни,
И дни мои текутъ подъ бременемъ шоски,
Какъ шрепечивый ручей безъ живописной тѣни,
Успалою струей каннадійся въ нескы.

Брожу одинъ, уныніемъ обляпный;
 Нищу сладость швоихъ среди зловыхъ полей;
 Найдю ли всплещъ, снопои швоей изманный —
 И слезы крупныя помянутся изъ очей.
 Въ вечерній, тихій часъ сижу на мшистомъ валѣ;
 На мигъ забудуся, и улечусь мечной, —

Твой образъ въ бѣломъ покрывалѣ
 Съ улыбочю любитъ зрѣвшися надо мной.

Ахъ, засыпаетъ я, когда и въ сновидѣннхъ
 Увижу ангела печальныхъ дней моихъ —

Когда со мною ты, когда одно мгновенье

Пью сладкое дыханье уснѣ швоихъ,

Оставь, Эрминія, высокія хоромы,

Сойди, сойди въ смиренный мой пріютъ:

Здѣсь вьенса плющъ по кровлѣ изъ соломы,

И розы дикія и жимолость цвѣтунтъ;

И липа разрослась и запахъ разливаетъ, —

Ужь пашую весну поестъ въ ней соловей;

Черемуха въ цвѣтахъ, и сладко усыпаваетъ

Журчащій подъ окномъ серебряный ручей.

Но все не для меня! Я жертва спрасни бурной!

Явился ты, души моея кумиръ:

И для меня заблещетъ сводъ лазурный,

И для меня воскреснетъ райскій миръ.

П. Ободовскій.

НЕ НАША СТОРОНА.

Какая мнѣ явилась спорона!
 Какъ въ ней торжественна свѣтлая пианина,
 Какъ въ ней царскаго чертога.
 Межъ скальныхъ горъ послышалась дорога
 И зелень яркая гусна на швахъ горахъ,
 И свѣжестъ чудная оиъ зелени той вѣсть:
 Оиъ ней душа вграснѣ и свѣтлѣеть....
 Но что, въ пиани, по скапамъ горъ блѣдетъ?
 То Ангелы!... Они живутъ въ своихъ садахъ;
 А человекъ идетъ широкой по дорогѣ.
 Свѣтите! бросьте мнѣ цвѣтокъ
 Или завѣтную примѣну,
 Чинюбъ я, безъ воляди, одинокъ,
 Не потерплю пунитъ къ возвышенному свѣту!
 Но вопль гармоніи незримой слышна:
 Земной зовещя небесами.
 Каблѣтъ давными, свѣтлыми голосами
 Наполнилась сія свѣтлая спорона!

Они, какъ шелковое мреже,
 Всѣ чувствива ловить къ сладкій плясъ.
 О, лейся, лейся въ душу свѣжеснъ
 Опъ снхъ лѣвыхъ, зеленыхъ стѣлъ!

Среди стущеннаго, нищанельнаго сѣсна,
 Среди дивной зелени и чудной бѣлзны,
 Умомъ, душой, я твою блаженство сей спраны,
 Какъ сладкіе спитки высокого поина.

Но гдѣ жь она, сія спрана?

Напрасно просширано руки:

Неуловима, какъ сонъ, какъ звукъ,
 Какъ сны, какъ сладоснъ струнъ, существова она!

Ф. Глинка.

П О Э Т Ъ.

(Сонетъ.)

Не въ тѣсной юдоли земныхъ своихъ браній
 Пылецъ вдохновенный душою гостиницъ:
 Вздвлянный небомъ, онъ къ небу паритъ
 И алетъ высокихъ духовныхъ завнпій.

На дошъ раздорномъ стихійныхъ зачатій ,
 Гдѣ громы рокочутъ , гдѣ бездна кипитъ ,
 Пѣлецъ зачатъ въ буряхъ и молнией поитъ
 На полномъ просторѣ небесныхъ объятий.

И неба глаголы , бѣжа по спиредамъ ,
 Звучашъ про земное его назначенье ;
 Но только надвигаетъ святое мгновеніе —
 Ошибажно доверась могучимъ крыламъ ,
 Въ перунахъ утѣшилъ познѣ къ небесамъ
 И съ ангельскимъ ликомъ сольетъ свое пѣнье.

М. Деларю.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

(Руская идиллія.)

—*—

СОЛДАТЪ.

Нѣтъ , не звезда мнѣ изъ лѣсу свѣтила :
 Какъ звѣздочка , манитъ меня чашъ цѣлый

Огонь вашъ , браицы ! Кашницу себѣ
Для ужина варите ? Хлѣбъ да соль !

П а с т у х и .

Спасибо , служба ! Хлѣба кушать .

С о л д а т ь .

Быль такъ ,

Благодарю васъ . Я узналъ порядкомъ !
Ну , косными мои , вамъ роздыхъ ! Рядомъ
Я на праву васъ положу и подѣ
Присяду самъ . Да , верситъ янашадцать
Ушелъ я въ вечеръ .

1й . П а с т у х ь .

А идешь ошкуда ?

С о л д а т ь .

А изъ Липвы , изъ Виленской больницы .
Вонъ какъ изъ мапушки-России ладно
Мы выгнали госней незваныхъ — я
На первой заграничной перестрѣлкѣ ,
Бѣда такая , безъ ноги остался !
Товарищи меня снащими въ Екльну ;

Съ годъ лекаря и тѣмъ и сѣмъ лечили
И вонъ какимъ злоды опустели.
Теперь, на косылахъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2й П А С Т У Х Ъ .

На, руку, обопришь! Да не стода,
А на шудуль разкашунный ложись!

С О Л Д А Т Ъ .

Спасибо, другъ, Господь шебѣ заманилъ! —
Ахъ, брашцы! Чино за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ знонѣ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣть я, въ волю надыхавшисъ
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухъ родномъ, какъ рыбка
Въ рѣкѣ спуденой! Въ царешвахъ многихъ былъ я!
Попробовать вездѣ весны и мѣна!
Въ пиняхъ краяхъ земли благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральна —
И дорого и чудно, да не мило,
Не шакъ, какъ шунтъ! Здѣсь цѣлымъ шѣломъ ды-
шешь,
Здѣсь всѣ суспанники въ себя впиваютъ
Просной, по сладкій, пенный воздухъ; словомъ,
Здѣсь вѣжишся, какъ въ банѣ старыхъ баръ!

И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хоробѣ.

3й П А С Т У Х Ъ.

И мы бѣ, землякѣ, играли не опоздали!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Снадо жь
Покинушь безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ бышь! Но вошь и канцѣ посѣла!
Перекрестися, примемъ за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебѣ не клонитъ,
То расскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
И чай, гдѣ бывалъ ты, все выдать!
И домовыхъ, и водяныхъ, и дѣвчухъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелъ съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбѣить
Крючекъ или гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

С О Л Д А Т Ъ.

Вздоръ мелень, малый! Уши вступѣ! Полно!
Снаружи врупѣ намъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черни
Крещеному солдату захопѣть
Предсавившесь? Да пыпѣ жь человекѣ

Духавый бѣса! Нѣтъ, другое чудо
 И видѣть, и не въ ночь до пѣнуховъ,
 Но днемъ оно предъ нами совершилось!
 Вы слышали ль, какъ заснулъся Богъ
 За православную державу нашу,
 Какъ сжался Онъ надъ Москвой горщей,
 Надъ бѣдною землею, не посьвома,
 А вражьи ми ванагами покрышой —
 И раннюю зиму послать намъ въ помощь,
 Зиму съ морозами, какіе только
 Въ Никомашъ день, да около Крещенья
 Трещаншъ и за щекы и уши щиплюншъ?
 Свѣжо намъ стало, а Французамъ туго!
 И жаско и смѣшно пхъ даже вспоминачъ!
 Окущались оншъ стужаи, чѣмъ могли,
 Кшо шинной душегрѣйкой, кшо лахмопьемъ,
 Кшо ризою поповской, кшо рогожей,
 Убращьсь всѣ, какъ свѣточныя хари,
 И ну бѣдаснь скорѣе изъ Москвы!
 Не далеко ушли же. На дорогѣ
 Морозъ схватилъ ихъ и заславилъ ждаснь
 Дня суднаго на мѣснѣ преступленья:
 У Божьей церкви, ими оскверненной,
 Въ разграбленномъ анбарѣ, у села
 Сожженнаго ихъ буйствомъ! — Мы, бывало,
 Окончивъ трудный переходъ, спадимъ,
 Какъ здѣсь, вокругъ огня и вѣрнемъ щи,

А около лежатъ, какъ это смѣло,
 Замерзлые Французы. Какъ лежатъ!
 Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
 Подумать бы, живые на бивахъ
 Комедію ломали. Топить ушкнулся
 Въ коспери гораций головой, топтъ лошадь
 Взвизгивать, какъ шубу, на себя, другой
 Ея копытно таскаетъ; шь жь, какъ братья
 Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
 Возвзвал, какъ враги!

П а с т у х и.

Ухъ! страшно, страшно!

С о л д а т ь.

А между шѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
 Вошь какъ шенерь, и тамъ гремитъ, и тамъ
 Прозвизгиваетъ на морозъ; отворсюду
 Везуть пзвѣспя о побѣдахъ въ Пинерь
 И въ обгорѣлую Москву.

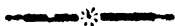
1й П а с т у х ь.

Э, братьцы,
 Смотрите, вотъ и къ намъ шележка скачетъ,
 И офицеръ про что-но лещику

Э Р М И Н И Я.

(Сельская элегія.)

И счастье звалъ, тебѣ, Эрминія, не зналъ!

Ахъ, дней моихъ заря безоблачно взошла! —

Явилась ты, звезда роднаго края,

И огонь любви въ груди моей зажегла.

Зачѣмъ, зачѣмъ ты мнѣ явилась?

Зачѣмъ разрушила души моей покой?

Зачѣмъ такъ быстро удалась

И сердце юноши умчала за собой?

Тоскую безъ тебя — мнѣ лугъ родимый нѣсенъ —

Мнѣ опостыль рожка веселый звукъ;

Я боль не пою на нивѣ звонкихъ нѣсенъ,

И выпалъ свѣтлый серпъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.

Пролады не ищу въ густой дубравной сѣни,

И дни мои текутъ подъ бременемъ шоски,

Какъ шрепелный ручей безъ животворной тѣни,

Успалою струей кашалѣйся въ пески.

Брожу одинъ, унынѣвъ обильнѣй;
 Нищу сладовъ швоихъ среди зловыхъ полей;
 Найду ли василекъ, спонной швоей измяный —
 И слезы крупныя польются изъ очей.
 Въ вечерній, тихій часъ сажу на мшищомъ валѣ;
 На мигъ забудуся, и увлекусь мечной, —

Твой образъ въ бѣломъ покрывавѣ
 Съ улыбкою любви промчится надо мной.

Ахъ, счастливецъ я, когда и въ сновидѣннхъ
 Увижу ангела печальныхъ дней моихъ —

Когда со мною ты, когда одно мгновенье

Пью сладкое дыханье уснѣ швоихъ.

Оставь, Эрминнн, высокнн хоромы,

Сойди, сойди въ смиренный мой приютъ:

Здѣсь вьшса плещь по кровлѣ изъ соломы,

И розы днкнн и жимолость цвѣтушъ;

И липа разрослась и запахъ раздмивалеть, —

Ужъ пншную весну поешъ въ ней соловей;

Черемуха въ цвѣнахъ, и сладко усыпленеть

Журчащнй подъ окномъ серебряный ручей.

Но все не для меня! Я жерщва спраснн бурной!

Явился ты, души моей кумиръ:

И для меня заблещеть сводъ лазурный,

И для меня воскресеть райскнй мнръ.

П. Ободовскнй.

НЕ НАША СТОРОНА.

Какая мнѣ дѣлалась сторона!
Какъ въ ней порожесивенна святая нишина,
Какъ въ шайнѣ царскаго чертога.
Межъ скачныхъ горъ послышалась дорога
И зелень яркая гусна на шѣхъ горахъ,
И свѣжеснѣ чудная онгъ зелени шой вѣсть:
Онгъ ней душа играеть и свѣдѣеть....
Но чню, въ шнши, по скацамъ горъ бѣдѣть?
То Ангелы!... Они живутъ въ своихъ садахъ;
А человекъ идетъ широкой по дорогѣ.
Святые! бросьте мнѣ цѣшокъ
Или завѣшную примѣну,
Чтобъ я, безъ вѣдѣя, одинокъ,
Не потерялъ пуши къ возвышенному свѣту!
Но вопъ гармоніи незримая слышна:
Земный зовешся небесами.
Кашитъ дивными, свѣлыми голосами
Наполнилась сія святая сторона!

Они, какъ шелковое мреже,
 Вся чувствива лобань въ сладкій яльнъ.
 О, лейся, лейся въ душу свѣжестъ
 Онь сихъ ливныхъ, зеленыхъ снѣнъ!

Среди стуженного, пшашаепаго сѣна,
 Среди дивной зелени и чудной близины,
 Умогъ, душей, я пшо блаженство сей страны,
 Какъ сладкіе спитки высокаго поля.

Но гдѣ жь она, сія страна?

Напрасно проснирано руки:

Неудовима, какъ сонъ, какъ звукъ,
 Какъ сна, какъ сладость струнъ, существова она!

Ө. Глинка.

П О Э Т Ъ.

(С о н е т ъ .)

Не въ тѣсной юдоли земныхъ своихъ браній
 Пивецъ вдохновенный душою гостиницъ:
 Взмелѣянный небомъ, онъ къ небу паритъ
 И ачешъ высокыхъ духовныхъ зачатій.

На лощь раздорномъ стихійныхъ зачатій ,
 Гдѣ грома рокочутъ , гдѣ бездна кипитъ ,
 Плъвецъ зачатъ въ буряхъ и молнией повитъ
 На нольномъ просторѣ небесныхъ объятий.

И неба глаголы , бѣжа по спировамъ ,
 Звучашъ про земное его назначеніе ;
 Но нѣмко надмѣненъ святое мгновеніе —
 Опытно дошрась могучимъ крикамъ ,
 Въ перуцахъ умиши познѣ къ небесамъ
 И съ ангельскимъ ликомъ сольещъ свое пѣнье.

М. Деларю.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

(*Руская идиллія.*)

С О Л Д А Т Ъ .

Нѣтъ , не звезда мнѣ изъ лѣсу свѣтила :
 Какъ звездочка , машель меня часть цѣлый

Огонь вашъ , брашцы ! Кашницу себѣ
Для ужина варише ? Хлѣбъ да соль !

П А С Т У Х И .

Спасибо , служба ! Хлѣба кушать .

С О Л Д А Т Ъ .

Быль такъ ,

Благодарю васъ . Я усналь порядкомъ !
Ну , косылки мои , вамъ роздыхъ ! Рядомъ
Я на траву васъ положу и подѣл
Присиду самъ . Да , верснѣ вышадцнъ
Ушелъ я въ вечеръ .

И . П А С Т У Х Ъ .

А идешь ошкуда ?

С О Л Д А Т Ъ .

А изъ Лишвы , изъ Виленской больницы .
Вонъ какъ изъ мапушки-Россiи ладно
Мы выгнани госней незваныхъ — я
На первой заграничной перестрѣлкѣ ,
Бѣда такая , безъ ноги оснался !
Товарищи мои снащиди въ Ельну ;

Съ годъ лекаря и шѣмъ и сѣмъ лечили
И вонъ какимъ злоды опустили.
Теперь, на косылахъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2й П А С Т У Х Ъ.

На, руку, обопрись! Да не сюда,
А на шупуль разкшунный ложись!

С О Л Д А Т Ъ.

Спасибо, другъ, Господь шебъ зацѣлитъ! —
Ахъ, бранцы! Чшо за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ знонѣ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣть я, въ волю надынавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухъ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царсинахъ многихъ былъ я!
Попробовать вездѣ весны и лѣна!
Въ иныхъ краяхъ земли благоухаетъ,
Какъ въ свѣшлый праздникъ ружка генералитъ —
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ шупуль! Здѣсь цѣлымъ шѣломъ ды-
шешь,

Здѣсь всѣ суславники въ себя вшиваютъ
Просной, но сладкій, шенный воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжнисься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!

И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хоробѣ.

3й П А С Т У Х Ъ.

И мы бѣ, землякѣ, играли не опикались!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Снадо жь
Покинушь безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ бышь! Но вонъ и кашница пошла!
Перекрестиси, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебѣ не каинишь,
То расскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
И чай, ведь бывалъ ты, все видѣлъ!
И домовыхъ, и водныхъ, и дѣвицъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбѣить
Крючекъ или гвоздь и свой кафшангъ повѣсить.

С О Л Д А Т Ъ.

Вздоръ мелень, малый! Уши ватушь! Полно!
Снаружи врупъ намъ, грѣсь на печи,
А вы имъ вѣрше! Какіе черни
Бреценому солдану захотѣтъ
Предсавишься? Да выпѣ жь человекъ

Дукавий бѣга! Нѣтъ, другое чудо
 И видѣвъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
 Но днесь оно предъ нами совершилось!
 Вы слышали ль, какъ заснулъся Богъ
 За православную Державу нашу,
 Какъ сжалъся Огъ надъ Москвой горящей,
 Надъ бѣдною землею, не поспѣвъ,
 А вражьиими ванагами покрышой—
 И раннюю зиму послать намъ въ помощь,
 Зиму съ морозами, какіе только
 Въ Николинъ день, да около Крещенья
 Трещать и за щеки и уши щиплютъ?
 Свѣжо намъ спало, а Французамъ туго!
 И жакко и смѣшно пѣть даже вспоминая!
 Окуцались онѣ спужа, чѣмъ могли,
 Кию шинной душгрѣйкой, кию лахмольемъ,
 Кию ризою поповской, кию рогожей,
 Убранъсь всѣ, какъ сѣночныя хари,
 И ну бѣжали скорѣе изъ Москвы!
 Не далеко ушли же. На дорогѣ
 Морозъ схватилъ ихъ и заснавилъ жадавъ
 Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
 У Божьей церкви, ими оскверненной,
 Въ разграбленномъ анбарѣ, у села
 Сожженного ихъ буйствомъ!— Мы, бывало,
 Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
 Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,

А около лежатъ, какъ это смѣло,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумаю бы, живые на бивачъ
Комедию ломануть. Тонгъ ушкнулся
Въ косперъ горлицей головой, тонгъ лошадей
Взямалъ, какъ шубу, на себя, другой
Ея коньши гложетъ; шъ жъ, какъ братья
Обнялись крѣико, и другъ въ друга зубы
Вовзлял, какъ враги!

П а с т у х и.

Ухъ! страшно, страшно!

С о л д а т ь.

А между шѣмъ, курьерскій колокольникъ,
Бошъ какъ шеперь, и шамъ гремитъ, и шамъ
Прозвукнетъ на морозъ; опорсуду
Везунтъ извѣспя о побѣдахъ въ Пинеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1й П а с т у х ь.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ шележка скачетъ,
И офицеръ про что-но лѣщику

Кричишь, ямщикъ ужь держишь лошадей ;
Не спросишь ли о чемъ насъ ?

С О Л Д А Т Ъ .

Помоги

Мнѣ встать: солдату выпянувшись надо . . .

О Ф И Ц Е Р Ъ (подъжавъ).

Огни, ребята, закуришь мнѣ трубку !

С О Л Д А Т Ъ .

Въ минуточку, Ваше Благородье !

О Ф И Ц Е Р Ъ .

Ба !

Товарищъ, ты какъ здѣсь ?

С О Л Д А Т Ъ .

Къ жень и сестрамъ

Домой шагуся, Ваше Благородье !

За рану въ широкую уволень !

О Ф И Ц Е Р Ъ .

Съ Богомъ !

Снеси жь къ своимъ хорошее извѣстье :

Мы кончили войну въ снолицѣ враждей ,

Въ Парижѣ Рускіе отместили честно

Пожаръ Московскій ! Ну, просни , товарищъ !

С О Л Д А Т Ь.

Прощенья просимъ, Ваше Благородіе!

(Офицеръ увъзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Онъ нынѣ и во вѣки буди! Воишь какъ
Господь утѣшилъ нашушку-Россію!
Молились, бранцы! Божья чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно!

Баронъ Дельвингъ.

С П А С И М Е Н Я.

Захвѣвъ въ душѣ моей волненье,
И страхъ, и радость, и мечны?
И видѣть милое шворенье,
И видѣть дивныя черны.
Ихъ упоительной красою
Горжусь, люблюсь, мучусь я...
Хранитель-Ангель! будь со мною!
Спаси меня! спаси меня!

Мнѣ ль душу воздержашь младую
 Отъ нѣжныхъ умысловъ любви?
 Я ль, хладомъ думъ, воспоржесивуи
 Надъ жаркой бурей крови!
 Спаси меня, надеждой сираспной
 Я, какъ недугомъ воспасишь
 И предъ могуществомъ прекрасной
 Моя душа безъ обороны!

Она — звезда: ей нѣтъ подобья!
 Неуловима въ ней краса!
 Какъ мило смотритъ изъ подлобы
 Ея прелестные глаза!
 Какъ живо грудь ей пренесенъ!
 Какія розы на ухахъ!
 И, розъ амій, какъ нѣжно блещенъ
 Сидиливоспъ на ея щекахъ!

Ужь весь я полонъ дѣвы милой —
 Ея мысли дня и памяти сна,
 И лиры звукъ и вдохъ унылой,
 Досугъ и шрудъ — вездѣ она!
 Я увлеченъ ея звездою...
 Стою надъ бездною... гибну я...
 Крапшнелъ-ангель! будь со мною!
 Спаси меня! спаси меня!

В.

Февр. 1839.

З И М Н И Й В Е Ч Е Р Ъ .

Буря мглою небо кроетъ ,
Вихри снѣжные крутя :
То, какъ звѣрь, она завоеетъ ,
То заплачетъ , какъ дитя ,
То по кровль облетившай
Вдругъ соломой зашумитъ ,
То, какъ пушинокъ запоздалой ,
Къ намъ въ окошко застучитъ .

Наша вѣшная лачужка
И печальна и немна. —
Что же ты, моя спарушка,
Приумохла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, упомена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего вершеня ?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горы; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй,
Спой мнѣ пѣсню, какъ сница
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой пошуря шла.

Бури мглою небо кроешъ,
Вихри свѣжые крутя:
То, какъ зѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горы; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

А. Пушкинъ.

ВЪНЧАЛЬНЫЙ ОБРЯДЪ.

Ты поблѣднѣла, другъ печальный,
 И пивъ своихъ ланипныхъ розъ!
 И помню: пронутый до слѣзъ,
 Я видѣлъ твой обрядъ вѣнчальный!
 И я вблизи тебя стоялъ!
 Народъ движенемъ безпокойнымъ
 Мое вниманье развлекалъ,
 И съ любовнымъ исповомъ неприспоинымъ
 На дѣву милую впралъ.
 Белкомѣнная невѣста,
 Ты, осленная вѣнцомъ,
 Казалась райскимъ существомъ!
 «Ея ушныя не у мѣста,
 Ея печаль — жеманный вздоръ!»
 Шепшалъ насмѣшниковъ сборъ,
 Меня перзалъ твой видъ унылой,
 Твоихъ очей померкшій свѣтъ, —

И я насмѣшкамъ въ опивѣхъ :
 « Не осуждайте дѣвы милой :
 Она слышитъ слезы льютъ !
 Скажите : чинъ обрядъ вѣнчальный ?
 Огъ только ангела исходитъ
 Изъ рай дѣвства въ мѣръ печальный ! »

Баронъ Розень.

ВЪ АЛЬБОМЪ К. П. У — ВОИ.

Если дивный духъ : онъ воздухъ жженъ дыханьемъ
 И въ глубину земли проникнуть огъ :
 Когда въ грудь колышется мечпашемъ ,
 И въ дѣвы взоръ огнемъ воспламенитъ :
 Огъ блзковъ , онъ лешаетъ надъ глазами ,
 Когда уста сдвзаются съ уснами ! —

Какъ шѣлка благоухане ,
 Такъ свѣжо его дыхане ! —
 Очи , полныя слезой ,
 Какъ лица голубая

Въ часъ, когда зефиръ, играя
 Закольшесть надъ водой! —
 Духъ летаетъ надъ главами
 Въ часъ, когда взойдешъ луна
 И надъ спящими полями
 Тихо помеченъ она.
 И слезами спрасни сильной
 Смертный дивнаго зовѣшь:
 Слезы твѣ, какъ дождь обильной
 Съ загорѣвшихъ высотъ —
 Первымъ сердца пренешаньемъ —
 Какъ прервеня жизни сонъ,
 Первымъ радостнымъ свиданьемъ
 И разлукой мощишь онъ.

Ромцевъ.

Э Л Ь Ф А.

Лѣсъ. Погода.

С О В А.

Независимое свѣтло
Скрылось дальнею горой;
Мнѣ прийдесть мракъ ночной;
Широко разправлю крила
Пролечу между деревъ:
Пусть услышатъ мой напѣвъ
Надъ пустынною могилей.

Х О Р Ъ П Т И Ц Ъ.

Какъ хороше совы напѣвъ
Надъ пустынною могилей!

В О Р О Н Ъ.

Черенъ, какъ душа злодѣя,
 Въ часъ полночи вступаемусь,
 Выше лѣса подымаюсь;
 Съ длинныхъ крыльевъ хладомъ вѣя,
 Разсѣку ночную тьму,
 Сяду, крикну на дому
 Беззаботнаго злодѣя;
 Пусть вздрогнетъ онъ: жпшелъ скалъ,
 Черный воронъ прокричалъ.

Х О Р Ъ П Т И Ц Ъ.

Горе, горе! жпшелъ скалъ,
 Черный воронъ прокричалъ.

Э Л Ы Ф А.

Летите прочь; не пойте страшныхъ пѣсень.

С О В А.

Развѣ лѣтъ обширный пѣсень,
 Не мыка у насъ трава?
 Развѣ пѣть не могушь пѣсень,
 Черный воронъ и сова?

Хоръ птицъ.

Развѣ пѣть не можемъ пѣсень,
Мы, и воронъ и сова?

Воронъ.

Позабудь свое лаплатце,
Садъ, и песчрые цѣсны;
Льсь сама полюбишь ты;
Здѣсь у насъ и воздухъ чище
И темнѣй глухая ночь,
Эльфа, не летимъ мы прочь.

Орелъ.

Умолкнине, иплюмцы итлы,
Мѣ бысирый, какъ полетѣ стрѣлы
Изольюсь подъ громовыи гнучи,
Бѣдой надъ нами поплыву,
Сожму въ когтыхъ моихъ сову,
И на зеленую праву
Посылаю пухъ ея лепуций.

Воронъ.

На радость намъ дается ночи;
Орелъ, не полечу я прочь
До поздней, темной полуночи.

О р е л ь.

Молит, наперсникъ темношны !
 Я дерзко успрямлю очи
 Къ свѣщилу горней высоты,
 Близъ солнца гнѣзда я свиваю,
 Въ разкатахъ грома я пою,
 Браздой перуна обвиваю
 Главу безстрашную мою;
 Въ зарѣ купаюсь, и свободный
 Въ снегахъ надоблачныхъ парю;
 Такъ замолчи же, воронъ чёрный,
 Иль кровью перья обгарю. —

Х о р ь П т и ц ь.

Въ зарѣ купаеши орелъ,
 Небесный сводъ его удѣлъ;
 Изчадья почти, дѣлишь тымы,
 Передъ орломъ умолкнемъ мы.

(Улетаютъ.)

Э л ь Ф а.

О гдѣ мой рай, гдѣ свѣшлыя подруги,
 Сотканныя изъ радужныхъ цвѣтцовъ?
 Сладка ихъ жизнь, и сладки ихъ досуги.

Легче легкихъ мопыльковъ
 Эльфы вьются надъ поляной,
 Исчезаютъ въ вышннѣ
 И въ лучахъ зари румяной,
 Дружно рѣзвятся онѣ.
 Пища Эльфы, дыханье розы
 Ихъ одежда, шивки шнѣ;
 На лисикѣ, Авроры слѣзы
 Имъ купались въ жаркѣй день.

Рѣзвитесь; мнѣ не рѣзвитесь съ вами:
 Тяжелая лежнѣ на мнѣ вина;
 Хочу замахнуть эфирными крылами,
 Хочу лешнѣ, и смѣсь съ облаками, —
 И на землю влечетъ меня она!

О р е л ь.

Эфирная дѣла, напрасны спенанья:
 Масть лѣсъ безопивный не слышитъ тебѣ; —
 Лешнѣ слѣзы — ихъ жадно глотаетъ земля,
 Вдыхаешь, но громче совы завыванья
 И въперть пустынный, и говоръ ручья.

Э л ь ф а.

Подруги услышатъ; я знаю, онѣ
 Слышатъ надо мною въ ночной тишинѣ;

Я слышу ихъ пѣнье въ дрожащемъ листкѣ,
 Я вижу, ихъ очи блестящія въ ручейкѣ.
 Пусть вѣтры бушуютъ, пусть воетъ сова;
 Подруги мнѣ шепчутъ надежды слова.

ХОРЪ НЕЗРИМЫХЪ ЭЛЬФЪ.

Опчужденная опѣ рай,
 Плачетъ Эльфа молодая
 О жидищѣ свѣтлыхъ дѣвъ.
 Справедливъ Владыки гнѣвъ.
 Онъ сказалъ: пусть Эльфа сионетъ,
 Пусть во снѣ и на яву
 Слезы горесильныя ропшитъ
 На зеленую траву,
 На листки пусынной розы.
 Зарумянилася зари —
 И подыменъ дѣвы слѣзы
 Къ шрону вѣчнаго Царя.

Э Л Ы Ф А.

О, какъ мой слухъ лелѣетъ голосъ милый!
 Спустишеса, коснушеса насъ хочю;
 О дайте мнѣ божественныя крылы:
 Взовьюсь и полечу!

ХОРЪ НЕЗРИМЫХЪ ЭЛЬФЪ.

Не смертнымъ знать тайны природы,
 Въ удѣлъ имъ дана сафопа,
 Пустъ смотритъ на землю и воды
 И небо, очами кроша.

Пустъ смотритъ на землю: увидятъ ли ея
 Живущее племя безсмертныхъ очей? —
 Нытъ, Гномы незримы для брешныхъ очей.

Пустъ смотритъ на воды; потокъ исподить
 Клубится и скачетъ по скапу долинъ;
 Но въ немъ заповасыхъ не видитъ Ондия.

Ты жь открыла смертной дѣл,
 Тайну бышя земли,
 И судьбы, въ правдивомъ гѣлт,
 Приговоръ произрекли:
 Эльфа изгнана изъ рай,
 Какъ гонимый въпромъ пухъ,
 Какъ проклятый небомъ духъ,
 Невидимо въ край изъ край
 За вину свою блуждаи,
 На тоску осуждена.
 Всюду, съ нѣжною любовью
 Вновь родившихся, она
 Наячишь и любишь должна;

И прильнувши къ пзголовью ,
Охранишь во время сна.

Но вѣжливый младенецъ, взлелѣянный ею ,
Отъ ней же погибнушь судьбой осуждѣнъ ,
Какъ слабый агнепокъ сосомый змѣею; —
Таковъ непреложный законъ!

Ал. Шишкоеъ 2.

СКОТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ.

Басня.

*Не бойся, говоря, суда,
А бойся вонгъ судьи. И шо бѣда:
Какъ секретарь доложитъ,
Такъ и судья плохой положитъ.
Нанорютъ цѣлую пещрадь,
Проипишутъ, спускаютъ, завяжутъ,
И грамошному не понять,
А настоящего и главнаго не скажутъ.*

Легь сдѣлать приснавомъ Собаку при Овцахъ.

Волкамъ Собака спрахъ.

Однѣ изъ нихъ хопить агненкомъ поживишсья,

Схватилъ его и зѣ лѣсь повесъ;

Но догнавъ вора вѣрнѣй песь

И долженъ былъ Волкъ ужина лишиться,

Да клокомъ шерсти поцланишсья.

Волкъ съ жалобою въ судъ идешь

(Осоль шамъ былъ судья, а секретарь Лисица,

Докладывашъ большая мисперница),

Гусенка на поклонъ секретарю несешъ. —

Докладъ Лисица подаешъ.

Опъ слова до слова прошение пропсала,

Законы подвела;

Но объ агненкѣ не сказала.

И какъ сказать? Она не знала,

Она при дѣлѣ не была.

И вопгъ безъ всякихъ справокъ

И безъ очныхъ, какъ должно, справокъ

Послѣдовалъ журналъ, чпо въ силу скопскихъ правъ,

За оскорбленъе волчьей чесни

И вырванъе съ агартомъ шерсти

Взыскашь съ собаки должно штрафъ,

Безчесише и ульче;

А спудо все овечье

Простителю на время поручишь.

Собаку же опгь мѣста удаливъ,
 Для соблюденья пользы львиной.

Что дѣлаетъ докладъ Лисы и судъ ослыной,
 Особенно въ дами, въ глуши!
 По дудкѣ ихъ тамъ и пляши.

А. Пзмайловъ.

КЪ НЕВѢ.

Снова урѣтъ я, Нева, мной покъ величаво-сновои-
 ный,
 Снова, какъ юная дѣва въ объятыхъ любовника
 спрасныхъ,
 Ты предо мною трепещешь, лобзая границы сѣдые.
 Нынь, какъ прежде, ны блещешь волною кипучей...
 по нѣ ли
 Думы, по ли веселье на душу мою навѣдешь?...
 Много свѣтлыхъ волнъ умчала ны въ дань Океану...
 Много дней незабвенныхъ ушло въ безпредѣльную
 личность!

Помню тошъ сладостный вечеръ, когда надъ тво-
 имъ волнами
 Въ горькій часъ разлученья бродилъ я съ дѣвою ми-
 лой:
 О, какъ игриво, какъ шумно волнуясь, тогда про-
 шекала
 Ты въ обитѣяхъ высокихъ береговъ и, казалось,
 Къ гордымъ границамъ ласкала, шептала мнѣ съ
 трепещомъ звуки,
 Сладкіе звуки любви неизмѣнной... Но что же?
 ужъ шучи
 Мѣсяца анкъ покрываши въ трепещущей влагѣ, и
 въ шайнѣ
 Мрачно-спокойное нѣдро твое зараждало несашье!
 Помню; вошь здѣсь, на устахъ, разнаженныхъ лю-
 бовью, вымали
 Дѣвы коварной уста: убѣдительно, пламенно было
 Полное нѣгн ея лепетанье... И что же? ужъ въ сердцѣ
 Дѣвы обманъ зараждался и перси измѣной дышала....

М. Деларю.

Э П И Г Р А М М А.

Мальчишка Фебу глупъ поднесъ,
« Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лъсть ему, вопросъ? »
Цыпладцашъ. — « Только-то? Эй, розгу! » —
За спягъ припешъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертаций,
И Фебу въ службу впрочелъ Горацій,
Кусая губы, первый лиситъ.
Ошижелъвъ, какъ опъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И шопчасъ взрослога болвана
Пославши въ палки приказалъ.

А. Пушкинъ.

МОГИЛЬНАЯ РОЗА.

О роза-сиротка! ты сердцу родная:
 Таинственно съ нимъ о быломъ говоришь!
 Надъ прахомъ Маріи моей раздвигая,
 Печали ты снова надъ страдалицей спишь!
 Какъ ты, молчаливая, дѣва младая
 Любила мечпашь средь могильныхъ крестовъ:
 И назвала прекрасную — *двой сиротой!*

О роза-сиротка! въ сей области сонной
 Мнѣ сладкое вѣшь дыханье швое
 Минувшимъ воспомогомъ любви благосклонной;
 Изъ гроба подарокъ ты мнѣ опъ дала:
 Она тебѣ юность съ душой благовопной,
 Румянецъ прекрасный, пыдыдивоспъ чела —
 Все, все тебѣ смертию Маріи дала!

* *

О роза-сиротка съ красною умильной,
Ты долѣе юноши въ мѣрѣ живи!
Горюю душею, для гори безсилной;
Но радуюсь нищо въ мечтанныхъ любви,
Что въ дѣвственномъ образѣ розы могильной
Еще разъ на свѣтѣ, въ саду мершвецовъ,
Цвѣтеть незабвенная два гробовъ!

Баронъ Розенъ.

Г Р У С Т Ь.

Счастливъ, здоровъ я! Что жь сердце грустишь?

Грустишь не о-прежнемъ:

Нѣтъ! не грядущаго спрахъ жемчѣ и волнуешь
его.

Что же? Или въ мигъ сей родная душа распадется
съ землею?

Или — мной оплаканный другъ вспомнить на небѣ
меня?

Баронъ Дельонгъ.

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ.

Сладкія слезы первой любви! какъ роса, вы из-
сохли!

— Нынь! на безсмертныхъ црствяхъ въ свѣтломъ
раю мы блестящъ! —

Баронъ Дельвингъ.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ шобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ,

Тогда, во славу Русь ранной,
 Спропихиву Греку въ стыдъ и страхъ,
 Ты пригводишь свой щитъ буланной
 На Цареградскихъ ворогахъ.
 Наспалм дни вражды кровавой,
 Твой щитъ мы снова обрѣли;
 Но днесь, когда мы вновь со славою
 Къ Стамбулу грозно пришекали,
 Твой холмъ попрился съ браннымъ гуломъ,
 Твой стогъ ревнивый насъ смутилъ,
 И нашу рать передъ Стамбуломъ
 Твой спарый щитъ осановилъ.

* *

ПСАЛОМЪ LXVII.

Возстань, Господь! просири шагъ
 Въ безбрежной области лазури;
 И побѣгунъ твои враги,
 Какъ сорный прахъ опъ зѣльной бури,
 И улеянцъ, какъ черный дымъ;
 И предъ лицемъ Твоимъ Сыннимъ,
 Какъ воскъ разинаонъ! — А правдивыхъ
 Забьются радосиний сердца

И сонмы, въ пѣшилхъ иривыхъ,
 Помчались въ сребреные Опица.
 Звучи жъ, нимпанъ! Играйше Богу!
 Воспокъ! Воспокъ низходнишъ къ намъ;
 Сшелише гладкую дорогу
 Огъ вшихъ душъ, къ Его снопамъ!
 Грядешъ защитникъ нашъ вдовциъ,
 Отецъ сирыхъ и нищеты!
 Всемъ горящъ въ Его десницѣ
 И поклонились вышны! . . .
 Когда Ты шель нушемъ пуспыши,
 Трещайи горы и аьса
 Огъ грома и огня сварыни
 И разношались небеса! —
 Но крошкой, ошеской рукою
 Ведешъ Ты спираждущихъ къ покою,
 И Самъ находишь намъ хлѣбъ.
 Пуспы спрашна ныякя булпуюнъ
 И вой грозные воююнъ;
 А ны, безъ жалды до пошребъ,
 Ты, крошка! въ ниши смиремъ
 Пожнешъ ихъ сѣтъ, возмешъ имъны. —
 Тебя видали, горный Царь!
 Какъ проходила Ты надъ Вассаномъ:
 Пылашъ подъ жершвою ашаръ
 И злонъ гусей смилс съ нимпаномъ.
 Шло много тысящъ колесницъ,

И много Ангеловъ, . . . и князи, . . .
 И, въ блескъ радостномъ зарницѣ,
 Несутся цѣлновъ безсмертныхъ вязи :
 И слава Твоя Сильныя шла! —
 Ты не поминалъ людямъ зла ;
 И Самъ, съ великими дарами,
 Ты надходилъ, чтобы надъ холмами
 И по долинамъ плѣнныхъ брань,
 И вошь мы зримъ, какъ ненокорныхъ,
 Могущихъ сердцемъ и упорныхъ
 Высеченъ святая благодать.
 И Ты пѣцалъ : « Я не осмѣваю
 Нигдѣ и никогда Своихъ :
 Изъ безднъ ихъ вырву и спасаю
 Съ любовью на холмахъ цѣлныхъ . . . »
 Несомый Херувимомъ рашью,
 Ты облепѣлъ Свои мѣры,
 Опдамъ звездамъ Твои дары
 И насъ ущедрилъ благоданью.
 Благословенъ же, Дивный Богъ!
 Благословенъ изъ вѣка въ вѣки!
 И Ангелу и человекъ,
 Закрывъ оупъ блеска молній ликъ,
 Воскликните : « Великъ ! Великъ ! »

Федоръ Глинка.

Д Р У З Ь Я М Ъ .

Fare thee well and if for ever
Still for ever fare thee well.

LORD BYRON.

Навсегда съ друзьями
Разлучаюсь я!
Что-то будетъ съ вами
Безъ меня, друзья?
День опъ дни рѣдѣешь
Нашъ веселый кругъ, —
Скоро опустѣешь!
И послѣдній другъ,
Смертию забытый,
Межъ родныхъ не свой,
Горестью убитый,
Будешь истъмъ чужой!
Грустно разлучаюсь
Съ вами; но грустнѣй
Смалосни дождашься,
Переживъ друзей!

Пойте жъ, веселитесь
На зарѣ своей;
Смерти не спрашиваетесь:
Время намъ страшный!
Все съ собой уносить
Времени полетъ;
Время насъ разброситъ, —
Смерть опашь сберетъ.

Вал. Шелютовъ,

P E N S É E (*).

(Посв. Гр. Е. П. П.)

Я родилась въ смиренной долѣ,
Въ снѣжной глуши и развѣла,
И межъ двѣцовъ, блестящихъ зъ полѣ,
Я незамѣтная родла.

(*) Цвѣтокъ, извѣстный у насъ подъ названіемъ : *Анютины глазки*. Пр. Сот.

И ароматомъ не дышала,
Не прилекала красной,
Свой ищевый уголь населяла
И грустно думала порой :

« Зачѣмъ живешь ты, цвѣтъ напрасный ?
Кого нынѣ радуешь собой ?... »
Но мнѣ, пусильницѣ, судьбой
Предназначенъ быть удѣлъ прекрасный.

Жена прелестная меня
Друзьямъ сорвала въ часъ прощанья,
Чтобъ у друзей хранилась я,
Какъ чистый даръ воспоминашья

И втайнѣ завѣщала мнѣ
Она для нихъ благодаренье,
Разлуки грусть и сожалѣнье
О нашей доброй сторонѣ.

Гдѣ всей душой ее любилъ,
Гдѣ звали радостью ее;
Гдѣ счастье юности свое
Въ ея улыбку находилъ.

А чтобъ и вѣкъ была ясна,
Чтобъ никогда не увидѣла,
Слезу безцвѣтную она
Въ меля огнь сердца прожгла.

О сила чувствива и красы!
Съ тѣхъ поръ, шомъсь изображеньемъ,
Свапнаго слѣда той слезы
На мнѣ всѣ ищутъ съ умиленьемъ.

Съ тѣхъ поръ хранюсь я у друзей,
Красою дилой имъ блистаю,
И слаще розъ благоухаю
Одною памянью о ней.

В.

Одесса.
1825.

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

Ангелъ-хранитель ! молишь вниманъ умиленнаго
сердца :

Будь покровителемъ юности въ бурномъ житей-
скомъ волнении ;

Сердце оное рагъ изцѣли и помысловъ чистыхъ ,
высокихъ

Душу испомни мою ! Когда же болѣзненнымъ хла-
домъ

Сердце сожмется , повѣй на него теплою опира-
ной ,

Да не изсохнетъ оно подъ дыханьемъ бездушнаго
свѣта !

О , не покинь меня и во снѣ пы ; но съ умилениемъ
Тихо къ возгавью прищипуешь , мой сонъ обѣдай—
и со крыльемъ

Вѣй благодатью на плѣо и духъ мой : пусть уми-
шенъ

Сны золотые вливаюшь въ душу младаго счастливца . . . .

Если жь порокъ поднесешь мнѣ сосудъ свой, исполненный желчи,

Ангель-Хранитель! не дай устами прикоснуться къ опраш; ;

Буйное сердце уйдѣт: пусть покоитъ кровавымъ облившимся,

Черныя думы искупить оно живымъ сокрушениемъ —

И въ минуту раскаенья, о мой небесный поваричъ,
Въ мощныя крылья пріавши меня, умчись въ безпредельность . . . .

М. Деларю.

ДѢВА И ВПДѢНІЕ.

« Онъ ко мнѣ приходилъ по ночамъ,
Онъ моимъ представлялся очамъ;
Онъ со мной говорилъ . . . говорилъ . . .
Онъ не ошрокъ, не юноша былъ,

Не сіялъ онъ красою молодой :
Онъ былъ старецъ съ сѣдою бородой.
Онъ ко мнѣ на возгласъ склонился ,
И меня онъ , какъ дочь , цѣловалъ
И устами къ устамъ прикасался .
И , свѣтава , душа на уста
Къ поцѣлуякъ на встрѣчу лезла ;
И лезенье его не мечна ;
Онъ лезенья его я умѣла ! . . .

Угадайте жъ , кто онъ , посылитель почвой ?

Я въ дунѣ его образъ лезю .

Онъ шакъ крошкѣ и мудръ , и со мтой какъ родной

Онъ . . . названъ вамъ его не умѣю ! . . . »

О. Глинка.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
 Какъ у насъ ли на крашеной,
 Собиралися пшашечки,
 Мѣлки пшашечки, масночки,
 Щербешади, чиликади,
 Несобравшихся кликади:
 « Вы спешайтесь, не медлите,
 Въ пушь-дороженьку пустимся!
 Красны дни миновалися,
 Вдоволь вы наигралися;
 Здѣсь не жданъ же вамъ гибели
 Ошъ мороза прескужого! »

Государь ны мой, батюшка,
 Государыня мапушка!
 Меня суженый сватаешъ,
 Меня раженый сватаешъ:
 Поспѣшите, не мѣшкайте
 Мени пѣзду выдайте,

Съ хлѣбомъ - солю, съ образомъ,
 Съ красною проходящею!
 Мнѣ не вѣкъ вѣковать у вѣстъ,
 Не сидѣть же все двинцей
 Безъ любви и безъ радости,
 До ворчанья ль до старости.

Кароль Дельсинъ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я ль опть спарато бѣжала,
 Въ полночь права собирала,
 Травы съ росами мѣшала,
 Все о воль жаровала.
 Пшичкѣ волю, сердцу волю!
 Скоро ль буду я вдовою?...
 Дайше, дайше, погуляю,
 Какъ ша рыба по Дунаю;

Какъ та рыбка съ окунями,
 Я молодка съ молодцами,
 Какъ та рыбка со щипною,
 Я съ прилукой - красотою!

Баронъ Дельвингъ.

2го Ноября.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? я вспрѣваю
 Слугу, несущаго мнѣ упрямъ чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? утихла ли мнѣшь?
 Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли поспѣшь
 Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
 Возишься съ сиварыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы вспаемъ и поплчась на коня
 И рысю по полю при первомъ свѣтѣ дня;
 Аранпки въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами,
 Глядятъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
 Кружимся, рыскаемъ и поздней ужь порой
 Двухъ зайцевъ проправивъ, являемъ домой.

Куда какъ весело! вѣсть вечеръ: вьюга воешь,
 Свѣча темно горитъ. Спѣсился, сердце поешь;
 По капль, медленно тлошно скуки ядъ.
 Читаша хочу, Глаза надъ буквами скользаяшь,
 А мысли далеко. . . Я книгу закрываю,
 Беру перо, сажу; насильно вырываю
 У музы дремяющей несвязныя слова.
 Ко звуку звукъ неидеть. . . Теряю всѣ права
 Надъ рифмой, надъ моею прислужницею спрванной:
 Спихъ вло ииенеси, холодный и туманный.
 Успавый, съ лирою я прекращаю споръ,
 Иду въ госпинуую; намъ слышу разговоръ
 О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
 Хозяйка хмурился въ подобіе погодъ,
 Спальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червошаго гадяпѣть короля.
 Тоска! Такъ день за днемъ идешь въ уединеньи!
 Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
 Когда за плашками сажу я лѣ уголкѣ,
 Придеши издали въ кибишкѣ иль возкѣ.
 Нежданая семья: шарушка, двѣ дѣвицы,
 (Двѣ блонкурыя, двѣ спройныя сестрицы)
 Какъ оживилешся глухая шорона,
 Какъ жизнь, о Боже мой, спавовипси полна!
 Сначала косвенно-внимательныя взоры,
 Попомъ словъ нѣсколько, попомъ и разговоры
 А тамъ и дружный смѣхъ и нѣсни вечеркомъ,

И вальсы рѣзвые, и шопотъ за споломъ
 И взоры томные и въпренія рѣчи,
 На узкой альпинцѣ заеденныя вострѣчи;
 И дѣва въ сумерки выходишь на крыльцо:
 Открыты шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
 Но буря сѣвера не предня русской розъ.
 Какъ жарко поцѣлуй пылаешь на морозѣ,
 Какъ дѣва руская сѣжа въ льгачи снѣговъ!

А. Пушкинъ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Ой мами, мами, сердце не вѣжае,
 Кого разъ полюбишь, съ нимъ и умираю. 2

Лучше умерти, якъ съ незлымъ жити,
 Сохнуть съ печалю, що день слезы-лищи. 3

Бѣдность и богатство, есть по Воже воля,
 Съ милымъ ихъ дѣлами, есть стасыва доля. 2

Ой хибѣ жь я, маши, не швоя дѣшца,
Колит моя мука тебѣ буде мила; 2

И до того горя ны жалю не маши,
Хшо пришовсь по сердцю, забуни заставляешь? 2

II. Котляревскій.

ЦАРЬ И МУДРЕЦЬ.

Царь Пирръ собирався на войну.

Его Эпиряне дослѣхами сіили

И хобопомъ слоны, подѣ башнями, махали

И ржала конница. Онъ покидалъ страну,

Страну опцель, страну свяную,

Гдѣ дѣшская его качалась колыбель,

Гдѣ пакъ онъ счастьеиъ былъ досель,

И пору жизни волошую

Въ ристаныи на коняхъ и въ играхъ провождатъ,

Шли съ дружиной, на охонтъ

За барсомъ по пою скакатъ.

Теперь и онъ задумчивъ спать!

Сидѣть, облокочясь, въ поминальной заботѣ...

И вотъ, предспалъ къ нему мудрецъ.

« Ты знаешь, государь! мнѣ другъ былъ шзой опенъ

И я пришелъ... мой духъ къ тебѣ стремился...

Куда жь, и на кого мой царь вооружился? »

— « На Римлянъ, добрый другъ: я Римъ сломяю! »

« А шамъ? » — « На Галловъ наступлю! »

« Попомъ? » — « На Парсовъ мѣнокстрѣльныхъ

Еще мнѣ хочется, въ пустыняхъ безпредѣльныхъ,

Ошважныхъ Скифовъ поискать

И выбить всю до шла *кибитогную рата*. » —

« Попомъ? » — « Попомъ еще... » — « А шамъ? » —

« Земит вѣсть боль!... »

И вотъ тогда въ моей ужь будетъ боль,

Провозгласитъ народамъ миръ,

И я опашь къ вамъ возвращусь — въ Эниръ! » —

« Въ Эниръ?... Такъ спокитъ ли шакъ далеко спре-
мишься

Итти войной и землю огорчать

И шрашиться и суешиться,

Когда придетъ же опашь,

Все къ намъ, все въ нашъ Эниръ любезный воро-
шиться,

И ворошиться старикомъ? »

Онъ замолчалъ, а царь, объятый тайной думой,

Просишся съ мудрымъ, какъ съ опцомъ,

И часто вспоминалъ о нёмъ ;
Особенно жь, когда Фабрицій, мужъ угрюмой,
Безспрашно передъ нимъ спонялъ
И Римъ побѣду возглашала!

А. Г.

ОБМАНЧИВАЯ ПАРУЖНОСТЬ.

Басня.

Пріѣхалъ у меня шарикъ проказникъ быть,
Богачій человекъ, почти и не служилъ —
Оцтавленъ съ крестникомъ. Въ Москвѣ онъ мало
жилъ,

А болѣе въ своей любимой Подмосковной.

Имѣлъ тамъ домъ огромной,

Большой фруктовый садъ

И англійской еще, иль паркъ — аранжерей,

Въ конпорыхъ былъ оплывшій виноградъ,

Звѣринецъ, свой оркестръ и разныя зашѣи.

Имѣлъ актиёровъ крѣпосныхъ,
 Актирись, пѣвиць, танцовщиць ловкихъ,
 Иемныхъ шрехъ Французовъ боиныхъ,
 Да сошни двѣ собакъ и гончихъ и борзыхъ.
 Пянь швысьгъ дунгъ ему досталося въ псалѣ дѣнь,

Да долгу нажилъ миллионъ,

Такъ деньгами соринъ моръ онъ.

Его любило все соседство,

И какъ же не любишь?

Гдѣ въ сласнѣ поѣшь, поѣвши,

Повеселишься? —

У Дурнева. — А денегъ гдѣ заплать,

Когда нужда случашся? —

У Дурнева жь. — Разниску шолько дашь,

Какую вздумашь онъ самъ продиктовашь,

И на условия все шончашь согласишься.

Случалось, иногда брать шуданъ онъ въ заснѣ,

Хомуць, кушакъ, пль шапку, или миску;

А деньги возвратишь, ошдасишь шебѣ разниску,

Залогъ и сумму всю назадъ.

Къ своимъ собакамъ звать соседскихъ по битешемъ,

Рожденъе праздновать любимыхъ лошадей;

Дурачимся, сказашь ужь правду, не по льшамъ;

Но широчемъ не быль онъ въ числѣ дурныхъ людей

И дѣлать иногда, что должно.

Проказничать богатнымъ можно.

Въ деревнѣ Дурнева когда и извѣстилъ,

Меня оиъ славно угостишь:

Музыка за словомъ гремѣла

И первая пѣвица пѣла.

Богъ ошибдани. — «Что, не угодно ль къ садъ?»

— О, радъ! —

Пошли. — Какой чудесный храмъ каскадъ!

Какіе мостики, бесѣдки и руины!

Куда ни взглянешь, все каршины.

— А это что за храмъ? —

Вскричать я въ изумлени,

Увидя съ куполомъ, съ колоннами спростре.

Ужъ подлинно сказанъ, что было загадье!

— Что тамъ?

Какое божество въ семь храмъ обитаетъ?

и Наружность иногда обманчива и блуждательна (*),

И это, Господиъ Познъ, вамъ не во видѣ,

Не храмъ, а хлѣвъ, »

— Какъ хлѣвъ? — «Войдите»

И поглядите.»

Толькою дверь, вхожу

И съ порослятами свиней шумъ нахожу. —

«Ну, видишь ли мой записъ?»

Не всё еще: въ другомъ покоѣ ешь и зми.

Войди, увидишь самъ, что правду говорю.»

(*) Стихъ П. И. Дмитриева.

— Покорнѣйше благодарю...

Повѣса ны, повѣса!

Ну стоитъ ли, скажи, потрашить сполошко дѣса,

Искусива и шруда

Для змѣй и для свиней? Уже ли нѣтъ стыда

Тебѣ дурачиться въ твои почтенны дѣны? —

« А ваша братья - то поэмы

Что дѣлають? Не по ли жь, что и я?

На что даръ многие изъ васъ употребляють!

Цѣпы поэзи фигурно разсыпають,

А подъ цѣпами, глядь — или въ гризи свинья,

Цѣ ядовитая змѣя.

Но свиньи у меня другихъ хотѣ не мараютъ,

А змѣи не кусають.

Желаетъ зналь, чинобъ ны на это ошвѣчалъ? » —

Я... промолчалъ.

А. Измайловъ.

СЛЕЗА ЛЮБВИ.

(Б. С. М. Дельвигъ.)

Въ сладостный вечера часъ, при свѣтѣ луны оди-
нокой

Видѣлъ я въ чащѣ вѣтвей юную дѣву; — она,
Очи къ небу поднимая и руки на перси сложивши,
Седцемъ далече неслась. — Вдругъ на лилейныхъ
щекахъ

Вспыхнули розы живѣе и взоръ умиленно-спокой-
ный

Дѣвы зардѣлся слезой, — свѣтлой, какъ Ангела
мысль;

Ангель любви подлетѣлъ къ молящейся дѣвѣ и тихо
Взявши свянную слезу, къ небу направить по-
леть.

М. Деларю.

У Д Ъ Л Ъ П О Э Т А.

Ю н о ш а.

Сладко! Еще перечпу! О, слава тебе, пѣнопѣвецъ!

Дивно глубокую мысль въ звучную шкварь тѣи
облекъ!

Въ чинхъ тѣи, счастливецъ, роскошныхъ садахъ
надышался весною?

Гдѣ нажурчали руны говоръ любовный тебе?

Г е н і й П о э т а.

Гдѣ? и нашелъ пѣнопѣвца на ложѣ недуга, бѣдѣе
Старца Гомера, грустинѣи Тасса, страдалица люб-
ви!

Но, и шакимъ заснавалъ и Камониса въ дикой пе-
щери,

Такъ и Сервантесъ со мной скорбь и цюрному за-
бывалъ!

Баронъ Дельвингъ.

Э Д Е Г И Я.

Довольно! вижу; онъ меня
Лицо Камена оштрафовалъ,
Мнѣ сила мысли нѣмблала,
Мое мечтанье безъ себя!
Я позабылъ о свѣтлости небѣ;
Презрѣнной, дольной сущности
Исполненъ духъ унаследий мой.
Такъ, о судьба! мнѣредой пошребѣ
Ты преддешь сосудъ свашной.

Р О Д И Н А.

Есть на земль безвѣстный уголокъ,
 Уединенный, непримѣнный;
 Знакомый лугъ, знакомый лѣсъ, пошокъ,
 И въ нихъ духъ добрый и пріятный.
 Онъ издавна живетъ въ томъ уголкѣ,
 Лешаетъ пищичкой по дубравамъ,
 Шумитъ въ бору, кунается въ рѣкѣ
 И улыбается забавамъ.
 Сберется ль въ лугъ красавицъ хороводъ, —
 Онъ между ними невидимкой
 И подъ вечеръ, онъ въ сумракъ поитъ
 Любовь съ паспущеской вольничкой.
 Я не видалъ его въ сирани родной:
 Но съ нимъ почувствовалъ разлуку,
 Когда, въ очахъ съ прощальною слезой,
 Я носокъ сираника взялъ въ руку.
 Онъ вокругъ меня въ уныніи шепталъ:
 Куда? не я ль тебя влечуль?

Отъ за рубежъ оптизмы провожатъ
 И грустью на меня повѣлялъ.
 Казалось мнѣ, покинувши дѣлства другъ,
 Который вмѣстѣ росъ со мною.
 Не даромъ же съ шобой разлуку, добрый духъ,
 Зовущъ по Родинѣ шоскою! —

Θ. Туманскій.

КЪ * * *

— * —

Подъѣзжая подъ Ижору,
 Я взглянулъ на небеса
 И вспомнилъ ваши взоры,
 Ваши синіе глаза.
 Хотя я грустно очарованъ
 Вашей дѣвственной красой,
 Хотя вамнѣромъ именованъ
 Я въ губерніи * * *;
 Но колѣнь моихъ предъ вами
 Преклонилъ я не посылъ

И влюбленными мольбами
 Васъ превозносить не хотѣлъ.
 Упиваясь безрѣчию
 Хмелемъ свѣтской гуеши,
 Позабуду, вѣрою,
 Ваши милая черты,
 Легкій слухъ, дѣлкій стройность,
 Оснорожный разговоръ,
 Эту скромную спокойность,
 Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
 Если жь пѣть... по прежнему слѣду
 Въ камнѣ мирно краи
 Черезъ годъ опять заду
 И влюблюсь до Полбра.

1828.

Ижоры.

СТРАННИКИ.

« Я гражданинъ вселенной. »
Сократъ.

— « Я вездѣ чужестранецъ. » —
Августинъ.

П Е Р В Ы Й.

Блаженъ, блаженъ, кто жизни мигъ крылашый
Своимъ богамъ - Пенатамъ посвятилъ;
Блаженъ, блаженъ, кто дымя родимой хашы
Дороже розъ чужбины оцнилъ!

Родной весны цвѣтны злашые,
Родной зимы снѣга сѣдые;
Разказы няни, игры дѣтъ;
Косца знакомаго напѣвъ;
Знакомыхъ пчель въ саду жужжанье;
Домашнихъ псовъ далекий лай;

Родныхъ полоковъ лепешанье —
О край ошцовъ, волшебный край!
Сердечныя очарованья,
Забуду ль вась!

В Т О Р О Й.

Блаженъ, блаженъ, кто моря зрѣлъ волнение;
Кто Божій міръ ошчизною назвалъ;
Свой отдать пупъ на волю Провидѣнья,
И воздухомъ вселенной подышалъ!

Бродячей жизни бредъ счастливыи,
Ты, какъ поэма сонъ игривый,
Разнообразіемъ богатъ!
Сегодня — кровь убогой халпы,
Древня, ланши полосаны;
А завтра — танныхъ зданій радъ!
Искусствъ волшебныя созданья,
Священный гения завѣтъ;
Чудесъ минувшихъ яркій свѣтъ;
Народовъ пѣсни и преданья!

.....

П Е Р В Ы Й.

Нашлаа осень. Надъ холмами
Туманы влажные вислишь;

За море лебеди летяшь;
 Овечь наполнится снодами.
 Румянымъ блескомъ боръ покрывъ;
 Ловившы рогъ въ горахъ звучишь;
 Съ ружьемъ, съ соседомъ, въ полѣ чистомъ
 Зарученъ мирный домохъдъ; —
 Уже ночь надъ доломъ серебрянымъ;
 « Пора домой! Ко мнѣ, соседъ! » —
 Вошли: Лилета суевиши;
 Каминъ опрадный занькавъ;
 Какъ жернова, ужинъ ихъ дышнися,
 Хрустальный пѣшился бокавъ.

В т о р о й.

Сосѣдъ, ружье, каминъ, Лилета,
 И вновь ружье, каминъ, сосѣдъ: —
 Однообразна пѣсня эша!
 Безцѣшнень твой сердечный бредъ!
 Среди ль полей своихъ широкихъ
 Вспрѣткавъ ны дашинъ рядъ въковъ,
 Бродящихъ межъ съдыхъ снолобохъ
 По зламъ замковъ одинокихъ?
 Съ соседомъ ли ны зрѣть своимъ
 Природы блескъ, морей равнины?
 Какъ счастливы спрашникъ! передъ нимъ
 Чшо шагъ — шо новыя каршины:

Тамъ изумрудный рядъ холмовъ;
 Тамъ разноцвѣтныхъ горъ вершины;
 Въ одеждѣ новыхъ облаковъ.
 Тамъ солнца новаго сіянье,
 Луна надъ боромъ ильковымъ;
 Иль неба съ моремъ голубымъ
 Въ дали румяной сочешанье.

П Е Р В Ы Й.

Зима. Клоками слѣтъ валишь;
 Сводъ неба, блѣдный и шуманный,
 Какъ саванъ надъ землею виснеть. —
 « О, гдѣ же ты, приютъ желанный! »
 Печальный спраникъ говоришь; —
 « Успалъ я! ночь на землю льется;
 Вуплываетъ вѣтеръ въ таини лѣсной;
 Вокругъ манель сѣданъ льется —
 Нишь крова! нишь спраны родной! » —
 Но вошь избушка въ шемномъ полѣ
 Въ ней брежженъ яркій огонекъ:
 Радъ спраникъ! радъ — чего же боить?
 Есть теплѣй на ночь уголокъ!
 Вошелъ. Тамъ мирною полною,
 Вокругъ прескучаго огня,
 Двѣсь безвѣщностью зланою,
 Сидишь счастливая семья.

Молодой пришлецъ ночега проснись ;
 Но вопль сухой, холодный взгляду
 Ошвытъ понявший пронзоснись —
 И спривникъ новый въ сердце аду
 Далеко отъ людей уноснись.
 Ахъ, то ль на родинѣ свиной!
 Тамъ зеркаломъ души родной
 Ему людей казались изеры —
 Или это бредъ?

В т о р о й.

Обманъ пустой!

Не сердце ль наше, мильи мой,
 Есть испинный сосудъ Пандоры?
 Конечно, много чудаковъ!
 Конечно, многихъ пусняковъ
 Намъ спюють злыя ихъ проказы:
 Крошыхъ слезъ, жеслюкихъ сновъ;
 Но какъ же избѣжать заразы?
 Она шипящею змѣей
 Весь мѣръ подлунный обвиваетъ,
 И меньше всѣхъ лишь шонъ спраждаетъ,
 Кид радъ, какъ я, шоварицъ мой,
 По свѣлу песнрому скпшашся;
 За шѣмъ, чшобъ сердце приучили
 Во всей вселенной дома быши; —

Съ людьми пріятельски встрѣчаешь;
 Съ одними — скромно поболтаешь,
 Съ другими — смѣло помолчаешь;
 Надъ Арлекиномъ посмѣишься,
 Съ людьми честными поговоришь.

П Е Р В Ы Й.

Согласенъ. Но одной опрадой,
 Одной небесною лампадой
 Творецъ нашъ жребій озаришь!
 Мой другъ! бышь можешь, съ ней одною,
 Съ сей тихой, ясною звѣздою
 Память свѣтъ роднаго неба миль!
 Съ побой, любовь, алтарь сердечный,
 Двухъ душъ священный оупіамъ,
 Союзъ божественный . . .

В Т О Р О Й.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

.....
.....

П е р в ы й.

Вопице сей горькой клеветной,
Личиной грусти ледной
Явннхъ любовь швой смхъ припворной:
Она росою благопворной
Твой зной сердечный прохладитъ;
Смягчитъ швой духъ окамендой,
Съ надеждой сердце приширитъ.
О лучъ души осиротдой!
Пощокъ въ пусивнхъ бышрхъ!
Любовь, саспра свщенной Върхъ!
Лидел Ангеловъ, . . .

В т о р о й.

Химеры!

Гдѣ жъ эша читсннхъ струхъ?
Гдѣ эшу райскую лисю,
Въ какой сшени, въ какой глуши
Я всхмъ огнемъ моеи души
У сердца бѣднаго согрѣю?
Мечшы! нашъ лобъ любви преснолъ!
Задига смерть ея символъ!
Приманка — ножницы Далпы!, . .

Но я волшебницу напелъ;
Моей Армады образъ милый
Со мной вездѣ, во всѣхъ краяхъ:
Капится ль солнце въ небесахъ,
Летитъ ли пилчка надо мною —
Я говорю: мы вновь съ тобою
Въ иныхъ увидимся странахъ!

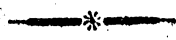
В. Тепляковъ.

Одесса.
1829.

СЦЕНА ИЗЪ ПОЭМЫ:

ВЪ Р А И Н Е ВЪ Р І Е.

О Н Ъ.

Подъ этой линою густою
Со мною сядь, мой милый другъ:
Смотри, какъ живо все вокругъ!
Какой зеленой пеленою

Къ рѣкѣ низходитъ этотъ лугъ!

Какая свѣжая дуброва

Глядится съ берега другога

Въ ея веселое стекло!

Какъ небо чисто и свѣтло!

Все въ тишинѣ; едва смущаетъ

Живую сѣнь и чупкій шокъ

Благоуханный вѣтерокъ:

Онъ сердцу счастье навѣваетъ!

Молчишь ты?

О П А.

О любезный мой!

Всегда я счастлива съ тобой,

И каждый мигъ равно ласкаю.

О Н Ъ.

Я съ умленной душой

Красу творенья созерцаю.

Онъ эпитъ водъ, лѣсовъ и горъ

Я на ээпрную обихель,

На небеса подтемяю взоръ

И думаю: великъ Зиждитель,

Прекрасенъ мѣръ! Когда же я

Вспомню твою же порою,

Чшо въ эпомѣ мѣръ тлы со мною,
 Подруга милая моя,
 Нынѣ сладкимъ чувствемъ выраженья
 И не могу въ избытокъ ихъ
 Невольныхъ слезъ благодаренья
 Основаннны въ глазахъ моихъ.

О н а.

Воздай тебѣ Создатель вечный!
 О чемъ еще Его молишь?
 Ахъ, объ одномъ: не пережмишь
 Тебя, другъ милый, другъ сердечный!

О н ѣ.

Ты грустной мыслию меня
 Смущила. Такъ! сегодня зрѣло
 Наблюдень свѣтъ веселый дня,
 Пашаень Божіе шворенье;
 Теперь въ рукъ моей, нвою
 Я съ чувствоводъ пламеннымъ сжимаю,
 Твой пылкій взоръ я понимаю,
 Твой сладкій голосъ узнаю....
 А завтра.... завтра.... какъ ужасно!
 Меривецъ незрящій и глухой,
 Меривецъ холодный!... Лучъ дневной
 Въ глаза ударишь мнѣ напрасно!

Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь:
Я не проснусь! И что мы знаемъ?
Не только завтра, сей же часъ
Меня не будешь! Кто изъ насъ
Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой?

О н а.

Что съ тобой?

Зачѣмъ твое воображеніе
Предупреждаетъ Провидѣнье?
Богъ милосердъ, другъ милый мой!
Здоровы, молоды мы оба:
Еще далеко намъ до гроба.

О н ъ.

Но все жь умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

О н а.

Что же, милой?

Если бытіе и за могилой,

Намъ обѣщаль его Творецъ.
 Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
 Мы въ жизнь другую перейдемъ,
 Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
 Гдѣ всѣ земли опасенья
 Съ земною пылью отряхнемъ.
 Ахъ! какъ любилъ безъ этой вѣры!

О н ѣ.

Такъ, Всемогущій безъ нее
 Насъ искушалъ бы выше мѣры:
 Такъ, если другое быше!
 Уже ли нѣкогда погубилъ
 Во мнѣ Онъ но, что мыслить, любилъ,
 Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
 Мнѣ повнорилъ Онъ отраженьемъ
 И Самъ Себя изобразилъ?
 Уже ли Творческая сила
 Лукавымъ свѣтомъ быши
 Мнѣ ужасъ гроба озарила,
 И только? . . . Нѣтъ, не вѣрю я.
 Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
 Презрѣнный въспивуетъ; достойный
 Поникъ гонимую главой;

Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
 Какъ! не терпящая смѣшенья
 Въ сѣбныхъ снѣжихъ вещесива,
 На хаосъ нравственный возрѣвья
 Не бросить мудрость Божесива!
 Какъ! между брашьями своими
 Мы видимъ правыхъ и благихъ,
 И, превзойдешь дѣлами людскими;
 Не правъ, не благу Создатель ихъ? . . .
 Нынѣ! мы въ юдоли испытаны
 И есть обитель возданыя:
 Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
 Сяетъ день незаходимый,
 И оправдается незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ!

О П Л.

Зачѣмъ въ шаклѣ размышленья
 Ты погружаешься душой?
 Уже ли нужны, милый мой,
 Для убѣжденныхъ убѣденья?
 Премудрость Вышняго Творца
 Не намъ изслѣдовать и мѣрять:
 Въ смиренны сердца надо вѣрять
 И терпѣливождать конца.

Пойдемъ : грустна я въ самомъ дѣлѣ,
 И оныя манекельныя словъ твоихъ
 Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
 Сердечный дурепецъ не зашлѣхъ.

Баратынскій.

М У З А.

Не осавляю я Музою моею :
 Красавицей ее не назовушь ,
 И юности, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною полною не побѣгушь.
 Приманчива въ изысканномъ уборомъ ,
 Игрою глазъ , блестящимъ разговоромъ ,
 Ни склонности у ней, ни дара пѣнь ;
 Но пораженъ бываешь мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ ,
 Достоинствомъ обдуманыхъ рѣчей :
 Съ ней , можешь быть , скучаетъ обхожденьемъ ,
 Но съ похвалою относишься о ней.

Баратынскій.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ.

Люблю тебя: шлоу разговоръ
Раздумья сладостнаго полный,
Периль и числь, какъ съ кручи горъ
Давно скапавшіяся волны;
Твоя краса — весенній цвѣтъ;
Ему и жадъ и зной опасенъ;
И для себя швой полдень ясенъ,
Какъ для другихъ — одинъ разсвѣтъ!
Твой умъ какъ будто съ чудесномъ въ споръ,
Спросишь какъ будто ты чужда —
Лишь неарокомъ иногда
Огонь зажженъ въ шомномъ взоръ
И, какъ надущая звѣзда,
Блеснешъ и гаснешъ . . . И съ тобою
Безпеченъ, свѣшель я душою
И будто счастлишь! . . . Но когда

Твоя соперница предъ нами
 Съ восточной роскошью кудрей,
 Съ своими жаркими очами,
 Съ огнемъ поминельныхъ рѣчей —
 Ты клонишь голову стыдливо,
 При ней едва замѣтна ты —
 Какъ слабый отблескъ красоны
 Роскошной, гордой и ревнивой...

Такъ мѣсяць, свѣтлый гостьъ нощей,
 Съ зарею вслѣдствіемъ на разсвѣтѣ
 Теряешь блескъ своихъ лучей —
 И упопаешь въ чуждомъ свѣтѣ!

А. Подолнскій.

Г У Р Ь Я.

« Не ходи на поле ошпыты,
« Не шочи свой шпачагы,
« Не спасуны шебя мошпыты
« Въ шучь шырвэъ, ошъ вдикихъ рань!
« Милый другъ! шамъ за пророка
« Дошы цэлые въ крони —
« Не ходи жь на всырвчу рока,
« Осуши слезу любви! » —

Двэъ робкой и покорной
Воншъ-юноша внималъ,
И въ раздумьи локонъ черной
Ей шивалъ и развивалъ.
Пошухаешъ жажда браши,
Въ сердце крадеши печаль —
И скользитъ изъ жаркой длани
Недошоченная сталь.

Востъ и вечеръ ризой темной
 На сады, на волны палъ —
 Дѣвы милой, дѣвы помной
 Грустный другъ не покидаетъ;
 Ихъ заспать и часъ полночи —
 Съ грудью грудь, горятъ уста . . .
 И смыкають сладко очи
 Упомянутая жена.

Но, какъ съ неба голубаго
 Сходитъ сонъ ночныхъ свѣтилъ,
 Очи востра младого
 Сонъ волшебный посѣнилъ;
 Снилось: кино-шо въ морѣ запыл
 Пролетѣлъ — и вдругъ исчезъ,
 Но съ возхода до заката
 Онь раздвинулъ свода небесъ.

И въ снѣгахъ сходитъ дѣла —
 Кудри въ радужномъ вѣнкѣ,
 Вѣтвь божественнаго древа
 И филъ въ ея рукѣ,
 Сидитъ въ дыму прозрачной шкани
 Вѣдь, какъ снѣгъ на выси горъ;
 Грудь — какъ волны; очи — лани . . .
 Но урчкомъ блестятъ взору.

Воинъ медленно подвѣмаетъ
 Полусонную главу —
 Пробудился онъ или дремлетъ
 Онъ не помнитъ: На дву
 Передъ нимъ все на же два —
 Тонъ же блескъ со всехъ спиоровъ —
 И, какъ стройный звукъ шабля,
 Голосъ дѣвы слышитъ онъ :

« Не страшись ! — Я два раа !
 « Я, на легкихъ крыльяхъ сна,
 « Изъ надсолнечнаго края,
 « Въ здѣшній мѣръ занесена.
 « Въ звѣздномъ хорѣ одинока,
 « Я полещу свершца мой,
 « И поклонника пророка
 « Жажду сирастною душой.

« Какъ недвижима свѣтила
 « Вѣчень блескъ красы моей,
 « Время, горе и морила
 « Трапятъ власны свою надъ ней !
 « Онъ моихъ лобзаний шаещъ —
 « Сердце въ пламени любви,
 « И, угасшій, воскресаетъ
 « Огнь желанія въ крови !

« Но того съ двойной любовью
 « Применъ Гурія на грудь,
 « Кшо въ болахъ своею кровью
 « Освятитъ пророка пунь!
 « О, покни, кого ны любишь!
 « Спианъ подъ знаменемъ святымъ!
 « Ты небесное погубишь
 « Наслажденіемъ земнымъ! . . . .

Смокла . . . ризой серебристой
 Обвилась — и вся въ лучахъ,
 Какъ съ кадилъ паръ душистой,
 Дѣла понешъ въ небесахъ . . . .
 И за ней пальцимъ взоромъ
 Вонитъ вслѣдъ; — душа полна
 Спираспью новой, — и укоромъ
 Грудь порою снѣжена.

На подругу взводишь очи —
 Но не къ ней любви огонь!
 Онъ вспаешъ; подъ кровомъ ночи
 Тихо выведетъ имъ конь;
 За плечами лукъ и стрѣлы,
 Яшаганъ за кушакомъ;
 И понесся вонитъ смѣлый
 На свиданіе съ врагомъ!

День зажегъ край востока —
 Прине конь, — и скоро онъ
 Подъ знаменами пророка
 Съдокомъ оскановленъ;
 Мигъ вздохнулъ — и вновь лепучій
 Въ бой помчался съ сѣдокомъ :
 И , какъ въ бурю шуча съ шучей,
 Воишь встрѣтился съ врагомъ .

Вдругъ ударъ ! — обильный кровью
 Онъ падеть на грудь шель ;
 Смерть надъ нимъ ! — но къ изголовью
 Кипо-шо свѣтлый подлель ,
 Онъ взглянулъ : шо два рай !
 Все въ ней блескъ и красота —
 И зажглася умирая
 И прильнула къ ней уста ! . . .

А. Подолнскій.

Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ, . . .

И васъ любилъ ; любовь еще , быть можетъ ,
 Въ душѣ моей угасла не совсемъ ;
 Но пусть она васъ больше не тревожитъ ;
 Я нечужу печальныи васъ питать .
 И васъ любилъ безмядно , безнадежно ,
 То робостью , то ревностью помимъ ;
 И васъ любилъ такъ искренно , такъ нѣжно ,
 Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ .

А. Пушкинъ.

КЪ ТЪ П И Е Я .

• Hast thou prayed . . .

Дездемона , Дездемона ,
 Далека тревогъ земли
 Къ намъ изъ тучи , съ небосклона
 Ты дрожишь звездой любви .

Ты красу свою и младосишь
Обрела мечиъ святой;
Но тебѣ мелькнула радосишь
Подъ могильной пеленой.

Клю небесное дышала,
Такъ цѣлени здѣсь не могла;
Въ буряхъ неги ны искала;
Розу молнии сожгла.

И молюбъ шивою и сиону
Африканецъ не внималъ,
Въ спрасни буйной, Дездемону
Онъ для сердца сберегалъ.

И любовникъ безнадежный,
Звѣздный мѣръ спраши собой,
Все кометою мятежной
Онъ спремилъ за зпобой.

И. Козловъ.

ИЗЪ БАЙРОНОВА ДОПЪ-ЖУАНА.

(Вольное подражаніе.)

О, любо памь! какъ мѣсяцъ полный
Адриатическіа волны
Подернень зыбкимъ серебромъ,
И какъ пловець, звуча весломъ,
Спремипь гондолы бѣгъ урочный
И мшигъ волна напѣвъ полнотный.
И любо памь, какъ вѣтерокъ
Съ листка порхаетъ на листокъ
И сумракъ нѣнь свою наводитъ,
Звѣзда вечерняя возходитъ
Нль радуга въ красъ цвѣпной
На лоно опернись морское,
Огниспой, нѣжной полосой
Обхващитъ небо голубое.

И любо мнѣ, спѣша домой,
Какъ ненаемный спорокъ мой,
Собака добрая замещъ,
И знашь о домѣ, какъ любо мнѣ,
Что кино-шо есть, кино въ тишинѣ
Меня любовно ожидаетъ,
И видишь, какъ войду я къ ней,
Что взоръ ея при мнѣ свѣтлѣй;
И, какъ подъ шумъ струи лѣнливой
Мнѣ любо тихо вдатъся сну;
И любо ласпочкой игривой
Бышь на зарѣ пробуждену;
И любо слушать плеть жуужанье
И пѣсни дѣтъ, и струнъ пѣнцевъ.
Любимый звонъ, и лепетанье
Двнней, и прелестъ первыхъ словъ.

И. Козловъ.

С Ц Е Н А

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА

РОМЕО И ЮЛІЯ (*).

ДѢЙСТВІЕ III; ЯВЛЕНІЕ I.

Площадь.

БЕНВОЛІО, МЕРКУТІО, ПАЖЬ И СЛУГИ.

Б Е Н В О Л І О .

Уйдемъ, Меркутіо! День жарокъ. Нѣтъ
Изъ Капулетовъ дома никого.

(*) «Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ повра-»

Не миновать намъ ссоры, если съ ними
Мы вспрѣчимся: въ жары и кровь киинитъ.

М Е Р К У Р И О .

Ты похожъ на забѣлку, который, войдя въ пра-
кширъ, кладетъ шагу на шомъ и говоритъ: «дай,
Господи, чибобы мнѣ сего дня въ ней не было нуж-
ды,» а пошомъ, не успѣвъ допить второй рюмки
вина, безъ всякой причины шомъся ее на-голо пе-
редъ прахширщкомъ.

вены. Трагедіи: *Ромео и Джульета*, хотя сло-
гомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извест-
ныхъ его прѣмовъ, но она такъ живо входитъ въ
его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ
много слѣдовъ волевой и ширкой его кисти, что
ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ
ней ошраилась Пикала, современная поэма, съ ея
калманомъ, шрастшми, праздниками, шдой, со-
неншми, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполнен-
нымъ блеска и сонetti. Такъ поналъ Шекспиръ
драматическую мѣстность. После Джульеты, по-
сле Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій
Шекспировской гшци, Меркушо, образецъ моло-
дого кавалера шого времени, изысканный, привлек-

Б Е Н В О Л И О .

Я похожъ на забѣлку ?

М Е Р К У Т И О .

Полно, полно; ты въ своемъ родѣ никакъ же бѣшеной шутишь, какихъ довольно въ Пинаин; поспѣшно горячишься, и горячь въ поспѣшности.

Б Е Н В О Л И О .

А это что значить ?

М Е Р К У Т И О .

То, что если бы подобныхъ тебѣ было двое, мы скоро бы ихъ лишились обоихъ; пошому что они бы другъ друга убили. Ты! ты поссорись и за то, что у кого нибудь борода однимъ волоскомъ

живый, благородный Меркуцио есть замѣчательнѣйшее лице изъ всей прагедит. Поэтъ избралъ его въ представителя Итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, Французами XVI вѣка, »

(Извлечено изъ рукописнаго сочиненія
А. С. Пушкина.)

больше или меньше пивоей; ты поссорился, если кто спанеть грызшь орѣхи, опъ ного, что у ше-
 би глаза орѣхового ядѣна; какой бы глазъ кромѣ
 эпизакого открываь подобную причину къ ссорѣ? Въ
 пивоей головѣ все ссоры, какъ въ яйцѣ все съѣдо-
 мое; но опъ ссорѣ и дракъ она спала также пуща,
 какъ выѣденное яйцо. Не стараея ли ты съ кѣмъ-
 то заспоришь, потому что онъ кашлялъ на ули-
 цѣ п кашлемъ своимъ разбудить пвою собаку, спав-
 шую на солнцѣ; съ поришь, что онъ до праз-
 дника Паски надѣлъ платье съ новой подкладкой,
 и еще съ кѣмъ-то другимъ, что у него новые
 башмаки были завязаны шарой ленточкой? И ты
 меня предостерегаешь опъ ссоры?

Б Е Н В О Л І О.

Если бы я приваэпъ былъ, какъ ты, то пер-
 вый встрѣчный могъ бы купишь за часъ съ чеп-
 вертью доходъ всей моей жизни.

М Е Р К У Т І О.

Всей жизни доходъ? Шушь!

(Тайбальтъ и другіе приходятъ.)

Б Е Н В О Л І О.

Головой ошвѣчаю, что идутъ Капулены.

МЕРКУТИО.

А а пашой, что пашоу на нихъ.

ТАЙБАЛЬТЪ.

Не отходивше отъ меня; я хочу съ ними говорить. Здравствуйте, господа; на слово одишь изъ васъ!

МЕРКУТИО.

Слово отъ васъ, слово отъ насъ, такъ будетъ пара словъ и ударъ.

ТАЙБАЛЬТЪ.

Я, сударь, готовъ на это, лишь только бы вы подали къ тому поводъ.

МЕРКУТИО.

Не можете ли вы найти его, хоть бы тебѣ и не подали.

ТАЙБАЛЬТЪ.

Меркутио, вы сыграли съ Ромео?

МЕРКУТИО.

Сыгрался? Какъ, не понимаете ли отъ насъ за скрипачей? Но если бы мы и скрипачи были, такъ

замѣшь, что у насъ съ небою вышла бы разногласица. Воишь мой смычекъ: онъ тебя заснавангъ паясангъ, Чористъ меня небери: сыгрался!

Б Е Н В О Л И О.

Подумаيشе: на улицѣ мы споримъ.
Пойдемше въ ссорону. Или спокойно
Обиды разбираише, либо лучше
Уйми онсюда: все глупишь на насъ.

М Е Р К У Т И О.

На шѣ глаза. Пускай глудишь, кпо хочешъ,
А я им для кого не пропусъ съ мѣста.

(Приходитъ Ромео.)

Т А Й Б А Л Ъ Т Ъ.

Ну, съ вами, сударь, миръ. Воишь человекъ мой!

М Е Р К У Т И О.

И дамъ себя повѣснить, если онъ
Твою анирею носить. Онъ поидешъ
На драку; шакъ шы правъ: онъ человекъ.

Т А Й Б А Л Ъ Т Ъ.

Ромео, по моей къ тебѣ любви,
Тебѣ ишишь лучше имени: подлець!

Р О М Е О .

Мнѣ, Тайбальтъ, надобно тебя любить,
И ливой бѣшеный привѣтъ прощаю.
Я не подлець: и пакъ разскажемся,
Я вижу: ты меня еще не знаешь.

Т А Й Б А Л Ь Т Ъ .

Обидъ своихъ пакъ не замладашь ты.
Нѣшь, воротись и выпагу на-голо!

Р О М Е О .

Клянусь, что я тебя не обижалъ;
Люблю тебя и больше, нежели
Предсказавишь можешь ты, пока не знаешь
Причину моей любви. Доволенъ будь же,
Мой добрый Капулетъ, чье имя пакже,
Какъ священное, драгоценно мнѣ.

М Е Р К У Т И О .

О низкая, безчестная покорность!
A la stoccata, чипобъ взглядишь это!

(Обнажаетъ шпагу.)

Со мною, Тайбальтъ, хочешь, крысоловецъ?

Т А Й В А Л Ъ Т Ъ .

Чего ты отъ меня хочешь?

М Е Р К У Т И О .

Добрый царь конекъ, ничего больше, кромѣ одной изъ десяти швонхъ ливоней, чтобы послушать съ нею, какъ захочу; а послѣ, когда ужь съ ны мнѣ услужилъ, унчиножу я легко и осмалныя восемь. Бери же свою шапу за уши, чтобы вышачить ее изъ фуллара; поскорѣе, а не то, прежде, нежели она ливниси, моя будетъ на ухахъ ливонихъ.

Тайвальтъ *(обнажая шапу.)*

Я швои.

Р О М Е О .

Любезный Меркунио, спрячь свою шапу!

М Е Р К У Т И О .

Ну, сударь, вышдай!

(Они бьются на шпагахъ.)

Р О М Е О .

Бенволио, на-голо!

Обзоружимъ ихъ, Сивидъ, господа!

Видь именно приказъ дая, чиробъ не драпись
На улицяхъ. Меркушьо, Тайбальшьо, стойше!

(Тайбальтъ и его сообщники уходятъ.)

МЕРКУТІО.

Я раненъ.

Будь оба дома прокляты! Вошь я

И при смерти. Уже ль онъ цѣль ушелъ?

БЕНВОЛІО.

Какъ, раненъ ты?

МЕРКУТІО.

Да, оцарапанъ славно.

А гдѣ мой пажъ? Пошелъ за лекаремъ!

(Пажъ уходитъ.)

РОМЕО.

Не безпокойся: рана не опасна.

МЕРКУТІО.

Нѣтъ, она не такъ глубока, какъ колодязь, и не
такъ широка, какъ церковныя двери; но изрядна:
свое возменитъ. Навѣсните мени завтира, и вы уви-
дите, какъ я буду лежать важно. Увѣрю васъ.

по я опжиаъ, по краине мѣрь для здвнннго сѣла. Будь они проклнны, оба ваши дома! Чорнѣ ени поберн! Собака, крыса, мышь, кошка, оца-апашн-человѣка до смерти! Храснунъ, негодай, одлецъ, кошорый дерещншь только по правнламъ рнѣменннкн! Задѣмъ васъ чорнѣ сунуть между насъ? Я получиаъ ударъ подѣ вашу руку.

Р О М Е О .

И дѣлааъ къ лучшему.

М Е Р К У Т І О .

Гуда ншбудѣ сведн мена, Бенволио, Гав чувствнв мншусъ. Будь оба ваши дома проклннью преданы. Они мена болѣ на съдѣнѣе ондама червнмъ. Кесшоко раненъ я. Охъ, ваши дома!

(Меркутіо и Бенволіо уходятъ.)

Р О М Е О .

Май благородный, Кннза родншвенннкъ, Май вѣрннй другъ мой, за мена шенерь смернельно раненъ. Тайбаламъ честь мою обндой посрамнвъ, а онъ небольшое какъ часть одннъ мнѣ родншвенннкомъ снамъ. Юлія, своєю прелестнью

Ты въ женщину меня преобращила:
Упращены и мужество и сила.

Б Е Н В О Л И О (*возвращается.*)

Ромео, храбрый нашъ Меркутіо
Скончался : благородная душа,
Презрѣвши землю, къ небу воспарилъ.

Р О М Е О.

О мрачный день! Печали роковыя
Пришли : конецъ ихъ дни узрять другіе.

(*Тайбальтъ возвращается.*)

Б Е Н В О Л И О.

Вопль Тайбальтъ просинный идушь назадъ,

Р О М Е О,

Живъ, весель! А Меркутіо убитъ!
Починпельная кровосось, возвращись
На небо! Просишь огнеокал,
Будь мнѣ вождемъ! Возми же, Тайбальтъ, пми,
Которое сей часъ ты мнѣ давалъ.
Душа Меркутіо паритъ надъ нами
И ждетъ въ сонущицы твою. Иль ты,
Иль я, иль оба съ мнѣмъ соединимся.

Т А Й Б А Л Ь Т Ъ.

Мальчишка и его товарищъ, шъ
Отправившись къ нему.

Р О М Е О.

Вонъ кино рѣшится.

*(Они бьются на шпагахъ. Тайбальтъ
падаетъ.)*

Б Е Н В О Л И О.

Бѣги, Ромео: граждане въ смущенннхъ.
Что спялъ здѣсь? Тайбальтъ мерзавъ. Бѣги!
Тебя на смерть осудилъ Князь, когда
Ты будешь взанъ.

Р О М Е О.

Я счастья шунъ.

Б Е Н В О Л И О.

Ну, что жъ ты здѣсь?

*(Ромео уходитъ. Приходятъ граж-
дане.)*

Г Р А Ж Д А Н И Н Ъ.

Куда онъ убѣжалъ?
Гдѣ Тайбальтъ скрытъ, Меркуцію убійца?

Б Е Н В О Л И О.

Вошь онъ проспертъ.

Г Р А Ж Д А Н И Н Ъ.

Слушай же ты за мной:
Я именемъ приказываю Князя.

*(Приходитъ Князь и его свита, Мон-
тэю, Капулетъ, ихъ жены и другіе.)*

К Н Я З Ъ.

Гдѣ такіе виновники смущеня?

Б Е Н В О Л И О.

Я расскажу тебѣ все, государь,
Подробности ихъ ссоры роковой:
Вошь храбраго Меркуцію убійца,
Сраженный самъ Ромео молодымъ.

Л Е Д И К А П У Л Е Т Ъ.

Щеминникъ! Тайбальтъ! О ужасный видъ!
Сынъ брата моего въ крови лежитъ!

Пуснь, государь, судъ правый нареченся:
Кровь Монцаго за нашу кровь прольшена!

К н я з ь.

Бенволою, кто быль защитникъ ссоры?

Б е н в о л ю.

Рукой Ромео пораженный Тайбальшиъ,
Ромео говорилъ ему спокойно,
Просиль размыслишь, какъ легко заспорить,
И предсказавалъ швой гнѣвъ, Онь говорилъ
Все крошко, мирно; даже уныленно
Просиль: по къ миру преклонись не мочь
Неукротимой Тайбальшиовой злобы.
Не млема почему, со шнагой онъ.
На храбраго Меркушио началъ.
Спрямительный, подобно недругу,
Противникъ началъ смертной поединокъ:
Онь съ гордостью воинской усмраиваетъ
Одной рукою смерть, другой наноситъ
Те врагу; межъ шльмъ искусный Тайбальшиъ
Противнику се передаетъ.
« Оспановищесь, » громко имъ кричитъ
Ромео, « разойдешся, друзья! »
И, дѣйствуя рукою быстрѣ словъ,
Хватается за смертоносныя

Ихъ шпаги , клонить ихъ къ землѣ , и самъ
 Бросаясь межъ нихъ : но Тайбальта
 Ударъ смертельный подъ рукой Ромео
 Доходящъ прямо до истока жизни
 Безстрашнаго Меркутіо. Тогда
 Сокрылся Тайбальтъ. Только вдругъ оный
 Приходитъ онъ къ Ромео , лишь въ душѣ
 Его родилось желанье мести.
 Какъ молнія другъ къ другу усрепляется :
 Я шпаги не успѣлъ извлечь , чтобъ ихъ
 Разнять , уже опьякный Тайбальтъ цѣль.
 Увидя это , скрылся и Ромео.
 Вошь испица , или нушь я умру.

Л Е Д И К А П У Л Е Т Ъ .

Тутъ ложь ; въ родѣ присирашенъ говоритъ ;
 Сражалось двадцать , а одинъ убитъ .
 Суди насъ , государь : твоей долгъ судъ правый .
 Опмщенъя пребуенъ ударъ кровавый :
 Рукой Ромео Тайбальтъ пораженъ ;
 Ромео жизни долженъ быть лишень .

К Н Я З Ъ .

Ромео Тайбальта , а онъ Меркутіо
 Убитъ : кто мнѣ за эту кровь заплатитъ ?

Л Е Д И М О Н Т Э Г Ю .

Ахъ, но Ромео, государь: онъ былъ
 Меркушьо другъ, и чинъ бѣ законъ свершилъ;
 Обречени Тайбальша на смерть, шо мщеньемъ
 Ромео кончилъ.

К Н И З Ъ .

Эпимъ пресупленемъ

Онъ заслужилъ изгнаніе онъ насъ.
 Среди вашихъ ссоръ моя кровь пролилась:
 Но казнь вамъ приговарю я въ онцелану,
 И вы мою оплатите унрапу;
 Я буду глухъ; меня не умолишь;
 Оснавьше слезы; ими вамъ не смышь
 Своихъ злодѣйснвъ. Ромео долженъ скрыться,
 Или въ ночь часъ онъ съ жизнью разлучился,
 Когда здѣсь будетъ пойманъ.

(Къ свитѣ своей.)

Грунь убраться

И новыхъ повѣдній ожидать!
 И милосердіе убійснвомъ будешь,
 Когда убійцу ближнихъ не осудишь.

★ ★

С Л Е З А.

Когда печали неощущенной
 Въ тебѣ подымется гроза
 И нехотя слезою крупной
 Твои увлажнятся глаза,

И и въ то время съ наслажденьемъ
 Еще внимательнѣй, живѣй,
 Любуюсь широкимъ выраженьемъ
 Пригожей горести твоей.

Съ лазурью голубаго ока
 Играешь выбкій блескъ слезы,
 И мнѣ сдается: перлъ востока
 Скачнется съ свѣтлой бирюзы,

Кн. Вяземскій.

К Ъ   А.   П.

Счастливы ны въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ карнахъ и въ шракахъ;
Ты St. Priest въ каррикатурахъ,
Ты Пеледнскій въ стихахъ,
Ты просирьмаешь на дуэль,
Ты разрубленъ на войнѣ, —
Хощь герой ны въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ны вполнѣ.

А. П.

ИЗОБРЕТЕНІЕ ВАЯШІА.

Идиллія.

(Посвящается В. И. Григоровичу.)

« Въ куцу ко мнѣ, паснухи и паснушки! Въ куцу
скорѣ,
Старцы и жены, годами согбенныи! Къ чуду вась
кличу!

Боги благіе мени, прервѣннаго дѣвой жестокой,
Дивно возвысена! Слабые взоры мои уладилась
Свѣплымъ, небеснымъ виднѣемъ! Перслы мои со-
вершени,

Смершные, дѣло безсмертное! Зовъ мой услышьте,
бѣгши

Въ куцу ко мнѣ, паснухи и паснушки! Въ куцу
скорѣ,
Старцы и жены, годами согбенныи! Къ чуду вась
кличу! »

Такъ по холмамъ и долинамъ бѣгать и голосомъ
звонкимъ
Канкалъ, мирно пасущихъ стада паспуховъ Тоній-
скихъ,
Ликидасъ юный, изъ розовой глины шворившій
искусно
Чаши, амфоры и урны печальныя, именемъ слав-
ный,
Пламеннымъ сердцемъ несчастный! Любовь безъ
раздѣла несчасье!
Ликидасъ, всѣмъ любимый, былъ презрѣнъ единой
паспухой,
Злою Харитой, которою онъ безразсудно влюбил-
ся! —

— Образъ Хариты! Харита живая! Харита изъ
глины! —

Разомъ вскричали въжавшіе въ кущу. Крики сли-
лись
Въ радостный вой, возходящій до неба, и въ узкія
двери,
Словно рѣка, паспухи полекли, толпа за толпою.
«Друзи, раздайсь!» имъ Ликидасъ молвилъ.
«Такъ, образъ Хариты,
Дѣвы жестокой вы видите! Боги сей подвѣтъ ве-
ликій
Мнѣ помогати совершить и глину просую въ не-
бесный

Облкъ одѣли, но въ прочистки ей отказали! Раз-
 дайшесь,
 Други, молю васъ! Можеть нѣмой, въ тишинѣ
 продираесь,
 Вдругъ безъ намѣренья ринулись прямо на ликъ сей
 и мину
 Смѣль, и мени еще въ зѣбную долю повериушь!
 Садитесь,
 Крайніе, вы же всѣ замолчите, вамъ чудо скажу я!
 « Много дней и ночей, помню безнадежной лю-
 бовью,
 Сна не зналъ я, пищи не бралъ и дѣла не дѣлалъ.
 Словно призракъ печальный, людей убѣгал, блуж-
 далъ и
 Вдоль по пустынному берегу морскому; слышать
 слышанье
 Воли и имъ опдѣчалъ неуспѣшнымъ рыданіемъ.
 Пыльче
 Ночью, — какъ и когда, не приномяю, — упалъ на
 песокъ я,
 Смолкъ и забылся. Къ утру, чувствую, шеплой
 рукою
 Кипо-що плечо мое пронзатъ и будить меня и при-
 шно
 На ухо шепчешь: » Ликидасъ, встань! Подкрѣпи
 себя пицей,

Въ кущу иди и за дѣло примися! Чпо сотеоришь
шы,

Вѣсно Кипридѣ въ даръ принеси : уврачуетъ богины
Сердце недужное! » Изоры я подыять — напрасно!

Поднялся —

Нѣтъ никого ни въ близкѣ, ни въ дали! Но совѣсны
благіе

Въ сердце запалъ послушное: въ кущу иду я и глану
Мну и выжкій кусокъ оидѣавшии, на кругъ полерганю;

Сѣлъ я, не зная чпо дѣлань : по глыбѣ послушной
безъ мыслей

Пальцы блуждають, глаза не смонранцъ за ними,
а сердце —

Сердце далеко, на гордоснѣ Харитны, несчастное,
ропчешъ!

Вдругъ, какъ лучемъ неожиданнымъ въ бурю, мени
поразило

Чпо-то знакомое: я вспрепенулся и сердце забилось.

Боги! на глыбѣ я вижу очеркъ прямой и чудесный

Лба и носа прекрасной Харитны, дивно похожій!

Вижу: и кудри гусныя, кругомъ завивался, пови-
сан;

Мѣсто для глзъ ужь назначено, пальцы жь тру-
дятся добратися

Въ мякоти чудной до успѣть говоравныхъ! Съ этого
мига

Я не знаю, чпо было со мною! Пламя, не сердце

Билось во мнѣ и не въ персяхъ, а въ цѣломъ раздѣ-
 тное тѣлѣ,

Съ темя до ногъ! И руки мои, и глина, и куща,
 Дивно блистая, верпѣлись! Лишь помню; прекра-
 сный младенецъ

Сирѣхой золотою по глини сверкалъ, придавая но
 гордоспѣ

Свѣилому лбу, но понимливоспѣ взгляду, но рос-
 конь лавинамъ;

Кончила улыбкой, улыбкой заманчиво-сладкой!
 « Свершилось!

Съ мѣсна возсталъ я, закрылъ рукою глаза, а другою
 Кудри свои захватилъ и подернулъ: хощѣлъ я скорѣе
 Боль почувствовать, все ли живу я, упасть! —

« Совершилось
 « Смертнымъ безсмертное!» голосъ священный вне-
 зашно раздася:

« Эрмій, разкуй Промедея! Старецъ, утѣхся межъ
 славныхъ

«Твней! Небесный огонь не вошце похощенъ былъ
 побою!

« Пользой твое свящоташспѣво изгладилось! Ты же,
 мгновенной,

« Бренной красъ даровавший безсмертье, взглянь, какъ
 попомкамъ

« Позднимъ твоимъ представляя богу въ невлашн-
 момъ сѣяньи,

« Камень простой, искусством живопись, оживить
в ихъ подобии,
« Смертныхъ красой къ небесамъ восхищать и о
Зевсѣ благодать! »

« Гдѣ я? Сирѣма прорѣзала небо! Олимпъ предо
мною!

Тебѣ - Аполонъ, это ты, это ты! Тешива еще
спонсень,

Взоръ за стрѣлой еще слѣдуетъ, славой чело и ла-
нины

Блещутъ; лишь длань успокоилась, смерть со стрѣ-
лою пустивши!

Мнѣ ли предъ вами спонсь, о безсмертные боги!

Кольни

Глушса, паду! Тебѣ я сей лань приношу, Киперей,
Дивно изъ моря изшедшая въ радость безсмертнымъ
и смертнымъ!

Слѣпцу! Узрѣвъ я Зевеса съ Горгоной на длани мо-
гучей!

Кудри, какъ полные грозды, вѣнчаютъ главу зо-
лоную,

Въ легкомъ наклонѣ покрывшую вѣчный Олимпъ и
всю землю!

Баронъ Дельсингъ.

К О Н Е Ц Ъ.

01111111

11111111